

уральский

следопыт

№8 **** 1977

«Ордов», «Шах», «Регент», «Флорентиец» из семейства самых великих алмазов, тех, что окружены тайной, фантастической славой, о которых написаны тысячи книг, — эти алмазы хранятся в... музее Свердловского ювелирного завода.

Конечно же, уральские короли драгоценных камней не настоящие, а поддельные. Но лишь опытный специалист обнаружит, что это — двойники, копии. По цвету, огранке, весу они, как две капли воды, похожи на знаменитые оригиналы. Прозрачный «Орлов» с еле заметным зеленоватым оттенком... Цвета воды «Шах» — хоть и есть в нем желтовато-бурый оттенок, вместе с тем прозрачность камня безукоризненна. Желтоватый «Флорентиец», если положить его рядом

со свердловским двойником, тоже никак не будет отличаться. Так же безупречен «Регент» — именно такого вида бриллиант украшал шпагу Наполеона...

Уральские алмазы-двойники сделаны, вернее, — имитированы, из горного хрусталя разных оттенков молодым гранильщиком фабрики Евгением Козловым — учеником старейшего уральского алмазных дел мастера Степана Петровича Постылякова.

Почти все гранильщики умеют уловить блеск камня, внутреннее отражение света, умеют, как говорят, найти выигрышный камень. Но камни, ограненные Евгением Козловым, отличаются особой игрой. Несколько его произведений хранятся в Выставочном фонде СССР.

Г. КУМАНОВ

Снимок А. Нагибина

АЛМАЗЫ - ДВОЙНИКИ УВАЖИ - ДВОЙНИКИ

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Нисковских БАМ — НАЧАЛО БИОГРАФИИ	2
ИДУ НА «БЫ», ТОВАРИЩ ВУЗ!	6
И. Семенчик ПО МАНДАТУ ИЛЬИЧА	8
В. Кривошеин КОРЧАГИНЦЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ	9
Д. Мальцева УРАЛЬСКИЙ КАМО	10
С. Попов ПОЛЯРНАЯ ОДИССЕЯ ХУДОЖНИКА	13
Н. Никонов ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ. Начало	17
И. Вершинин ОБСКАЯ ВОЛЬНИЦА	32
Е. Польская ГРЕМЯЩИЙ ДЫМ	33
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	34
Л. Вельяминов ТОТ САМЫЙ ОСЬКИН	36
И. Каплун ОТЦУ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	39
Ю. Липатников СКАЗЫ О СМЕКАЛКЕ	40
В. Черныльцев О ЧЕМ ДОНОСИЛ ЖАНДАРМ	43
Л. Вакуловская ПИСЬМА ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА. Рассказ	44
АЛЫЙ СЛЕД — ИЗ ЛЕТА В ОСЕНЬ. Стихи	54
Е. Кривенко ТАНЕЦ ПЕРЕД ПОВЕЛИТЕЛЕМ СТАТУЙ. Рассказ	58
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	64
Р. Тихая, П. Галкин СТАРЫХ МАСТЕРОВ ПОДАРЕНЬЕ	67
Е. Ищенко БЕРЕТ СЛЕД ЭВМ...	70
ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ	74
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/IV 1977 г.
НС 11350
Подписано к печати 13/VI 1977 г.
Бумага 84X108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,3
Тираж 275 000.
Заказ 111
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1977 г.

№8 * 1977

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

БАМ — НА

60

Юрий
НИСКОВСКИХ

Рисунок
Е. Симкина

С Людой Макеевой я познакомился осенью. Она приехала в Тынду с первым отрядом свердловских строителей в мае 1975 года, когда сопки цвели дурманящим багульником, а в таежных распадах по утрам долго держался туман, нетронутым лежал белый снег.

Десант уральцев высадился к западу от Тынды среди горбатых лиственниц, кедровых стлаников, карликовых берез и серебристых лишайников. Во мшистом редколесье и начали жить, как говорится, с чистого листа.

Люди подобрались бывалые, мастеровые. У многих позади крупные уральские стройки: Серовская и Рефтинская ГРЭС, Сухоложский цементный завод, железная дорога Тавда — Сотник, Нижнетагильская «широкополка»... И Люду Макееву, конечно, поразили не только ночное небо с необычно близкими звездами, алые брусничные россыпи среди холодных валунов. Она поняла: повезло ей с товарищами.

Сама Люда выросла в Артях. После окончания школы приехала в Свердловск, училась в профессионально-техническом училище. Работала плиточницей, маляром в тресте «Свердловскхимстрой». Строила новый ВИЗ, ювелирный завод, высотные дома, Сухоложский цементный завод. И все же мечтала о дальних дорогах. И вела дневник...

Начало 1974 года. «Опять Федька на свой КамАЗ уехал... А мне вот трудно будет расставаться с городом, если придется уезжать отсюда. Ведь и мое здесь есть: девятиэтажка на Вторчермете, столовая в совхозе, еще одна девятиэтажка около «Южного», «водородка» и пешеходный туннель в цехе холодной прокатки на ВИЗе. Так что с полным правом говорю: «Я — строитель Свердловска».

Спустя некоторое время появляется и такая запись:

«А вчера приезжал к нам Федька. Да, тот самый — «герой» КамАЗа. Он уже обратно прикатил, уволился с КамАЗа. Слабак».

Еще:

19 апреля 1974 года. «Летит время. Скоро первое мая, а там и Томкина свадьба. До сих пор не верится, что «стрекоза» все-таки собралась замуж. С ней трудно, но без нее — труднее. Уедет на край света — в Туркмению. Как птицы из гнезда, кто куда разлетелись. Со многими девчонками из училища так получилось. Ольга Хрящева — в Красноярске, Молочкова — в Нижневартовске, Кондюрина — в Липецке, Бутакова — в Германской Демократической Республике, Пугрова — в Ростовской области, Никонова — в Оренбуржье, Белоусова — в Крыму. По всей стране разлетелись. А меня, наверное, Норильск ждет...»

И вдруг:

24 апреля 1974 года. «Вчера начал работу XVII съезд комсомола. Объявили открытие новой комсомольской ударной стройки — Байкало-Амурской магистрали! КамАЗ строят без меня, Саяно-Шушенскую ГЭС тоже, то на Амуре без меня не обойдутся. В конце концов в девятнадцать рано успокаиваться. До горкома комсомола доберусь, но своего добьюсь...»

7 мая 1974 года... «Второй день работаю маляром. Бригаду все-таки расформировали. Конечно, такой, как прежде, бригады уже не будет. Но зато научусь красить, белить и все прочее, — на БАМе пригодится».

Все, что Люда ни делает — подчиняет одной мысли — «на БАМе пригодится».

26 мая 1974 года... «Завтра после работы поеду в горком комсомола за путевкой на БАМ. Если не дадут, напишу в комитет комсомола строительства магистрали. Должно же что-то в моей жизни перемениться. Я чувствую, я знаю: судьба моя БАМ, только БАМ».

31 мая 1974 года. «Вот мне и 19 лет. Отметила день рождения с девчонками. С кем-то мне придется отмечать свое 20-летие? В прошлом году в день рождения был дождь и нынче тоже. Говорят — к счастью...»

Чало биографии

Забегая вперед, скажу: свои 20 лет Люда отметила на БАМе. Ее поздравляли плотники, слесари, повара, шоферы, трактористы, руководители свердловского отряда. Преподнесли адрес. «Желаем сибирского здоровья, уральского трудолюбия». Не было, правда, в тот день дождя. Весь день светило солнце, и вечер опустился теплый и тихий.

11 июня 1974 года. «Вот и сбылась, Людмила, твоя мечта: живешь ты в вагончике, спишь на двухъярусной кровати — у самого потолка, работаешь на комсомольской ударной стройке — на Сухоложском цементном заводе. Да и ветер дует, почти как на Байкале, и комаров хватает. А настроение все равно хорошее».

Люда — в Сухом Логу, в ста километрах от Свердловска, в уральском ветре ей слышится байкальский баргузин.

16 июня 1974 года. «Настоящее лето наступило — летит тополиный пух. Сегодня выборы. Проголосовали, а потом пошли в картинную галерею. Там выставка из дерева «Природа и фантазия». Очень понравилось».

13 сентября 1974 года. «На ювелирном заводе работаем во вторую смену (Тимур, Сашка и я). Целый коридор — 165 квадратных метров — надо выложить полихлорвиниловой плиткой. Сегодня сделали подготовку. Работаем с хорошим настроением».

21 декабря 1974 года. «Новый год рядышком. Загадаю желание: Первое мая праздную на БАМе!»

11 марта 1975 года. «Звонила в комитет комсомола, спрашивала, как с путевкой на БАМ. Взяла и не представилась, захотела пошутить, подурачиться. Разговор начала так, как будто представления не имею, с кем говорю.

— Это трест?

— Да.

— Комсорг?

— Да, именно он.

Ну откуда ему догадаться, что это я.

— С кем вы собираетесь ехать на БАМ?

— С мужем.

— Муж у вас комсомолец?

— Да.

— А вы?

— Тоже комсомолка.

Эх, секретарь, секретарь, и невдомек тебе совсем, что это я по пять раз в день звоню тебе. Он говорит «Алло!», а я только улыбаюсь. Совсем как в песне:

«Диск на телефоне кручу,

Ты кричишь: «Алло!»

А я молчу.

Может, я просто рада

Голос твой услышать рядом!»

18 марта 1975 года. «Приступила к своим обязанностям. Доверили ключи. Я — кладовщик на участке Пономарева. Завтра с утра навожу

порядок. Хорошо чувствовать себя хозяйкой. Как расставлю и разложу — никто ничего не тронет. Скорее бы день проходил, да завтрашнее утро наступило».

Уж было принято решение взять Люду на БАМ. Она начала проходить испытательный стаж на участке Олега Константиновича Пономарева, у которого в то время стажировались многие будущие бамовцы.

И вот торжествующая запись в дневнике.

12 мая 1975 года. Два часа ночи. «Сегодня в три часа дня уезжаем. В 10 утра встреча в обкоме партии, в час дня митинг у треста, а в три — даешь БАМ!»

15 мая 1975 года. «Едем четвертый день. Проводы в Свердловске были торжественные. До сих пор все стоит перед глазами: перрон, музыка, лица друзей. Провожали героями, как-то встречать будут.

Только сегодня мне поверилось, что уехала далеко и надолго. Завтра вечером прибываем в Сквородино, а там, как сказали нам, на машинах по старому Якутскому тракту до Тынды».

16 мая 1975 года... «Мы едем, едем, едем... Часа через четыре высадка. Доехали незаметно. Ночью миновали Байкал. Поезд стоял на станции 15 минут, а до озера где-то с полкилометра. И вот мы, человек восемь, рванули к Байкалу. Весь эшелон спит, времени третий час ночи, а мы бегали к озеру. Напились байкальской водички, умылись и обратно к поезду бегом...»

Прочитал я эти строчки и вспомнил, как 22 года назад, в конце лета 1953 года проезжал на поезде мимо Байкала, умывался студеной его водой. После говорливых университетских коридоров испытывалось такое же нетерпение души, такая же жадность к неизведанным трудностям... И было мне тоже в ту пору немногим больше двадцати. И тайга за Байкалом не была еще разбужена.

Первая запись в Людином дневнике на БАМе.

18 мая 1975 года. «Живем уже второй день в Тынде. Местность отличная. Кругом сопки, рядом река. Живем в вагончиках, как в Сухом Логу. Скоро (недели через две-три) переедем на постоянное местожительство. Там будут двухместные комнаты с полированной мебелью, тахтой, водяным отоплением. В общем, романтики нет, комаров тоже нет. Багульник, правда, начинает цвести. Здорово красиво.

Взял меня на БАМ завскладом. Работы хватает. Утром сегодня персонально разбудили в 7 часов: пришли машины и нужно было принять рубероид.

В Кувыкте, где уральцы строят сейчас поселок, прораб мне говорил:

— Наши мужики собирались в дорогу основательно, не впопыхах. Плотники, понятное дело, везут весь инструмент: топор, ножовку, стамеску, молоток...

Да, они не ждали манны с неба и не страшлись испытаний и препятствий. Они ехали на работу».

20 мая 1975 года. «Вчера наши ребята отличились, в хорошем смысле, конечно. Разожгли костер, пригласили нас официально, напоили чаем и... устроили танцы. Принесли доски, уложили их рядом — и танцплощадка готова. Мы с Сережкой открыли бал, вышли первыми.

Вот скоро начнем строить свой городок. И уж там-то мы сделаем капитальную танцплощадку».

27 мая 1975 года. «Две недели прошли как из Свердловска выехали. А кажется, что давным-давно здесь».

3 июня 1975 года. «Дни летят... А грусти, что летят, нет. Все идет отлично. День рождения прошел так, как ни разу в Свердловске не отмечали. Были все наши ребята, человек двадцать. Девчонок, конечно, меньше... Вечер делали в своей столовой. Очень надолго запомнится. А в воскресенье ходили в Тынду, в кино, потом на танцы».

— Кино, танцы, концерты на стройке, — рассказывал мне в Тынде секретарь Джелтулакского райкома партии Алексей Кириллович Васильев, — все очень важно. Каждый четвертый строитель БАМа — моложе 25 лет! Половина — тридцатилетние... Эту статистику мы не можем не учитывать.

10 июня 1975 года. «Идет рабочая неделя, а у меня праздничное настроение. Выходные провели лучше некуда. Два дня были на речке. Назагорались и накупались. В субботу мы с Сережкой переплыли речку и в чем были, босиком лазили на сопку. Наверху чувствуешь себя, как в сказке. Ковер-самолет бы!»

Это записи тех дней, когда свердловчане осваивались на новом месте, работали от зари до зари. И, конечно, Люде тоже непросто. Она об этом скажет...

11 июня 1975 года. «Занята с утра до вечера. Со станции машины все время везут грузы. На работе скучать некогда, а вечером: то стенгазета, то комсомольское собрание, то профсоюзное, а то и день рождения или проводы в Кувыкту. Дни летят очень быстро. К работе своей начинаю привыкать. В Кувыкту уехал первый отряд — 13 человек. Это — вальщики леса и опытные плотники. Потом наши отправятся на свою вторую станцию — Хорогочи.

Надо поступать учиться. Поближе к осени наберу учебников, подговорю ребят, возьмемся за учебу все вместе.

Я никак не могу привыкнуть, что рядом лес и река. Прямо у дверей моего склада растут лиственницы, видно лес, сопку. Пройдешь 15—20 метров — и уже тайга. А какие здесь крупные звезды по ночам! Даже ковшик Большой Медведицы развернут не так, как на Урале».

16 июня 1975 года. «Получила письмо от Томки с фотографиями. Ездили сегодня в Тынду, а вечером ходили к москвичам играть в волейбол. Томка пишет, что они в Свердловске играют в волейбол с Галкой, Танькой и Сашкой. У меня здесь компании гораздо веселей».

17 июня 1975 года. «Сегодня сразу два праздника. Первый — прожила здесь ровно месяц, второй — переезжаем в свои квартиры. Комнаты, конечно, отличные — двухместные, диваны, столы полированные. Не захочешь и в Свердловск возвращаться. Живем все вместе. Рядом наши Иванушка с Колей, а Сережка чуть подалее».

24 июня 1975 года. «Длинные, длинные дни. Не в прямом смысле, конечно. Длинные потому, что очень насыщенные. Вчера, например, после работы собрались мы на почту, а ребята решили работать во вторую смену. Клеили рубероид на крыше. Я забралась к ним. Вспомнила работу кровельщика. Помню, как мы с Томкой на «Ювелирке» трудились, по крыше бегали. Ну, а здесь мы проработали часов до семи, пока дождь не начался. Потом до часу ночи с ребятами стенгазету рисовали».

16 июля 1975 года. «Был у нас вчера субботник. С усердием поработали. После субботника поехали на речку, купались в быстрой волне, загорали. Речка с водой ледяной, течение — с ног сбивает... Это — жизнь!..»

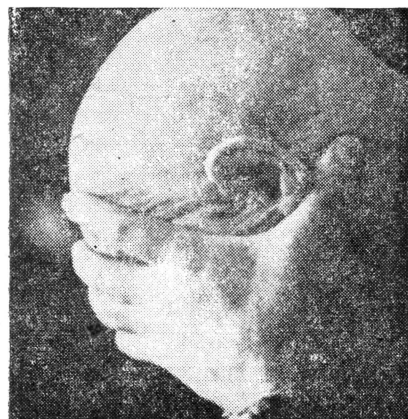
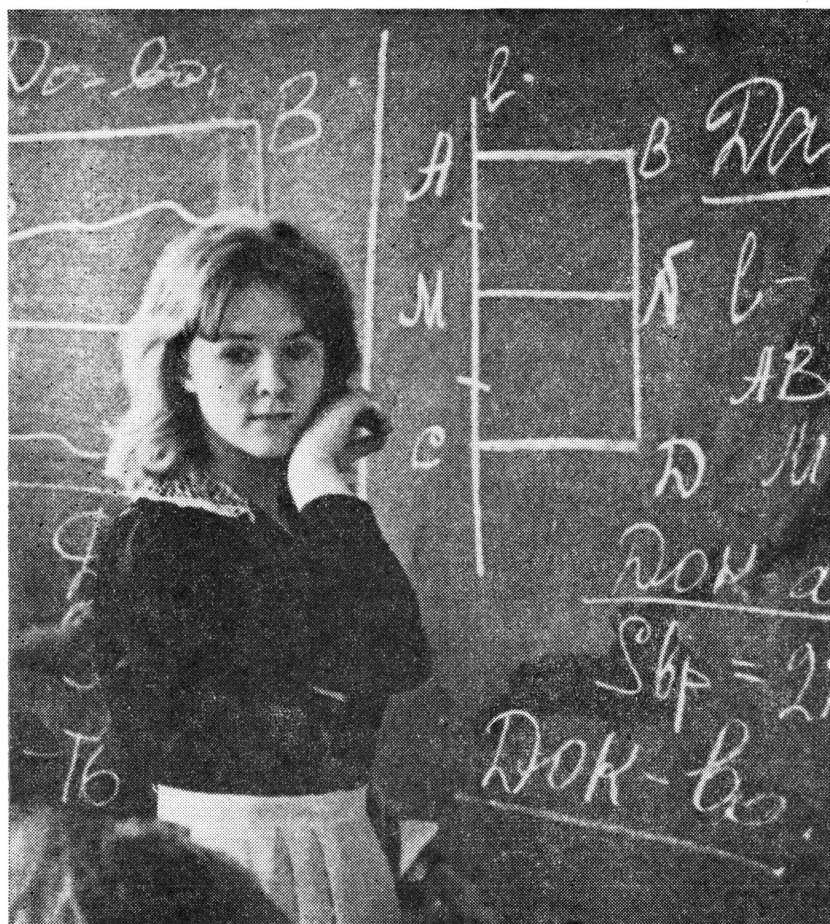
Дневник Людмилы Макеевой, очарованной жизнью девушки из Артей, только начат, как и ее простая биография. Предлагая читателю эти искренние странички (конечно, с разрешения Люды), надеюсь, что нам удастся попозже прочесть и новые главы.

...А потом на БАМ пришла осень. Отшумели листопады. Поблекло золото сопки, оголилось редколесье. В притихшие речки вернулись с верховьев харисы и ленки. По утрам уже прихватывали морозы. За короткое сибирское лето свердловчане основались в голой тайге и обжили новый поселок Кувыкту. Минула и первая для уральцев зима, нелегкая, суровая. Теперь они уже сооружают полным ходом вторую железнодорожную станцию — Хорогочи.

А весной 1976 года у Люды произошли в жизни большие изменения. Она встретила там, на БАМе, человека, с которым решила разделить свою судьбу. На комсомольской свадьбе гуляя весь свердловский отряд. Люда перебралась с мужем в Кувыкту, работает на бетонорастворном узле, малярит. По-прежнему любит цветущие по весне сопки, светлые и быстрые таежные речки и ждет первого гудка локомотива на станции Кувыкта — новой географической точки на карте нашей Родины.

ИДУ НА «ВЫ», ТОВАРИЩ, ВУЗ!

Фото
А. Лысякова

объявления приемной комиссии

Студенческий билет, семестр, стипендия, специальность, Счастье... Овладеть этим студенческим алфавитом стремится каждый абитуриент. «Взять с бою» любимый институт — действительно, счастье. Хотя будет все за годы учебы: и студентам придется поломать голову, и преподавателям тоже...

Инженеры, начальники цехов, директора предприятий — это наступит много позже. А пока здесь все «будущие», еще только на самом пороге профессии.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТЪ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ.

Отд. _____

Адресъ _____

№ 1349
28 мая 1918 г.

Вологодского Губернского Училища
Интенданта Канцелярии
Заведующий Канцелярией
Ивановский в Вологде
Интенданта Канцелярии
Судящий
1918 г.

Совет Обороны Российской Советской Федеративной Советской Республики на основании уполномочивает председателя своего секретариата Народного комиссариата Государственного Контроля *Василия Матвеевича Смирнова*

В. Матвеевич Смирнов

ПО МАНДАТУ ИЛЬИЧА

Анфилада пустых комнат встретила обледеневшими оконными стеклами.
— Ничего, Маша, будем обжигаться! — бодро сказал Василий Матвеевич. — И начнем... с топлива.
На дворе быстро росла куча дров. Василий Матвеевич уже расстегнул ватную телогрейку; побрякивая от удовольствия, он опускал колун на толстые березовые чурки.
Наблюдая за мужем, Маша не услышала, как осторожно открылась калитка, и во двор вошел мужчина в длинной до пят шинели. Из-под

башлыка виднелся козырек форменной фуражки. Он постоял, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел по сторонам и нерешительно двинулся к молодой женщине.
— Сударыня! Покорнейше прошу простить за бесцеремонное вторжение... Я секретарь контрольной палаты Пермской железной дороги... — и он произнес трудно запоминающуюся фамилию. — Мне сказали, что в этом доме остановился главный контролер из Москвы, я хотел бы видеть его, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

— А вот он, собственной персоной, — сказала Маша, выслушав тираду, и показала на мужа.

Чиновник опешил: он никак не мог предположить, что такая важная личность снизойдет до столь прозаического занятия... Но будучи человеком воспитанным, он отрекомендовался и, не зная, что говорить дальше, выдавил:

— Как вы хорошо колете дрова...

— Не удивляйтесь. До революции это была моя специальность, — со смехом ответил Василий Матвеевич.

...В помещении бывшей контрольной палаты царило уныние. Служащие уже знали о приезде, и перспектива попасть в подчинение к «неотесанной деревне» казалась им не из лучших. И вдруг один из присутствующих, увидев Смирнова, обрадованно воскликнул:

— Василий Матвеевич! Здравствуйте!... — На немые вопросы коллег он ответил: — Мой товарищ по университету. Гордость юридического факультета, эрудит, прекрасный оратор, знает три языка!..

Однокашник Василия Матвеевича не преувеличивал. Но и он не знал многого... Окончив университет, Смирнов был призван в армию. Ввиду слабого зрения его освободили от службы. Он стал работать в Ташкентском государственном контроле. После Февральской революции члена краевого совета профсоюзов Смирнова делегируют в Петроград, на Всероссийский съезд служащих Госконтроля, избирают членом ЦК союза. В ноябре 1917 года Василий Матвеевич — председатель Центрального комитета союза Госконтроля, член его коллегии. Он участвует в разработке и проведении в жизнь новых положений и правил, руководит борьбой с саботажниками, выступает на собраниях и митингах. Представитель Госконтроля Смирнов присутствует на заседаниях Совета Народных Комиссаров в Кремле. Ему поручено представительство контроля в министерстве юстиции, он участвует в межведомственном совещании по проведению в жизнь Брестского договора.

Весной 1918 года Василий Матвеевич Смирнов выезжает снова в Ташкент. Прибыв на место, он за короткий срок составляет план и смету расходов на первоочередные работы по восстановлению хлопковой промышленности, разрабатывает проект положения о Госконтроле Туркестанской республики, подбирает штаты. И вскоре посылает телеграмму: «Москва. Кремль. Председателю Совнаркома т. Ленину. Копия — Государственный контроль. Основана краевая учетно-контрольная коллегия...»

Смирнов возвращается в Москву. Он участвует в комиссии Совнаркома, которая разрабатывает меры подавления контрреволюции в Туркестане, выезжает для проверки поло-

жения с транспортом и продовольствием в Донбасс, ревизует железнодорожные перевозки в Вологодской, Костромской, Северо-Двинской и Ярославской губерниях.

Следующая командировка — на Урал: организация Госконтроля на железнодорожном транспорте. С мандатом главного контролера он прибывает в Пермь, а в конце 1919 года — в Екатеринбург, куда после освобождения Урала от Колчака переводится управление дороги.

Летом 1920 года Василий Матвеевич Смирнов снова в пути. На этот раз председатель ВЦИК М. И. Калинин скрепил своей подписью мандат № 55 от 13 августа на «чрезвычайную ревизию всего без исключения железнодорожного транспорта в пределах всех Сибирских железных дорог».

Через два года Василий Матвеевич был назначен по совместительству заведующим оперативным отделом областной РКИ, а затем переходит на новую должность — членом правления Пермской железной дороги. В приказе от 27 мая 1924 года говорилось: «В лице тов. Смирнова В. М. транспортная инспекция вообще, НК РКИ Пермской железной дороги в особенности, теряет одного из наиболее ценных своих работников. Деятельное знакомство со всеми отраслями железнодорожного транспорта, большие организаторские способности и правильное понимание духа и методов современной работы РКИ дали возможность тов. Смирнову, несмотря на целый ряд неблагоприятных условий и более чем ограниченный штат сотрудников, поставить работу РКИ Пермской ж. д. на надлежащую высоту и завоевать тот авторитет, который является залогом успешности всякой работы».

Последующая работа В. М. Смирнова в Уралэкономсовете, а затем председателем транспортной секции Уралплана служит лучшим доказательством признания его компетентности.

Во время одной из служебных поездок Василий Матвеевич почти полностью потерял зрение, попав в железнодорожное крушение. Медико-санитарное управление Кремля и комиссия ВКП(б) выписали для него специальные очки из Германии. Еще десять лет продолжал работать Василий Матвеевич, пока под угрозой полной слепоты не был вынужден оставить свою деятельность.

В памяти всех, кто знал Василия Матвеевича Смирнова — он умер в 1962 году, — этот человек остался прекрасным специалистом, преданным патриотом, посвятившим свои лучшие годы восстановлению и развитию железнодорожного транспорта молодой Советской республики.

Игорь СЕМЕНЧИК

КОРЧАГИНЦЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Бессмертная книга «Как закалялась сталь», напечатанная в 1932 году, дала молодежи любимого героя — на заводах, фабриках, стройках стали создаваться отряды корчагинцев.

Мемориальный Дом-музей Николая Островского в Сочи. Здесь ведется летопись корчагинского движения в стране, сюда стекаются материалы по истории комсомольских организаций имени Островского.

В центральном зале, где некогда писатель-коммунист, пользуясь картонной папкой с прорезями для строчек, писал свои книги, установлена модель большого морозильного рыболовного траулера. На борту его написано: «Николай Островский». Тут же сообщается экипажа о том, что корабль из года в год перевыполняет планы добычи рыбы в дальневосточных морях, о том, что БМРТ занесен в список передовых судов. О бесшумной корчагинской вахте в пору уборки урожая сообщает молодежи совхоза им. Островского Атбасарского района Целиноградской области. Пишут ребята с БАМа — рассказывают о сотнях километров построенных стальных путей, о возведенных мостах, поселках. Из комсомольской организации Усть-Илима, носящей имя писателя, докладывают: на трех стройках трудятся корчагинцы — строят ГЭС, лесопромышленный комплекс и город в тайге...

Из школ поступают вести о создании музеев Островского. В ответ из Сочи идут во все концы страны фотодокументы, рисунки, передвижные выставки.

Здесь, в доме, где работал славный боец Первой Конармии над своими книгами, к 40-летию основания музея, исполняющемуся в этом году, создана интереснейшая экспозиция о трудовых подвигах сегодняшних корчагинцев.

Всеволод
КРИВОШЕИН

УРАЛЬСКИЙ КАМО

Диана
МАЛЬЦЕВА

Рисунок
С. Сухова

*Этой улицы пока нет в Свердловске.
Ее можно найти лишь на карте
предстоящей застройки города.
Но пройдет совсем немного времени,
и в районе Каменных Палаток,
необычных скальных образований на окраине города,
где проходили первые маввки,
поднимутся дома с табличками: «улица Сыромолотова».
Сын золотоустовского рабочего и сам с детских
лет рабочий, Федор Федорович Сыромолотов,
еще обучался в Екатеринбургском горном училище,
связал свою жизнь с партией.
Он был одним из организаторов
«Союза борьбы за освобождение рабочего класса»
на Урале и Средне-Уральского комитета РСДРП,
организовал первую на Урале подпольную типографию.
Под руководством Я. М. Свердлова*

*Сыромолотов создал в Екатеринбурге
рабочую боевую дружину,
готовил ее к вооруженному восстанию.
Он активно участвовал в подготовке
Октябрьской социалистической революции
и от имени большевиков провозгласил в Троицке
Советскую власть.
Ф. Ф. Сыромолотов сражался против банд Дутова,
был комиссаром финансов и председателем
Совета народного хозяйства Урала,
позднее — членом Президиума Госплана республики,
участвовал в разработке плана ГОЭЛРО.
Техник-горняк по образованию, профессиональный
революционер по велению партийного долга,
поэт и журналист по призванию,
Федор Федорович Сыромолотов прожил жизнь яркую,
полную опасностей, риска.*

Карточка с золотым тиснением

Сани ходко скользили по накатанному тракту. Снежные хлопья кружились перед глазами тихой каруселью, налипали на ресницах.

— Стой! Кто такой? — прервал дремотное поскрипывание саней хриплый крик. Лошади остановились. Оказывается, до городской заставы доехали, а Федор, задумавшись, и не заметил.

— Кто такой? Куда едете? — чуть потише повторил полицейский свой вопрос, подойдя к саням.

Федор, сам правивший лошадьми, приподнялся, легко отряхнул облепленный снегом тулуп. Достал из внутреннего кармана карточку с золотым тиснением, молча протянул полицейскому. Это было приглашение на чашку кофе к управляющему всеми округами Верх-Исетского акционерного общества Фадееву.

Теперь полицейский узнал в широкоплечем чернобрюхом седоке пышминского барина, управляющего медным рудником и заводом. Частенько наезжает он в Екатеринбург. И хоть был строгий приказ проверять все экипажи и пешеходов, но эта золоченая карточка и нарядные сани нарядного осанистого управляющего настолько не вязались с какой-то крамолью, что полицейский не стал больше ничего смотреть.

— Открывай, — махнул он напарнику у шлагбаума.

И сани пропали в снежной круговерти.

А везли они крамольный груз.

...Получив сегодня приглашение начальника, Федор с досадой швырнул картонку на стол. Конечно, не ради пустой болтовни управляющий зазывает его в гости. Видимо, начнет опять осторожно выспрашивать о настроении рабочих, о волнении на заводах.

Но уже одевшись и строго осматривая себя в зеркало, Федор вдруг подумал, что приглашение Фадеева будет очень кстати. Карточка с золотым тиснением может стать на этот раз охранной грамотой и поможет доставить листовки в Екатеринбург.

Три года работал Федор Сыромолотов управляющим Пышминским медным рудником и заводом в двенадцати верстах от города. Начальство его ценило. Полиция, хоть и догадывалась о связях с социал-демократами, уличить его в этом не могла. В общем Федор чувствовал себя в поселке относительно спокойно. И когда агент ЦК Златкин передал ему шрифт, решил на своей квартире оборудовать тайную типографию. Станок по собственным чертежам заказал на заводе верным рабочим. Ну, а что знакомые люди по неделям жили теперь в его доме, тоже не должно было вызывать подозрений: Федор нарочито вел широкий образ жизни, всегда был окружен друзьями. Соседи и полиция, видимо, к этому привыкли.

Однако, несмотря на все предосторожности, к управляющему присматривались, искали лишь повода для его ареста.

Повадился один унтер перед домом управляющего прогуливаться. По улице не спеша пройдет, в окна невзначай

заглянет, на скамеечку в сторонке присядет. Однажды, когда уже включили печатный станок, Федор на всякий случай выглянул через занавеску. Унтер был всего в нескольких шагах от дома.

Крутнув посильнее ручку граммофона, Сыромолотов хлебнул для достоверности немного вина и, пошатываясь, вышел на веранду. А за ним с бутылкой и пьяной песней выглянул друг. Унтер нерешительно остановился, но хозяин дома, сегодня особенно радушный, нетрезво ступая, уже тянул ему полный стакан. Смущенный унтер не стал отказываться...

Станок проработал тогда, не останавливаясь, дотемна, но типографию решено было немедленно вывозить. И через несколько дней после званого чаепития у управляющего Сыромолотов с Михаилом Вилоновым холодной морозной ночью переправили печатный станок и шрифты в Екатеринбург. Успели вовремя: днем, когда управляющий был в шахте, к нему с обыском нагрянула полиция. Все перевернули вверх дном, но опять ничего крамольного не нашли. А от глухонемой кухарки Марьюшки много ли чего добьешься?

Командир «муравейника»

В первые дни 1905 года Сыромолотова вновь вызвал к себе управляющий Верх-Исетскими заводами.

— Как техника и администратора мы ценим вас очень высоко. Вы нам нужны, — голос Фадеева звучал сухо и строго. — Но все труднее становится отстоять вас от жандармов. Может, вам лучше уехать? Могу предложить место управляющего Сылвинским горным округом.

— Нет, господин управляющий, я вынужден отказаться.

— Я вас не отговариваю от ваших революционных увлечений, — чуть мягче сказал Фадеев, — сам в молодости был ими захвачен. Но всему есть мера. Серьезно предупреждаю: над вами нависают тучи...

Через несколько дней пышминский управляющий исчез. Сыромолотов пробыл некоторое время в Москве, а в апреле по просьбе товарищей вернулся в Екатеринбург. Горные техники избрали его секретарем своего общества.

...В двухэтажном здании Общества горных техников всегда было многолюдно. Кто о переезде хлопочет, кто за помощью пришел или просто встретиться с друзьями. Люди заходят и выходят. Настоящий человеческий муравейник. Попробуй разберись, что привело сюда того или иного. Жандармы, правда, старались это сделать. Они были почти убеждены, что в этом доме за легальной вывеской прячутся и беглые политические ссыльные, и скрывающиеся от власти подпольщики...

— Федор, обыск! — неожиданно вбежал в кабинет сторож Кузьма Камаганцев.

— Гектограф, — успел только сказать Сыромолотов и выскочил в коридор: — По какому праву! — возмущенно преградил он дорогу жандармскому офицеру.

— Обыск. Проверить все помещения, подозрительных задерживать, — командовал жандарм.

Сыромолотов повысил голос:

— Я не позволю! Здесь важные документы, я отвечаю за их сохранность!

Кричал, ругался, всячески стараясь выиграть время.

Его голос был слышен в самых дальних углах «муравейника». Беглые и подпольщики успели скрыться, гектограф уничтожили. Не найдя ничего, полиция задержала несколько случайных посетителей, но на следующий день вынуждена была их выпустить.

Открытый налет на Общество горных техников ничего не дал. Тогда полиция пошла на провокации. Переодетые шпики, какие-то пьяные оборванцы сновали по Тарасовской набережной (ныне улица Горького), где было расположено здание общества. Шумели, ругались, били стекла, лезли в дом, угрожали каждому, кто входил туда. И когда однажды этот сброд избил сторожа Камаганцева, Сыромолотов пошел на крайние меры. Достал несколько пистолетов, роздал их друзьям, обитателям «муравейника». Заслышав при одном из нападениях предупреждающие выстрелы, «осаждающие» торопливо разбежались, а потом и вовсе перестали собираться на набережной.

Так в Обществе горных техников у большевиков появилась небольшая вооруженная группа. И сначала об увеличении и усилении ее не помышляли. Но после 19 октября, когда вооруженные ножами и дубинками погромщики топтали и резали на Кафедральной площади демонстрантов, когда в перестрелке погибло несколько товарищей, стало ясно, что без хорошо вооруженного рабочего отряда не обойтись.

...Вечером того же дня собрались у Федора на Тарасовской набережной.

— Сейчас наша первоочередная задача — создание вооруженной рабочей дружины, — сказал Свердлов. — Братья за это дело тебе, Федич.

На потребность революционного дела

Рослый широкоплечий человек вошел в контору купца Кисельмана.

— Нам нужны револьверы и патроны к ним. Куплю все, что у вас есть. Счет выпишите на меня.

— А вы кто такой?

— Начальник боевой дружины социал-демократов.

— А... — понимающе протянул купец и засуетился: — Берите, берите, сейчас велю уложить для вас весь товар. На такое дело отдаю бесплатно.

Федор улыбнулся, и его несколько суровое лицо с нависшими густыми бровями стало неожиданно по-детски простым и открытым. Оружием торговали полулегально и в магазинах его было очень мало. Стоило оно дорого. Поэтому купцу не грозило разорение даже в том случае, если социал-демократы не оплатят счет.

В дружине Сыромолотова было уже около ста человек. Они патрулировали возле воинской казармы и полиции, дежурили на улицах, охраняли рабочие собрания и митинги. Но дружине очень не хватало оружия. Федор подготовил чертежи бомб, однако выпуск их наладить не удалось. На Верх-Исетском заводе делали, правда, железные пики и трости, но с ними против винтовок не устоишь. Тогда Сыромолотов провел срочную операцию: в поселке Медный

рудник был взломан динамитный склад, похищено 12 пудов взрывчатки.

«Что же касается цели похищения динамита, то наиболее вероятно, ввиду развития политических и революционных событий, что он пошел на потребность революционного дела», — говорилось в донесении жандармского следователя.

А рабочей дружине в то грозное время дел хватало...

...Там, за закрытыми дверями Народного театра, еще не слышали криков с улицы. Толпа собралась немалая, связываться с нею опасно. А главное — сорвут митинг. Погромщикам это и нужно.

Крики с улицы становились все громче, угрозы страшнее. Начальник отряда дружинников, охранявших митинг, вдругскомандовал:

— Открыть двери!

Не ожидавшая этого толпа хлынула бестолково в коридор, давя друг друга.

— Пли!!

Револьверный залп вверх сразу рассеял нападавших. Черносотенный сброд отнюдь не отличался смелостью.

Рвущийся поток

В ожидании отправки поезда плотный темнобровый господин медленно прогуливался по перрону.

— Федор! Какими судьбами! — бросился вдруг к нему один из пассажиров.

В ответ холодно прозвучало несколько польских слов.

— Простите, — пассажир был явно растерян, — но такое сходство!..

Он, конечно, не обознался, старый товарищ по горному училищу. Они не виделись столько лет, и Федор с радостью посидел бы сейчас с ним за чашкой кофе, вспоминая юность, друзей, Екатеринбург. Но «эксперт по ископаемым», польский подданный Владислав Орловский не мог допустить, чтобы в нем узнали бежавшего из ссылки и скрывающегося от полиции большевика Сыромолотова.

По заданию партии Федич много ездил по стране, не раз тайно переходил границу, а теперь его ждали в Киеве. На Украине он впервые. Его всегда радовали поездки, знакомства с новыми людьми, верными партии, решительными, деятельными. Десять лет назад Федор Сыромолотов с гордостью поднимал их на борьбу. Дух того времени он ярко отразил в стихах:

Не говори: «Я одинок,
Бессильно руки упадают».

Взгляни на рвущийся
поток —

Он не велик, он
не глубок,

А скалы гордые
свергает!

Теперь этот поток становился все глубже и могучей. Шел к концу 1913 год...

ПОЛЯРНАЯ ОДИССЕЯ ХУДОЖНИКА

Сергей
ПОПОВ

В июле 1900 года от архангельского причала отвалило небольшое суденышко, на свежеевыкрашенном борту которого четко было выведено имя — «Мечта». Так началась экспедиция русского художника и полярного путешественника А. А. Борисова, принесшая ему мировую славу и известность.

Родился Борисов в крестьянской семье, в глухой вологодской деревушке. В детстве попал он в Соловецкий монастырь, где познакомился с иконописным мастерством. С тех пор у мальчишки стало две мечты: учиться живописи и путешествовать.

Непреодолимая тяга к знаниям привела Борисова, как и его великого земляка Ломоносова, в столицу. Полуграмотный крестьянский паренек получил высшее художественное образование, стал известным художником своего времени. Сбылась первая мечта Борисова.

О второй мечте он писал позже: «Крайний Север с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии».

Первые встречи с Арктикой

Впервые Борисов попал за Полярный край еще студентом в 1894 году во время поездки министра финансов С. Ю. Витте и сопровождавших его лиц по Мурманскому побережью с целью выбора места для незамерзающего порта на севере России. Как оказался Борисов в столь высокопоставленной компании, объяснит позже в своих «Воспоминаниях» сам Витте:

«...За Борисова в Академию Художеств вкладчину платило несколько человек; Кази (директор Балтийского завода), между прочим, обыкновенно обращался и ко мне для ежегодного за него взноса в Академию Художеств. Вот поэтому я этого крестьянского мальчишка Борисова, находившегося в Академии Художеств, и взял также с собою.»

Посетив Ярославль, Вологду, Великий Устюг, экспедиция добралась по Северной Двине до Архангельска. Затем на пароходе «Ломоносов» вышла в море.

«В Соловецком монастыре,— пишет Витте, — все узнали приехавшего со мною молодого человека Борисова, который еще так недавно был мальчиком-иконописцем. В течение всей нашей поездки он все время рисовал.»

Обошли Кольский полуостров, посетили Екатерининскую гавань и через Норвегию, Швецию и Финляндию вернулись в Петербург.

В 1896 году Борисов впервые побывал на Новой Земле. 24 июля все на том же пароходе «Ломоносов» он вместе с товарищем по Академии художеств и земляком Зуйковым прибыл в становище Малые Кармакулы. Руководитель экспедиции профессор Казанского университета Д. И. Дубяго уговорил Борисова написать «Момент полного солнечного затмения 27 июля 1896 года», ставшей одной из лучших картин художника.

Написанные во время этой поездки этюды получили очень высокую оценку. И. Е. Репин, например, писал: «Это все превосходные и верные, как зеркало, картинки, строго нарисованные и необыкновенно правдиво написанные. В них ярко выразилась любовь этого русского Нансена к черной воде океана с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого солнца. Горы, берега, дали, лодки, самоседы в оленьих шкурах и прочие, наполовину покрытые снегом во время жаркого лета предметы, — все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой природы.»

П. М. Третьяков купил для Московской галереи 66 этюдов и картин Борисова.

По Больше- земельской тундре и острову Вайгач

Через месяц после окончания Академии художеств, в декабре 1897 года, Борисов выехал на родину на подготовку леса для строительства дома на Новой Земле, куда он намеревается поехать через год. В начале февраля 1898 года он отправился в большую поездку по двинским, пинежским и печорским тайболам, по Большеземельской тундре — через Пустозерск, к селению Никольскому на юго-западном побережье пролива Югорский Шар и затем по острову Вайгач.

Верстах в сорока от Долгой губы Борисов первым из европейцев посетил священное место ненцев — жертвенник, представляющий собой громадную кучу деревянных идолов. Здесь же были навалены огромные кучи оленьих рогов, медвежьих черепов, разных металлических предметов, взятых с погибших судов, — обломки якорей, цепей, топоров, дверных петель, ружей, замки от гарпуных пушек, копья, котелки, медные деньги...

Это путешествие подробно описано в красочно изданной в 1907 году издательством Девриена книге А. А. Борисова «У самоедов».

Борисов передвигался на оленях, делая ежедневно по 20—30 верст. Спал в мешке на открытом воздухе, питался в основном сырой олениной и рисовал, рисовал, используя малейшую возможность.

В конце августа Борисов вернулся в Архангельск. Из путешествия он привез, кроме идолов, коллекции насекомых, птиц, яиц и гнезд — для зоологического музея, живых песцов и полярных сов — в дар зоологическому саду, данные метеорологических наблюдений и статистические сведения о рыбных промыслах на Печоре. А главное, что он привез из экспедиции, — 70 этюдов, написанных масляными красками.

Для большого путешествия на Новую Землю Борисов задумал построить крохотное суденышко по типу поморских шхун, но с яйцеобразными обводами, как у нансенского «Фрама», чтобы в случае сжатия льдов судно не было раздавлено, а лишь выжато. Чертежи шхуны сделал русский инженер А. П. Фандер-Флинт. Постройку судна доверили поморскому капитану С. В. Постникову. Местом строительства выбрали речку Колежму, впадающую в Онежскую губу

Белого моря неподалеку от векового гнезда поморов-мореходов Сумского Посада. Новая яхта была названа «Мечтой».

Генеральная репетиция

В июне 1899 года «Мечту» с помощью бочек и шняк вывели из мелкой речки в море, она направилась в сухой док Соловецкого монастыря, где к яхте прикрепили чугунный и железный кили.

Для экспедиции на Новую Землю было нанято 12 человек, среди них был брат художника — Семен. 22 августа «Мечта» направилась в Маточкин Шар, чтобы пройти на Карскую сторону. Шли ночью. Круглосуточный полярный день к этому времени уступил место густым сумеркам. Затем набежали тучи, стало совсем темно. Окружавшие пролив горы только едва-едва просматривались на фоне неба. К утру стали попадаться отдельные льдины, а затем сплошной, непроходимый лед преградил путь яхте. отошли к северному берегу, где встали на якорь.

Ждать погоды пришлось долго. Во время стоянки Борисов посетил ледник Третьякова, где написал ряд эскизов. Затем поднялся на гору Вильчека. Там в нише скалы, в груди камней он нашел разбитую бутылку с расплывшейся запиской и маленький дубовый ящик с минимальным и максимальным термометрами. Показания одного были +12°, другого — 56° по Реомюру. Это место посетил геолог Гефер из австро-венгерской экспедиции И. Вильчека 1872 года.

Лишь 12 сентября «Мечта» пробилась в Карское море. Оно оказалось абсолютно свободным ото льда. На берегу озера в районе залива Чекина выгрузили часть провизии, порожние бочки для промысла на следующий год. Как и первому исследователю восточного побережья Новой Земли Петру Пахтусову, 46 лет назад оказавшемуся в это же время и в этом же месте при столь же благоприятной ледовой обстановке, Борисову не хотелось уходить. Но время было позднее, и Борисов, как и Пахтусов, вполне разумно решил возвращаться. Обратный путь был легким. 16 сентября вышли из губы Поморской в Архангельск, куда прибыли 9 октября после 23-дневного перехода.

Таким образом, ввиду тяжелой ледовой обстановки в начале навигации многое из намеченного выполнить не удалось. Строительство дома не

было закончено. Не смогли доставить многие материалы и снаряжение. Не состоялись намеченная на 1899—1900 годы зимовка и поход вокруг Северного острова Новой Земли. Оказались невыполненными запланированные астрономические, метеорологические и промысловые работы. И тем не менее, Борисов был доволен результатами экспедиции. Прежде всего, в море и во льду была проверена «Мечта». Кроме того, художник написал 50 этюдов и эскизов масляными красками, шесть из которых были приобретены для Русского музея. Были собраны коллекции по геологии и ботанике, на карты нанесены спускающиеся в Маточкин Шар ледники Третьякова и Васнецова.

Главная экспедиция

Зима и весна начала нового века прошли в неустанных хлопотах по снаряжению основной экспедиции на Новую Землю. Определился и ее состав. Своим научным помощником Борисов избрал 27-летнего зоолога Т. Е. Тимофеева.

Тимофей Ефимович Тимофеев, как и Борисов, происходил из крестьянской семьи, с трудом пробился в харьковскую гимназию, которую, как и два его младших брата, окончил с золотой медалью. Затем блестяще окончил Харьковский университет и был представлен для оставления при университете для подготовки к профессорскому званию. Но министерство просвещения, учитывая происхождение Тимофеева, представленные отклонило. Впоследствии Тимофеев был активным участником революционного движения, много лет провел в эмиграции. Умер он в 1922 году в Днепрпетровске, где возглавлял кафедру зоологии медицинского института и был деканом университета.

Экипаж «Мечты» состоял из штурмана каботажного плавания Евгения Хохлина и трех матросов, ранее не единожды ходивших шкиперами на поморских судах, — Трофима Окулова, Федора Еремина и Дмитрия Попова. Были взяты служителями экспедиции Александр Кузнецов, Алексей Соболев и ненец Устин Канюков. На два месяца, на время строительства дома, были наняты плотник Петр Комин и печник Василий Теплый.

Летом в качестве гидролога был принят химик Петербургского университета Александр Михайлович Филиппов, участвовавший ранее в экспедиции Кулиовича, так же влюбленный в Крайний Север.

На Новую Землю перевезли дрова, каменный уголь и прессованное сено для коров. 1 августа начали постройку дома, длившуюся почти полтора месяца. Лишь 12 сентября, оставив в доме плотника, печника, а также Соболева, которому было поручено производить метеорологические наблюдения, направились на «Мечте» в Карское море.

Две недели пробивались в дрейфующем льду к северу вдоль восточного побережья Новой Земли. Наконец лед совсем сплылся, температура воздуха упала до минус семи градусов. Решили выгрузить на берегу залива Чекина часть продовольствия.

1 октября повернули на юг с намерением поставить судно на зимовку в Тюленьей губе, а самим на парусной шлюпке направиться домой, в губу Поморскую. Не прошли и десятка миль, как судно льдом прижало к стоявшим на мели стамухам. Вскоре лед смерзся, все завалило снегом. Казалось, что наступила зима. Однако через четыре дня лед снова пришел в движение, образовались широкие трещины. По одной из них направились в море, где пришвартовались к большому ледяному острову, вместе с которым стали стремительно дрейфовать к югу. Вскоре яхту снова зажало в неподвижных льдах. На другой день опять ненадолго удалось выйти на чистую воду, но к вечеру «Мечту» окончательно затерло в дрейфующих льдах и понесло на юг и от берега.

Медленно тянувшиеся в ледовом плену дни не приносили ни малейшей надежды на освобождение. Провизии было на четыре месяца, холстов и того меньше. Цели и задачи экспедиции оказались под угрозой срыва.

Трагедия во льдах

10 октября решили оставить судно, и на трех шлюпках с продовольствием, одеждой, снаряжением и приборами направились в сторону берега, надеясь достичь его дня через три. Однако вскоре попали в нилас¹, который не выдерживал тяжести человека и не позволял шлюпкам двигаться. Много часов безуспешно крушили лед баграми и пешнями. Наконец совершенно измученные расположились на ночевку. Согрели по полчашечки воды на человека и сморенные усталостью уснули: Борисов с

Тимофеевым в спальном мешке, остальные — кто где, в шлюпке, прямо на льду.

На другой день каждый шаг давался с трудом. Наконiec и вовсе встали. Пришлось бросить шлюпки, оставить в них часть снаряжения и оружие. В глубоком снегу Устин не заметил широкую трещину и провалился в нее вместе с собаками, везшими консервы и мясо. Чтобы спасти животных, обрубили постромки. Нарта с грузом утонула. Устину удалось захватить лишь мешок с малицей.

На юге показались неподвижные ледяные горы. Проваливаясь в воду и снежную кашу, обливаясь потом, напрягая последние силы, все устремились к кромке дрейфующих льдов, чтобы перебраться на неподвижный лед, когда он приблизится. Не успели! Горы остались позади, на севере...

После короткого отдыха снова пошли на запад. Километра три шли по новому льду без снега. Затем снова пошел старый лед, по-прежнему дрейфующий на юг. К вечеру, наконец, с большим трудом удалось перебраться на неподвижный лед. На ночлег устраивались в темноте, сделав из тузика и лыж укрытие от ветра. Выпили по чашечке холодной воды и промокшие и продрогшие уснули мертвым сном.

Ночью ветер стих, и в свете луны показался далекий берег.

На другой день, 12 октября, громадный полуклометровый канал отрезал льдину со стороны берега. Срочно начали переправу на тузике в три приема. Когда Дмитрий Попов уехал за последней партией, волнение стало разрушать ледяное поле, где находились переправившиеся Борисов, Тимофеев, Еремин и Окулов. Часть снаряжения — примус, патроны, хронометр и научные приборы — оказалась на оторвавшейся льдине...

Последняя группа тем временем, оставив на льду собак, для которых не нашлось места в тузике, двинулась обратно. Только к вечеру, перебираясь со льдины на льдину, остановились на относительно крепкой льдине посредине огромного залива с высокими скалистыми берегами.

Как только рассвело, разочарованно отметили, что скалистый залив остался далеко на севере, а льдину отнесло от берега. Надо было начинать все сначала. Однако попытка двигаться по густому ниласу и шуге от льдины к льдине не удалась. Предложение кинуть жребий, кому идти, а кому оставаться, было отвергнуто. Особенно мучила людей жажда. У многих начались бредовые видения.

И тут Устин Канюков добыл тюленья. Все жадно пили теплую кровь, съели по куску легкого и печени. Тюлений жир использовали как топливо. Впервые за несколько дней согрели по полторы чашки теплого какао.

14 октября — пятый день на

дрейфующих льдах. Люди измучены до предела. С большим трудом Борисов поднял их на ноги.

15 октября Борисов записал в дневнике: «Мешок страшен. Все разрушается и подходит к концу. Шерсть из мешка облезла и осталась только одна отвратительно холодная, мокрая кожа, как кожа разлагающегося мертвеца. С ужасом вспоминаем, что этот мешок будет очень скоро служить и могилой. Зябнут у всех ноги. Раскисли малицы».

16-го на показавшемся вдаль берегу в бинокль рассмотрели чум, услышали лай собак. Дали два выстрела и услышали ответные.

Выжили!

Люди на берегу на собаках выехали на траверз льдины. От чума притащили шлюпку.

В шлюпке, которая причалила, наконец, к льдине, оказались старые знакомые Борисова — немцы Константин и Андрей Вылка. На упряжке собак были старик Максим Пырерка и двое молодых немцев — Илья Вылка и Павел Сирота (Ляхэй).

«Дошли до собак и пали, как убитые, кто где, — писал позже в отчете об экспедиции Борисов. — Прошло несколько минут, и все малопомалу дотянулись до мешка с сухарями. Жадно глотали вкусные сухари с маслом и заедали снегом. После уложили все вещи на собачьи сани, а сами пошли пешком к берегу».

Свое счастливое спасение Борисов описал позже так:

«На всем огромном протяжении восточного берега Новой Земли в тысячу верст обыкновенно жителей нет, а эти самоеды пришли сюда только вчера изнутри острова, где они по реке Савиной ловили рыбу — гольца... Если бы мы попали на берег не здесь, где самоеды, а на другое место необитаемое, нам не было бы возможности ориентироваться. Где мы? Куда идти? Многие из нас отморозили бы руки, ноги, а иные и совсем не достигли бы Маточкина Шара. Одежда пропала. Силы оставили нас. Дня почти не стало, только ночь, вьюга, морозы».

Две недели провели Борисов со спутниками у гостеприимных немцев. За это время пришли в себя, отдохнули и подготовились к тоже нелегкому, более чем четырехсоткилометровому переходу. Этот переход продолжался три недели. Немцы на собаках везли экспедиционный скарб. Люди шли пешком по глубокому снегу.

Настроение у всех было хорошее. Шли домой, все беды и лишения, казались, остались позади.

¹ Нилас — рыхлая ледяная масса, образованная смерзшейся шугой.

Это было одно из первых пересечений Новой Земли! Экспедиции Русанова, Визе, Самойловича пересекли эти суровые острова позже.

В становище Малые Кармакулы встретились с давними друзьями Борисова — священником Дорофеем и фельдшером Виноградовым. Дальнейший путь проходил по знакомым местам. Зимовки на берегу Поморской губы достигли 13 ноября.

Каким уютным показался борисовцам после двухмесячных скитаний их дом! А он действительно для этих мест был шикарен. Недаром Борисов на его строительство потратил столько сил и времени. Посетивший эти места в 1906 году журналист М. Ивановский писал: «Лучший дом (на Новой Земле) — Борисова в исправности. Состоит из нескольких комнат, венские стулья, качалка, письменный стол, мраморный умывальник, постель и прочее».

У зимовщиков был неплохой набор продуктов, в том числе свежее оленье мясо и рыба. В стойле стояли две коровы. Борисов учел печальный опыт своих предшественников Розмыслова, Пахтусова, Циволько, тяжело зимовавших на Новой Земле, оставивших после этих зимовок много могильных крестов. Борисов учел и опыт поморов-промышленников, когда за несколько месяцев беспощадная цинга-скорбут выкашивала подчистую многочисленных артели здоровых и сильных людей.

Борисовская зимовка прошла благополучно. Признаков цинги не было. Люди много работали, были активны и бодры. Художник много писал. Особенно интересны написанные им в это время портреты его друзей немцев.

Там, где не ступала нога человека

19 апреля 1901 года Борисов с Тимофеевым и немцем Устином Канюковым отправились на Карскую сторону. Этот последний этап арктической экспедиции художника продолжался 106 дней. Тимофеев с помощью Борисова произвел глазомерную съемку заливов Медвежий, Незнаемый, Чекина. На берега этих заливов еще не ступала нога человека. Почти 70 лет назад, в 1835 году, здесь проходила экспедиция П. Пахтусова и А. Циволько. На их карту были нанесены лишь общее очертание восточного побережья Новой Земли и входы в заливы.

Карта Борисова — Тимофеева записана новыми названиями мысов, рек, гор, бухт, заливов. На ней появились имена знакомых и покрови-

телей Борисова по учебе в Академии художеств — А. А. Боголюбова, С. Ю. Витте, М. И. Казин, П. М. Романова, А. И. Путилова, Б. А. Яловецкого, имена друзей и учителей Тимофеева из Харьковского университета — В. В. Рейнгарда, А. Н. Краснова, В. А. Ярошевского. Появились на карте Новой Земли и имена ученых, моряков, общественных деятелей, способствовавших организации экспедиции, — П. П. Семенова, А. С. Ермолова, П. П. Тыртова, А. И. Вилькицкого, А. И. Варнека, А. Ф. Маркса, М. Ф. Меца, а главное, имена русских художников, которые учили Борисова, благожелательно его поддерживали, — И. И. Шишкина, А. И. Куинджи, И. Е. Репина, В. М. Васнецова, И. Н. Крамского, В. В. Верещагина, деятелей русской культуры — И. И. Толстого и П. В. Третьякова.

Снова приходилось вести отчаянную борьбу за существование: спать в снегу, нередко питаться сырой тюленьиной, добытой Устином. Уже при возвращении, в июле, штормом сломало мачту на шлюпке и их выбросило на берег. Трое суток лежали они на берегу залива Тарасова, кутаясь в брезент и пережидая шторм. Собаки во время урагана разбежались или погибли и пришлось последние тридцать километров идти пешком. К счастью, эскизы, карты, коллекции не пострадали и были доставлены к месту зимовки в целостности.

11 сентября пароход «Пахтусов» доставил экспедицию на Соловки.

Слава

Петербург встретил художника равнодушно. Академия художеств отказала Борисову в предоставлении мастерской. Не помогло и ходатайство В. М. Васнецова.

Мастерскую Борисов снял на свои деньги и окупился в работу.

Вскоре о его картинах, выставленных на академических выставках, заговорили, имя его стало известным. Правда, нашлось немало и недоброжелателей, которые нестройным хором стали обвинять художника во лжи, в показных эффектах...

Борисов принял предложение Венского общества художников об организации выставки его картин в Вене. И началось триумфальное шествие картин Борисова по всему миру. Выставки в Вене, Мюнхене, Праге, Берлине, Гамбурге, Кельне, Дюссельдорфе. Высшая награда Франции — орден Почетного легиона — за выставку картин в Париже. Почетный орден Бани — за выставку в Лондоне. Великий Нансен, высоко ценивший картины Борисова, вручил ему от имени правительства Норвегии орден Святого Олафа.

Русская газета «Санкт-Петербургские ведомости» иронизировала: «Известно ведь, что для того, чтобы получить признание на нашей родине, следует заручиться рекомендацией Европы».

Затем были выставки, прошедшие с большим успехом, в городах Америки — Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Филадельфии...

Наконец, в феврале—марте 1914 года и на родине, в доме Юсупова на Литейном проспекте в Петербурге, состоялась большая выставка картин Борисова, на которой было представлено 208 его работ. Выставка имела огромный успех.

Борисов прожил большую и славленную жизнь. Он много делал для культурного, экономического, транспортного развития Севера. Как адмирал Ф. П. Литке и академик К. М. Бэр, оставаясь противником Северного морского пути, считая его опасным и нерентабельным, Борисов был ярким поборником Великого Северного железнодорожного пути и проекта соединения сибирских рек с реками Европейской России. Им был запатентован проект специально оборудованного зернохранилища для перегрузки сибирского хлеба с водного пути на поезд. По инициативе Борисова вблизи Красноборска в 1922 году был открыт северный курорт Солониха. Он же был его первым директором.

Большая группа советских деятелей культуры в некрологе на его смерть в 1934 году писала: «Художник Борисов один из первых перешел на сторону Советской власти. Поэтому над его могилой мы смело можем сказать, что... это советский художник, заставлявший свое искусство служить делу изучения и освоения новых земель нашего необозримого социалистического отечества, это советский художник по своему художественному языку, и у него есть чему поучиться нашим молодым художникам, главным образом полярикам».

Картины Борисова экспонируются в двадцати музеях нашей страны.

В доме-мастерской художника разместился ныне детский туберкулезный санаторий Евда. В Архангельске и Красноборске есть улицы, названные именем художника. По ходатайству Географического общества СССР и исполкома Архангельского областного Совета депутатов трудящихся Совет Министров РСФСР назвал полуостров между заливами Чекина и Незнаемый на восточном побережье Новой Земли именем Борисова. В сороковую годовщину со дня смерти художника и исследователя Севера А. А. Борисова на его родине был торжественно открыт памятник ему. Север помнит и чтит своего поэта и патриота.

А. А. БОРИСОВ
(фото около 1910 г.)

НА СЕВЕРЕ.
(Свердловская областная картинная галерея)

ПОСЛЕ
ЛИЦЕЯ

В. СЫСКОВ. Книжная графика.

Весенняя
выставка
графики
в г. Свердловске.
1977 г.

В. ВОЛОВИЧ. Крокодилы.
Из серии «В зоопарке».

В. СОЧНЕВ. Портрет дочери.

А. ВОХМЕНЦЕВ. Спящий старик.

Г. МОСИН. Две иллюстрации к русским народным сказкам.

30 ЛЮТОЙ ДОЖДЬ

*Повествование в размышлениях о коллекциях
и коллекционерах*

**Николай
НИКОНОВ**

*Оформление
З. Баженовой*

Же

от хихикающих дурах, случайно оказавшихся тут (куда деваться, если перерыв в магазине), до ценителей в бородах, с глубокой тишиной в лице — так сказать, аристократов духа и взвскающих града.

Не было обычной по теперешнему времени просвещающей групповой массы, которая с гулом заполняет музейные залы, с гулом перемещается, почтительно слушает речистых экскурсоводок и создает в прежде чинных учреждениях культуры совсем некультурную, непереносимую тесноту, очередь, давку, и все спорят, витийствуют социологи, искусствоведы: Что такое? Стресс? Взрыв? Почему? Откуда? Где корни?

Но и в малом зальце картина висела в подобающем ей одиночестве, на отдельной стене розово-серого цвета. Он подходил к багетному золоту, овально скругленному по углам, что придавало картине некую законченную ювелирность, может быть, в согласии с замыслом живописца. Кстати уж, люди, не знакомые с трудом художника, вероятно, не представляют, сколько времени, гаданий-прикидок, озарений-разочарований и часто полной глухой растерянности тратит он на подбор и создание рамы — только рамы, но ведь рама, как говорят, лишь подарок художнику... А главное? Главное, что заключено в раму, было средних размеров полотном, подпись кратко гласила: «Тициан. Даная. Золотой дождь. 1554 г. х. м.» (холст, масло).

Помнится, я стоял перед картиной тяжело утомленный, перегруженный впечатлениями, с болью в потертых ногах, — дернула нелегкая надеть в Эрмитаж новые скороходовские полуботинки. С болью в висках и во всей усталой голове я смотрел и все старался убедить себя, что передо мной одно из лучших произведений Тициана, шедевр Эрмитажа, роскошь, сокровище, уникум — все такое... А картина как-то терялась в моем сознании после бесконечных дверей и лестниц, скульптур, других картин, золота-серебра, орденов, фарфора, гобеленов, монет, оружия, — всей немислимой роскоши, всего подлинного, что собрала эта удивительная

кладовая, что я успел осмотреть, а скорее — бегло окинуть взглядом, и что потрясло именно подлинностью, чьей-то принадлежностью: ну, вот, к примеру, неужели эти слегка уже потускневшие, но все-таки роскошно сияющие звезды-кресты были на мундире генералиссимуса — князя Суворова Рымникского, а вот эту цепь возлагала на склоненную выю Потемкина сама Екатерина холеными руками? У всех вещей, знаков, монет, картин, мебели была таинственная и нелегкая судьба, прямо связанная с судьбой владельцев, всех, кто их носил, заказывал, получал, рассматривал, короче говоря, — владел. И сейчас эти вещи, сберегаемые здесь уже в музейном нетлении, мешали мне созерцать творение Тициана, воздать ему то, на что намекал он еще в одной не менее знаменитой своей картине¹.

Ныне думаю, что для величайших творений человеческого духа надо бы создавать и особые помещения. Как ни странно, а лучше всего это понимала церковь. И если не получалось у мастеров кроткой святости храма Покрова на Нерли, бегущих в небо витражей Кёльнского собора, азиатской преисполненности Василия Блаженного, зван был немедленно великий живописец своим творением осветить постройку, придать ей сияние и славу...

Я не долго задержался перед «Золотым дождем». Скорей всего виной был мой возраст — не таковы ли все мы, двадцатилетние, почти всегда насмешники, воители-разрушители, нигилисты-отрицатели, когда чересчур смело, невнимательные до жестокости, оцениваем все, в чем не можем разобраться, и лишь спустя многие годы чувствуем тяжелый стыд за свое невежество, а то — и вовсе не ведаем стыда.

Разглядывая картину, я воспринял, конечно, ее внешнюю, очевидную суть, — так сказать, форму: обнаженная, очаровательная в обнаженности и неге, толстушка фривольно раскинулась на белом атласе ложа с блаженно остановившимся воспринимающим взором, в то время как ее служанка-ключница, черная кривоногая и гнусная старуха, пыталась заслонить девичью наготу от вполне реального потока золотых и как будто горячих динариев — они сыпались с разверзнутого грозового неба... Пожалуй, вместе с видом молодого полного, розовеющего закатным и грозovým светом, тела женщины больше всего запало в память название картины: «ДАНАЯ. ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ».

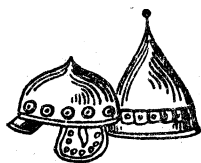
Даная... Как ни скупо преподавали античность в нашем институте, как ни мало ценил я тогда ее вообще и слушал в пол-уха лекции «Античника» (он же «Агамемнон», «Прокруст», «Стрекозел»), моих познаний в мифологии все-таки хватило, чтобы вспомнить: Даная — дочь

¹ Автор имеет в виду картину «Динарий кесаря».

мифического царя и заключена им за что-то в темницу — и только. При чем здесь дождь, да еще золотой, было непонятно совсем, не соединялось с представлениями о сыплющихся динариях и талантах. Динарии и таланты я только что видел здесь же, в Эрмитаже, и они ассоциировались в моем представлении с чем угодно: мешками, сундуками, подземельями, пиратами, мушкетерами, парусниками, менялами, карманами, — только не с дождем.

Золотой дождь вещественнее всего я видел именно дождем, — крупным, сверкающим, майским, хотя его с таким же успехом можно было назвать топазовым, яхонтовым, алмазным, серебряным. Представилось: жарким полднем найдет-набежит темное облачко, скифски-буйно ударит гром, и с отемненного неба, не стесняясь ни солнца, ни полудня, зашумит сверкающий озорной дождь. «И солнце нити золотит...» Как это было сказано про дождь! А по недоразумению именуют его еще слепым. Что слепого в этом, словно рукотворном, ливне, в майском голосе грома и в ответной дрожи Земли? Что слепого в зевесовом хладе тучи, так быстро набежавшей, так скоро исчезающей, чтобы опять смениться еще более белозубым днем в запахе мокрой новой травы и тополевых молодых листьев? Золотой дождь...

Иногда с таким дождем выпадает град — кусочки мелкого мокрого сахара. Иногда град бывает и крупнее — с скворчиное яйцо. И всегда удивляешься, подбирая эти снежно-ледяные небесные окатыши — откуда они и почему? — и почему иные из них напоминают неровно скругленные ледяные монеты с чьим-то на глазах исчезающим ликом. Такие полустертые лики я видел на древнем византийском серебре...

Эрмитаж родил ощущение необъятности. Пробыв в северной столице всего день, я весь его, ну, пусть половину, потратил на хождение по эрмитажным залам и вышел с унылым сумбуром в голове, унося ощущение тяжелого потрясения и недоуменности. Что толку — провел в Эрмитаже часы? Дни, недели, месяцы нужно, чтобы вобрать в себя и хоть как-то упорядочить его богатства... И, может быть, не хватит многих лет, целой жизни? Конечно, не хватит... И вообще — зачем такое богатство? Зачем здесь собрано столько? Зачем, за чем, ЗАЧЕМ? Эта мысль в разных оттенках мерцала неразрешенно, хотя я все время улавливал какой-то под-

спудный и словно бы вполне ясный кому-то смысл...

Вот такое же должно быть потрясение у мирного жителя глухой глубинки в столичном граде с его многолюдьем, машинными потоками, витринами-манекенами, консервно-бутылочным, товарным изобилием, гулом-ритмом, богатством и суетой жизни, как бы презрительно отмечающим его провинциальное бытие, его оробелую сущность, казавшуюся дома, в лесной стороне, такой определенной и нужной миру. Впрочем, я взял сравнение лишь для тогдашнего неискушенного мужичка с постоянным запахом сена и овчины, для какой-нибудь тетки в сарафане, в цветном сборчатом фартуке. Нынешний провинциал, особенно молодой, с прической под питекантропа, в тертых джинсах или в полосатых штанах, в вывернутых наизнанку резиновых сапогах и с орущим транзистором, ориентируется в незнакомом городе уверенней исконного горожанина. Но двадцать лет назад такой провинциал только нарождался в посадах и на пригородных станциях, а может, его еще и не было совсем.

Среди хаоса эрмитажных впечатлений «Золотой дождь» все-таки постепенно выступил, отстоялся, чем-то надолго задел меня и родил странное, тем более на сегодняшний день, желание.

Впрочем, такое ли уж странное? У меня ли одного? Не случилось ли вам самим, возвращаясь домой после выставок, музеев, галерей, ощущать потребность иметь у себя, дома, нечто тождественное, ну, пусть не все, пусть хоть малую малость, но что-нибудь оттуда: открытки, репродукции, альбомы... А еще бы лучше всю выставку, весь Эрмитаж... Что же тут плохого? Лично у меня такое с детства. Приходил с бабушкой из зоопарка — тотчас кидался искать по немногим книжкам тех зверей, и надо мне было немедленно приниматься их срисовывать, переводить (вырезать не разрешалось), а потом все добытое помещать в тетрадку за неизменным альбомом и быть надолго счастливым...

Что за странность такая? Инстинкт собственника? Любознательность? Овеществление абстрактной мечты о своем зоопарке? А такая мечта была, и очень трогательная, очень радужная: что, если бы под нашим северным небом устроить тропики под огромной прозрачной крышей, и чтобы там все — как в Южной Америке или как в Африке. Понимаете, — чтобы жирафы паслись, баобабы росли... Золотая греза? Фантазия? Несбыточность... А все-таки золотая... Может быть, как тот дождь.

О тропиках многие мечтают, собирают книги, смотрят фильмы, разводят кактусы и рыбок, возятся с орхидеями, а мечта остается мечтой. Ведь там где-то есть семейство бромелиевых, в цветах и в листьях которых, как в аквариумах, скапливается дождевая вода, и живут высоко

над землей головастики и лягушки. Усачи-дровосеки из Гвианы достигают четверти метра в длину. В реке Ориноко живут речные дельфины и скаты. В саваннах Африки встречается до сотни видов антилоп. И какие разные: канны, бубалы, сернобыки, куду, газели, гну, импалы, конгоны... А скорпионы Суматры бывают величиной в ладонь... Да что там! О, господи, до чего хочется повидать весь этот животный, растительный, каменный и водный живой мир, всю Землю с ее океанами, пампасами, Андами, саваннами, Сингапурами и Парижами, побывать и там, где не стихает людская жизнь и молвь, и там, где от века лишь ветер пустыни да исплинское молчание Гималаев...

А еще хочется увидеть все земные грозы и облака, закаты и радуги на всех широтах, полярные сияния и ледяные шапки, угрюмые последние острова земли. И льды красно-синие, голубые и розовые — застывшую тишину и тайну Гренландии...

И этого мало. Земля ведь большей частью — вода. И туда, в океаны, нырнуть бы и плыть в их пучинах и безднах до самых расширяющихся геосинклиналей, до впадин, живущих вулканической жизнью. О, если бы, если бы, если бы...

А иногда мечты бывают и проще, куда проще, обыкновеннее, но оттого не менее несбыточны. Вот едешь поездом, стоишь у окна и попадаются до нельзя прекрасные места — пустошь какая-нибудь, кустики, елочки на скате оврага, речонка безвестная среди полей, дуб некий вековой на опушке, а то и просто березы, березовая роща — весной в грачиных гнездах, летом в зеленой глуши, в золотом крике иволги, и задрожит, заночет душа: тут бы сойти, сбегать, спрыгнуть с поезда, тут бы остаться пожить-побродить вволюшку... Да как же... Или вот еще как бывает. Первый снег. И везде можно по лесу, просто так, ни за чем, искать следы жизни. Как-то сладко их видеть. Здесь мыши бегали, настрочили двойные строчки, гнездо попадется пустое в самой чаще кустов, грибы какие-нибудь последние торчат кочечками... Так мысленно ходишь по лесу, по снегу, а сам-то стиснут в душном перегруженном трамвае, несет за окном машинами, домами нескончаемая улица и чей-то водочный дух все время перебивает мечту...

Иногда я думаю: «Не родимся ли мы в самом деле собирателями, искателями, коллекционерами?» Поставишь такой вопрос и сразу найдутся ответы: «Да сколько угодно людей

есть — ничего не коллекционируют, больше того, презирают это занятие, считают низменным, сродни стяжательству и скупердяйству. Есть и такие, — гордятся тем, что они не коллекционеры, отдают, посмеиваясь, какому-нибудь фанатику-нумизмату завалывшуюся монету, отклеивают красивую марку с конверта и оделяют жаждущего, а открытки поздравительные с ходу несут в мусорное ведро. «Не коллекционируют?» — спрашивает меня уже кто-то ехидный во мне. — Не собирают? Ну-ка, а платя? А туфли? Серьги-кольца? Хрустали? Деньжонки?» Разубеждаю этого скептика в себе: «Какое же это коллекционирование? Просто житейское дело...» «Корыстное!» — заявляет мой скептик. «А коллекционирование бескорыстно», — вразумляю его. «Ха-ха! — смеется он. — Ха-ха!»

«Бескорыстное оно!!» — ору на своего скептика и привожу примеры.

Один человек, он и сейчас жив-здоров, вот почему не называю его ни по фамилии, ни по имени-отчеству, — сколько раз из-за такого в конфузию попадал, — этот человек собирает все, и все, что принято собирать: книги, марки, открытки, этикетки, самовары, иконы, монеты, картины (по силе возможности), антикварность всякую. Недавно жаловался: не вмещается его коллекция в обыкновенной трехкомнатной, а он ее уж и чуланами разгородил, и антресолей везде понаделал... Но главное увлечение его — значки, ибо у всякого многоотраслевого собирателя все-таки есть стержень, что ли, красная нить. Значков у коллекционера почти как в сказке: столько, да еще полстолько, еще четверть столько, — и все в аккуратности немислимой, на отличных, оклеенных бархатом, планшетах — дореволюционные знаки (вот, предположим, пажеский Ея императорского величества корпус или знак ордена святого Владимира, с мечами) на белых, революционные, само собой, на алых, довоенные (всякого рода ГТО, БГТО, ГСО, ПВХО и Ворошиловские стрелки) на зеленых, нынешние (а их несть числа) — на голубых. На вопрос: «А что вы с ними делаете? Зачем?», этот скучный-прескучный с виду человек с совсем уж скучным (так и просится штамп «скрипучим») голосом отвечает: «Ну... я их... облизываю... по воскресеньям...» И какая-то бледность, подобие улыбки брезжит на его ослепленном лице.

Грубоват ответ, но, пожалуй, в самую точку. Видели бы вы этого унылого, с какими радостными восклицаниями и уже весь в улыбках, в нетерпении и дрожи воззрится он на довоенный осводовский значок, который я презентовал ему за ненадобностью. Как подносил он его к глазам, как вертел перед носом, как дул, полировал рукавом тусклую бронзу надписи — надо было видеть. И подумал я, глядя на него:

«Грешным делом, и впрямь ведь облизывает он свои значки, наверное...» А в целом, счастлив, очень счастлив наедине со своими значками, гербами, медалями, эмблемами спорта, труда, мира и войны.

А теперь позвольте к маркам обратиться. Марки. Филателия. Едва ли не самое массовое увлечение человечества. Кто-то подсчитал: столько-то сотен миллионов и все — филателисты. Начинаящие, бросившие, периодически вспыхивающие, пожизненные, наследственные, наследующие и всякие другие, так сказать, и прочая, и прочая. А вопрос тот же оставим: ЗАЧЕМ? ЧТО ТАКОЕ?

— Ну-у... Мм... В марках я изучаю... историю почты. Историю человечества. Марка — памятный знак, наконец, просто художественная миниатюра... — объяснил мне один видный филателист, режиссер академического театра.

И хотя возражений можно было найти сколько угодно, скажем, что историю человечества гораздо удобнее (эффективнее) изучать по книгам (летописям, папирусам), наверное, и почты историю тоже, — я не стал возражать человеку, бесконечно уверенному в своей правоте. Весь облик режиссера говорил о том же, ибо филателист походил на пожилого коротко стриженного шотландского пуританина, а пуритане, как явствует из хроник Шекспира, романов Скотта и Дюма, отличались твердостью убеждений. Вообще же замечу, что филателисты, наверное, самая категорически мыслящая часть человечества. Они так накрепко уверены в необходимости и пользе своих увлечений, что едва попробуешь посягнуть на устои, усомниться в истинности, все тотчас словом, интонацией и взором укорят в невежестве, в незнании, несоборности понять, даже просто в тупости, в лучшем случае обозначая ее для вас культурно, — инфантилизмом. Ну, подумаешь, какая разница между маркой с зубцовкой $\frac{3}{4}$ или с зубцами $\frac{5}{6}$ или вообще без оных, то есть с беззубцовкой, — марка-то одна и та же, но усомнитесь вы в том, что за «беззубцовку» надо платить в десять раз дороже, — вас испепелят, от вас отвернутся, как от круглого болвана.

Или вот еще есть марки — буквы там в надписи не хватает, перевернута надпись, цвет не тот, не те даты. Все такие марки из рук рвут, тысячи платят... Тут уж случай почти необъяснимый. Везде в природе совершенство ценится, — в филателии, по-видимому, все наоборот...

— Марка — ценность. Марка — стоимость, — торжественно объяснял мне другой солидный собиратель, кажется, профессор консерватории.

Вот часто говорят и пишут, что музыканты, художники, актеры народ веселый, непрактичный, запросто их можно обвести «на дурочку», впрямь они постоянно попадают. Заблуждаются те, кто так пишет и думает. Верхом аккурат-

ности были классеры музыканта. Прекрасными рядами стояли там марки, и все оценено, обозначено: рядом с каждой серией беленький такой прямоугольничек-цена. «Какая цена?» — спросите вы. Она же — на марке? В том-то и дело, что цена и стоимость марки понятия разные. Тут и начинается политекономия: товар и деньги, первичный капитал и прибавочная стоимость. Сегодня только что выпущенная марка стоит пять копеек, через десять лет может быть и рубль. Спекуляция? Боже упаси, ничего подобного — все расценено, все продается по самому современному каталогу: Европа — по Цумштейну, прочие страны по Иверу (есть такой трехтомный каталог-ежегодник, где его берут — непонятно, но у всех завязанных марочных боссов он тут как тут, а каталог прошлогодний продается любителям помельче — им и старый сойдет за милую душу).

Итак, марки — это стоимость — все равно, что деньги, положенные на текущий счет. Но что такое деньги? Любоваться ими не будешь, эстетического наслаждения никакого, если только ты не Плюшкин. Не скупой рыцарь. И скупого рыцаря можно еще оправдать, ведь он копил золото, у золота же есть, наверное, гораздо больше эстетического: звон, вес, блеск, красота самих монет вместе с ощущением их непреходящей ценности, ощущением силы богатства, а что за эстетика, что за наслаждение в трепаных, сальных, иногда и с чернильными пометками ассигнациях, тут уж вовсе надо быть хуже Гарпагона. А марка наслаждение доставляет. Причем, лучше всего если она «чистая», непорочная как бы, не припечатанная казенным почтовым штемпелем (припечатанные именуется «гашенкой», на манер известки, ими крупный коллекционер, вроде упомянутого, пренебрегает, берет лишь в крайнем случае, держит в особом класере; они — парии)... Зато чистые марки до чего свежи, будто сегодня напечатаны, все зубцы (филателисты не говорят зубчики, но «зубцы», «зубцовка») целенькие, клеевая сторона тоже (и это имеет значение в крупном собирательстве). Марки нельзя просто так взять. «Послушайте! Разве так можно?! Руками!? Так вот же — есть пинцет! Осторожно... Осторожно! Э-э... Нет, нет... Давайте, уж я вам сам покажу!»

Как любовно, как бережно переворачивается страница класера. Ведь все это — стоимость. То, что обеспечивается активами государственного банка, всем достоянием, золотом-серебром... И видишь в лице собирателя тоже нечто банкетное, банковое, — а, может быть, банкирское? Нет, только банкетное и банковое, пока. Ничего нет у профессора-музыканта общего с тем вон усохшим, старомодного вида старичком в пенсне, — тот сидит на сборищах филателистов всегда в уголке, скромно, точно подтверждает

пословицу о сверчке и шестке. Пословица эта вполне может быть подтверждена расхожей мудростью, что вещи — всегда лицо хозяина. Кляссеры у старичка потертые, дряхлые, альбомы мусоленные, в пятнах, похожи на руки хозяина в старческой крупке, марки тоже какие-то выцветшие, чай, отклеены от писем прошлого века, но сам старичок, при всем подобии своим маркам, боек, живуч, вот уж тридцать лет встречаю его, и все не меняется ни пенсне, ни пиджачок, может быть, даже люстриновый, ни повадка — все так же сидит себе в сторонке, тасует бережно пачечку открыток с лобзающимися парами, с видами Венеции, с пасхальными амурами и, как рыболов, ждет поклевки — один глаз на кляссерах-снастях, другой на покупателе, как на поплавке...

Стоп... Стой! Остановись, мгновение! Вернись, время...

Сборища коллекционеров привлекали меня тогда, когда не было еще никакой организации, все было проще, а сам я полуотрок, полуоноша лет тринадцати-пятнадцати слонялся летними долгими вечерами, одолеваемый желанием всепостижения и безнадежной любви ко всем более-менее молодым существам в юбках. Во время таких словно бесцельных скитаний я и набрел на странное скопище взрослых и подростков во дворе одного из бесхозных, давно определенных как бы к высшей мере домов, но так и ждущих исполнения приговора непонятное время — с выбитыми окнами, разломанным забором, пошатнувшимися во все стороны черными тополями. Здесь, в этом дворе, как на ничейной земле, на уцелевших скамьях и бывших огородных грядках — кое-где там торчал сам по себе растущий укроп, — стоя и сидя на корточках, группами и по одному, по два копошился этот странно смешанный люд.

Мимо же, не присоединяясь и почти не взглядывая в ту сторону, текла по вечернему бульвару тоненькая струйка молодых женщин и девушек, направляющихся к городскому саду на танцы. Там, в этом саду, всегда однообразно вскипал, качал вальсами и трубами, размеренно бухал оркестр. От женщин и девочек однообразно пряно наносило духами, какой-то помадой или пудрой, их платица манили трогательной чистотой, наглаженные юбочки были сама аккуратность, а туфли на каблуках придавали ногам антилопию грацию.

Тот сад был для меня недоступен, — этот двор принимал всех. Здесь продавали, меняли, смотрели, спорили, приценивались, ухмылялись, посмеивались, обещали, ждали с надеждой, лихорадочно рылись, высчитывали, искали, стояли, исполненные спокойного величия, находили... Здесь плескался, рябил, вскипал волнами, создавая мелкие водовороты и конфликтные завихрения мир грез и желаний, алчности

и скупости, надежд и стремлений, всевозвращения и отрешенности. Нет, я не делал философских выводов, я был не способен, наверное, к обобщениям. Я просто смотрел, смутно ощущая в себе вопросы: почему и зачем?

Большой лысый человек, с большой головой без шеи на кургузом туловище, человек с сомовыми круглыми бляшками далеко расставленных глаз и сомовыми же сизыми губами (до чего иногда люди напоминают рыб) держал толстый, как сам он, альбом с открытками. Сам по себе тлел-дымился окурок, прилипший к его синей вывернутой губе, и окурок был единственным живым в этом идолище.

На углу скамьи некто худой, издержанный, в таком же мятом комиссионном костюме, в темно-синей кепочке-восьмиклинке с пуговкой — такие кепки валяются на полках уцененных товаров, — сдвинув эту кепочку на затылок, шупал серебряные монеты, откладывал в сторону, брал снова, подносил к глазам, горящим сухим нездоровым жаром. И такой же жадностью, отрешенностью от всего сущего и земного дышала сухонькая желтая головка этого человека, а пальцы, изощренно тонкие, нервно шевелились и вверх, и вбок, как шупальца.

А рядом мальчик, как говорят, «из хорошей семьи», — одет, благовоспитан, ухожен, белое лицо булочка-пампушечка, в лице величайшее спокойствие, глубокая снисходительность ко всем и в особенности к двум уличным Гаврошам постарше и помладше, которые смотрят его марки, шмыгая, почесываясь, давая время от времени друг другу тычка и готовые стригануть во все стороны в любую минуту. Ребят я знаю, они из одного веселого семейства, их там еще несколько таких на одно лицо и в одной примерно одежде, и всех их зовут почему-то «палачата».

Что привело палачата сюда, зачем им-то марки, ведь у них и гроша за душой не водилось? Что привело...

А вот пожилой потасканный мужчина неопределенных лет, весь какой-то оглядывающийся, показывает двум другим нечто. И, заглянув на мгновение издали в его руки, вижу двух женщин, голых, в чулках. Почему женщин?.. Открытие опалило, повергло меня в недоумение.

Давно миновал «садовый» период коллекционирования, давно перебрались коллекционеры-собиратели во Дворцы культуры, в вели-

чавые творения архитектурного кубизма из бетона, стекла и дикого камня. Все теперь организовано: анкеты, удостоверения, выборные советы, комиссии, и дети до шестнадцати лет не допускаются, остались по-прежнему только те люди. Удивительные люди попадают здесь, нигде, никогда, кажется, больше таких не увидишь — сами собой они коллекции, экспонаты один занятней другого. И опять видишь здесь зримо все роды страстей, все темпераменты, кучи добродетелей, сонм пороков.

Вот, к примеру, целая группа филателистов, один крупнее другого, все в солидных костюмах и преобладают все достойные оттенки: светло-коричневый, темно-серый, черный в полосочку, бордо с искрой, и лица — испанских, французских вельмож, венецианских дождей, немецких курфюрстов, фамилии тоже высокородные проглядывают. Кондэ, например, Валуа, Потоцкий. Где Тициан? Где Веласкес и Рубенс? К этой филателистической касте и подступиться трудно, новичку и вовсе невозможно, если, к несчастью, у тебя еще и развито самолюбие. Говорят с тобой только снисходительно, как с верхних ступенек, едва-едва «любезный» не добавляют, и говорят-то как: покривя губы на одну сторону, прищуриваясь полупрезрительно.

Нет, Кондэ — это уже слишком, оставим их для портретиста поспособнее, рассмотрим другой калибр, то есть уже не Кондэ, не Валуа, но тоже с большими претензиями на благородство.

Вон там, у окна, сидит мужчина кинематографической внешности. Широко сидит, расставив ноги, опершись на колено, как роденовский мыслитель. На мыслителя, однако, не похож, а лыс, румян, круглолиц, волосат до ногтей, что, кажется, примета большого счастья, и тоже наряден: трубка (он ее не выпускает), костюм серый добротнейший, в желтую клетку, ботинки английские — люкс. Нат Пинкертон, Смит-Вессон — лезут на язык расхожие определения: до того заграничный вид. Знаю, служит он где-то в НИИ не то гигиены труда, не то лечебной физкультуры и, слышно еще, теннисист, яхтсмен...

Почему-то уж так повелось, люди этого сорта всегда отменно устроены-благоустроены, и работу их работой как-то трудно назвать, и сами они это понимают, называют меж друзей «клоподавкой», «синекурой». Ха-ха... Ха-ха... Находятся такие странные работы-должности, где даже приходиться вовремя не обязательно, а оклад — вполне даже, плюс премиальные, да еще какие-то полевые, суточные и хозрасчетные, поясные-зональные набегают. Есть такие, скажем, геологи, отродясь дальше главного проспекта не отдавались, и нефтяники есть, всю жизнь на нефти, а видели ее только в скляночках, и рыбоводы без рыбы есть, и металлурги... В теннис же в НИИ теперь обучаются на пере-

рывах (в настольный, конечно). Оборудованы в современных холлах широко распахнутые столы, где НИИ побогаче, даже бильярд стоит, а курительная отдельно, чтобы не загрязнять воздух для играющих. Если же директор НИИ демократ с размахом, дело поставлено еще шире: что ни месяц, организуются симпозиумы на турбазах, совещания-слеты на местных курортах, командировок много — изучить, например, воздух вблизи Кисловодска, почвы возле Цхалтубо. Сам директор безвыездно по границам мотается, и хорошо всем, уютно, бесхлопотно. Однако оставим фельетонный стиль, не в нем дело...

...Торгует Смит-Вессон благородно — только «колониями». Всегда возле его солиднейших, в желтой коже, американских кляссеров кучки подростков в благоговейном молчании, в подавляемом сопении. А марки? Какие там марки за целлофаном, в клеммташах! Глянцево-яркие с парфюмерно улыбающейся Елизаветой Английской, с горбоносом каудильо, с занзибарскими владетелями в чалмах, малайскими султанами в фесках — все на фоне пальм, гор, крокодилов-бегемотов, слонов, обезьян, парусников, морских див, медуз и осминогов... Цены на «колонии» стандартные: штука — рубль, рубль — штука. Смотрю со стороны на благоустроенное, вполне довольное собой лицо Вессона и вспоминаются мне слова, не чьи-нибудь, а самого Карла Маркса, помните, о капитале, о его свойствах, о том, что с капиталом делается, когда почует он сто, двести и триста процентов прибыли, а потом почему-то я начинаю размышлять — как попадают в теннисисты и в яхтсмены...

Может, вы об этом не думали, а меня почему-то всегда очень сильно занимали люди в белых джентльменских костюмах с наглаженными строгими складками. Их я видел на курортных рекламках, в журналах мод и на стадионе «Динамо», расположенном в трех кварталах от нашего дома на слободке. Они играли одни-одинешеньки, отделенные от всех высокой надежной сеткой. Не было ли во мне, в нас, по эту сторону сетки чего-то такого, что было во взгляде индийского кули, не было ли там, по ту сторону сетки, чего-то такого от недоступных сагибов? Нет, наверное... Но взмахивая своими аристократическими ракетками, посылая тугие удары по ворсистому мячику, люди за сеткой никогда не взглядывали в нашу сторону и не представлялись нам обыкновенными людьми, как и сама их игра с непонятно растущим счетом. Даже то, что им, людям в белом, позволено было по-хозяйски играть там, куда мы, грешные, всегда с трудом допускались или лазили через забор — таково уж спортивное гостеприимство на стадионе «Динамо», — делало их головою выше каждого из нас. Это были, конеч-

но, необыкновенные люди, может быть, великие...

Каково было мое удивление, когда в числе теннисистов оказался человек, живущий в нашем околоте и даже примерно равного возраста, примерно, лет пятнадцати, фамилия его, правда, была подходящая для теннисиста — Королев. Зато по внешности, поверьте, ничего, совсем ничего королевского не было: желтые волосы, узкое рыжее лицо с густеющими на лбу и на носу конопушками, такие же руки в густых рябинах, рыжие злые глаза, и во всем поведении какая-то закрытая холодная злоба. Держался Король больше в одиночку, молчком, с нами никогда не играл, младшим раздавал пинки и тумачи, заговорить я с ним никогда и не пытался, потому что всегда он смотрел на меня глазами раздраженной собаки и, в общем, удивился-то я, удивился, увидев этого Королева в белом облачении с ракеткой в чехле, а с другой стороны, отметил про себя, что догадки мои о теннисистах (и о яхтсменах) что-то словно бы подтверждаются...

Вот так же порой думается об играющих в бильярд и в преферанс тоже. Имеется какая-то определенная часть человечества, которая любит и может играть в городки, другие в подкидного дурака. Представьте, ездю я ежедневно на работу в электричке и ежедневно садится в один и тот же вагон развеселая железнодорожная компания, еще на ходу достаются карты, через минуту уже сидят, играют, и как играют! Только и слышишь: «Хлесть! Хлесть! А я тебя — козырем! Ну, набрал! Ну, набрал... Давай крестушки-то... Давай... Буби! Крести. Буби!.. Крести... А ты не заглядывай, не заглядывай под подол-то... Ха-ха... Крести! Ха-ха-ха!»

Больше всех веселится молоденькая женщина, техник с одной звездочкой на рукаве. Черные брови высоко, белые зубки: ха-ха-ха! В конце игры даже ногами от радости: тук-тук-тук. Счастливые люди, как подумаешь. А однако никакой преферансист не сядет в подкидного, и городошник ракетку не возьмет. И любитель бильярда только улыбнется величаво на предложение сыграть в пинг-понг. Тайна сия велика есть... Забавно, а ведь некоторые люди (особенно раньше) и в ресторан предосудительным ходить считали. Тайна сия велика есть...

Однако, бог с ними, с яхтсменами, с городошниками, тем более, что зыбки мои аргументы, все жидется на малых примерах, сейчас же и возразить можно. А чемпионы наши, а олимпийцы! И, конечно, я соглашусь, не о чемпионах и не об олимпийцах ведь идет речь. А вернувшись к филателистам, опять-таки можно признать, что среди благородных интересов, рыцарских увлечений, незабвенной любви к марке, к истории почты здесь цветут, как одуванчики в июньское утро, куда более обыкно-

венные страсти-страстишки, демонстрируют половицу, что пороки всегда лишь продолжение добродетелей. Я позволю себе отвлечься далеко в сторону для пояснения примером. Вот что однажды увидел и услышал я...

Воскресный пыльный день. Август. Рынок, в просторечье именуемый толкучкой и барахолкой. Толчея и давка, людской водоворот. Две девицы в этой атмосфере. Чувствуется — дома они тут, на своей почве. Знаете вы их, видали, конечно... Парички, выщипанные бровки, голубые веки, перламутровые губы, кофточки такие обезьяны, с начесом, юбки-миди. Лица девиц не то чтобы красивые и не то чтобы дурные — обезличенные косметикой, а вот глаза запоминаются — у одной белая сентябрьская пустота, у другой мартовская стынь-пустынь, февральский холод.

— Ну, ты, — говорит та, в чьих глазах навсегда задержался холод. — Чо с костюмом-то, мылилась-мылилась... Брать надо было...

— Да черт его знает... Не сдашь еще.

— А-а, — говорит с досадой первая. — Не сдашь, не сдашь... Ну, ладно. Счас мы с тобой такую деревню найдем. И окучим...

Совсем недолго надо побыть филателистом, чтобы вселилась в тебя та расхожая меж собирателями мечта: приходит на коллекционерский этот шабаш, на эту Вальпургиеву ночь меновоторговых страстей простак со старым альбомом. Альбом когда-то, может, голубой, почти синий был. И первым, кто заметил робкого простака, являетесь вы. Отвели вы дядю поскорее в сторону, глянули, — а там, в альбоме-то, все «Советы» с первых марок! Леваневский с надпечаткой! Первая спартакиада! Антивоенная — целенькая! Золотой стандарт! Бакинские комиссары! И вы все сразу оптом, с альбомом, даром что марки-то там на клей припаяны — все по номиналу!!! А? Бывает же счастье — только редко: Леваневского, понимаете вы, Леваневского с надпечаткой по номиналу, а он в старублях идет... Да что там в ста...

Греза, конечно, золотая... Золотой дождь... Где теперь такие простаки... Эге... И все-таки бывают, приходят, но чаще не дядя-охломон, пропивающий все оптом. Охломон-то, может, все-таки сам собирал в детстве, кое-что в марках смылит, а вот женщина иногда появляется такая недоверчивая, все щурится, оглядывается, некает-мекает, не знает, что просить, конечно, не соглашается по номиналу, но на нее, как ястребы, со всех сторон и, глядишь, уже отдала альбом, нет его, унесли...

Итак, бывает лелеемое, случается...

Раздумываю, вспоминаю, и никнет мое сатирическое копье, превращается в обыкновенную авторучку, когда вижу еще огромный слой собирателей — столь многочисленный, увеличивающийся по-индийски. Это те, кто еще не успел разочароваться. Это те, кто не понял еще резкой

кой разницы между зарплатой и текущим счетом Форда, это те, кто не вынашивает голубой и радужной мечты обрести тысячу процентов на затраченный капитал. Вижу, как, тихонько морщась, точно от слабой боли, лезут они в собственные неглубокие карманы и платят потомкам венецианских дождей, римских императоров и генуэзских менял полновесные трудовые за «спартакиады», за «гонконги», за «искусство».

Вот как раз стоит перед глазами Любитель, назовем его так, чтобы отличить от завязтых коллекционеров, ведь собирает он в одной, хотя и слишком широкой ныне отрасли, — по искусству. Для непосвященных должно быть ясно, сколь много выпускается ныне марок: бесконечное, непосильное множество. Попробуйте скупить хотя бы то, что выставлено в витринах газетных киосков, — академику не под силу. Давно канули в прошлое хронологические коллекции, где все начиналось с первой жалкой марочки, с первой невзрачной серии. Есть такие, конечно, но чаще у миллиардеров, владельцев особ, у испанского короля, наверное, если не распродал он по нужде дедову коллекцию, вывезенную когда-то из революционной Испании. Одни чемоданы с марками захватил тогда Альфонс с несчастливым тринадцатым номером. Но оставим испанских королей, — они выход найдут, а что делать начинающему инженеру, молодому врачу или хоть высокооплачиваемому начальнику мартеновского цеха? Что делать?

Шутники утверждают, что у современного человечества в современной квартире со всеми удобствами имеется три главных вопроса: Что делать? Кто виноват? Какой счет?

Но не ограничиваясь этой шуткой, все-таки: что же делать обыкновенному рядовому филателисту при возрастающем марочном рынке? А остается одно: поверить в поговорку — если не можешь любить желанного, люби то, что есть, или по узкому отраслевому руслу. И вот специализируются коллекции — век специализации! — уходят корнями в животный мир, возносятся в космос, застревают на спорте (бесчисленные уже серии, и все одно и то же: фигуристка с поднятой ногой, боксеры в бычьей стойке, хоккеисты с клюшками), приникают к многочисленным родникам искусства, и текут из этих родников марки-картины, марки-репродукции, марки-миниатюры с картин и скульптур, украшающих известнейшие галереи.

Можно бы, наверное, и посмеяться: измельчало человечество! В прежнее-то время любители подлинные полотна скупали, Рубенс в гостиных был, Веласкес с Тицианом, Снайдерсом украшали столовые, Ренуаром — кабинеты и спальни... Мона Лиза-то, Джоконда-то знаменитая, у кого-то, простите, в ванной комнате,

по-нынешнему — в совмещенном санузле, висела... А вы ныне репродукции какие-то да еще на таком мизере, на марках, копите. И гордитесь: «Галерея в миниатюре!», «Леонардо в миниатюре». Э-эх, как же с Любителем-то быть?

А ничего не поделаешь, — отвечаешь этому голосу из глубины. — Мона Лиза-то одна, а видеть-то ее всякому хочется, кто любит искусство. Что поделаешь, если хочется иметь у себя дома Веласкеса и Эль-Греко? Если душа ноет без Ренуара, томится без Дега, без Гогена и без Берты Моризо? Да вы не смейтесь очень-то! Думаете, если Рубенс на марках, так уж все просто, легко-дешево? Ошибаетесь, сударь... И в марках творения великих в немалой цене, тем более, что добываешь их не из первых рук. Как знать, не обходился ли иному покупателю подлинник Ренуара в свое время дешевле марочной серии? Неуступчивы венецианские дожи, не любят торговаться потомки голландских купцов. Что ни марка — рубль, что ни серия — четвертная. Особенно, когда вам говорят: «Но это же — Лувр! Это же Модильяни!». Или: «Ну, что ж, попробуйте, найдите у кого-нибудь еще такую Дрезденскую (Мюнхенскую, Лондонскую) галерею». И особенно, когда предлагают же н-ш и н...

Здесь читатель, не знакомый с современной филателистической терминологией, вполне может встать в тупик, вытаращить глаза. ЧТО — женщин? Как это? Почему — женщины!? В каком это, простите, смысле?

Поясню... Отмечу лишь сначала, что марки — увлечение в общем-то мужское. Женщины-филателистки, конечно, есть, но явление редкое, в виде исключения, что ли, допустим, как женщина-сталевар, женщина-рыбак, женщина-охотник, женщина-капитан (а мне встречалась женщина-пилорамщик, и как ворочала она саженные бревна ломом-гандшпугом!). Имеется также в виду женщина взрослая, совершеннолетняя. Девочки-второклассницы не в счет. Не в счет и молодые жены, еще припаивно влюбленные в своего юного мужа, ибо в таком состоянии они прощают (разрешают) ему это увлечение, а лучшие пытаются даже сами светиться, как луна от солнца. Это, пожалуй, самый распространенный случай появления женщин на филателистическом торжище, и надо видеть эту девочку-женщину, всегда почти прелестную, как ранняя весна и как молодая газель, когда она тянется из-за мужьей спины в чей-то распахнутый кляссер и слабо дышит, может быть, от дальнего ужаса, глядя, как муж наносит ущерб неокрепшему семейному бюджету. Юная газель ни в чем не похожа на описанных выше подружек в пижамных парах, и на цветущем, слегка утомленном ее личике еще бродят счастливые сполохи. Она даже пытается скрыть, пога-

сильно эти сполохи, но не всегда ей удается, и с понимающей ухмылкой смотрят на нее, подмигивая друг другу, сановные Людовики Валуа и Кондэ. Вот, наверное, самый распространенный тип женщины, причастной к филателии.

А далее идут другие формы, иные варианты, — хотя бы такой: супруг-коллекционер еще достаточно молод после серебряной свадьбы, но уже в большом общественном чине, весе, степени, супруга же отчаянно борется с подступающей старостью и уже чувствует: не помогают, не помогают, чтоб им провалиться, ни косметические кабинеты, ни кремы, ни массажи, ни диета, ни парики. Приходит пора, когда начинаешь ненавидеть зеркало, вот тогда и заболевают женщины увлечениями мужей и начинают сопровождать их туда, куда раньше исчезал он лишь под недовольное брюзжанье. Женщины такого рода еще как будто не исследованы ни наукой, ни литературой, но, наверное, оттого, что исследовать особенно нечего. Все они, примерно, одинаковы, и увлеченно можно беседовать с ними по четырем проблемам: о сервисе, о серванте, о квартире и о курорте. Дальше не стоит: не интересно ни им, ни вам.

Вот встретил недавно — гуляет в брючном костюмчике по вестибюлю, отдельно от мужа, углубленного в деловые обмены. Лицо — сама скука, спрятанная жалость к самой себе. «Ах! — сказала, пытаюсь вызвать оживление в блеклых глазах с отдельно расставленными синими ресницами. — Это ты? Как ты постарел! Ну, как семья? Как квартира? Ты не переехал? Давно тебя не видела...»

Но мы уклонились от главной темы. Женщины очень в цене на марочном рынке — имеется в виду только изображение женщины на марке и даже не всякое изображение, а, так сказать, НЮ, обнаженная натура — она стала самой ходовой и дорогой отраслью собирательства.

Хочется мне воскликнуть: О, женщина! Ты и Земля, и Солнце, Воздух и Вода! Шерше ля фам! Везде и всюду без тебя не обходится. Не обошлось и в филателии. А мода сия возникла еще в довоенные времена, когда, по-видимому, стесненный в средствах, уже упомянутый испанский король санкционировал выпуск удивительной серии к юбилею Гойи. Нахмуренный Гойя появился в мире филателии почему-то в паре с вариантом своей известной картины «Маха» (Девушка). И маха была обнаженная, хотя кисти Гойи принадлежит и другая маха — одетая. Известно, что в обеих картинах под видом махи написана принцесса — инфанта, а роман Фейхтвангера свидетельствует: картины помещались одна за другой, так что далеко не каждому посетителю будуара доводилось видеть смелую инфанту-натурщицу. И вот — финал: обнаженная принцесса стала добычей филате-

листов. Скандал не скандал, но факт потрясающий, и мировая филателистическая общественность (какое-то неудобное слово «филателистическая», но не скажешь ведь — марочная) только что не возмущена, коллекционеры шокированы, обыватель растерян, женщины не решаются посылать письма с такой маркой, а почтальоны-мужчины крадут конверты...

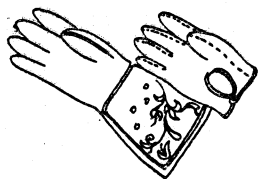
Но минуло потрясение, и человечество — так уж оно, видимо, устроено — перешло от осуждений к рукоплесканиям. И как тут не вспомнить войны против узких и широких брюк. Как передать мне взгляды пожилых матрон на юных девушек, надевших мини.

Обнаженная маха все росла и росла в цене. Предложение родило спрос и спрос рождал предложение. Сперва, как водится, робкое. Обнаженные негрятянки толкут в ступах сорго. А что тут такого? В Африке жарко. В Африке все ходят так... И появились вслед за сомалийками таитянки, самоанки, конголезки, нигерийки, русалки, валькирии, афродиты, пенелопы, артемиды, просто юные, улыбающиеся, манящие, крутобедрые, круглогрудые... Женщина властно вторглась в филателию, тесня императоров и королей, крокодилов и тигров, памятники и технику, великих мужей и прославленных деятелей. Женщина заулыбалась с марок фантастических стран.

Давно известно, что самые красивые почтовые знаки имеют и выпускают крошечные, карликовые государства. Сейчас сразу просится на язык: Монако, Сан-Марино, Лихтенштейн, Андорра. Но это все-таки известные государства. А вот благодаря женщине открылись миру вовсе уж неведомые страны. Простите, вы знаете, что такое Манама? Нет, не Панама, а Манама? А что такое Фужейра? Или — Айман? Нет, не Йемен и не Оман — Айман? Боюсь, что таких «государств» не встретить и в географическом справочнике. Но эмирам, правящим государствами-деревнями, видимо, не дают спать щедрые недра Саудовской Аравии, а собственной нефти не хватает на содержание двора и гарема. Вот почему Манама, Фужейра и Айман решили наводнить мир раззолоченными глянцевыми, многоцветными марками, услужливо создаваемыми некоей зарубежной фирмой. Эмиры учли спрос: женщина, женщина, женщина — в репродукциях. Боттичелли. Веронезе. Ренуар. Сезанн. Гоген. Дега. Моне и Мане. Матисс и Пикассо. Все, кто в меру своего таланта воспевал прекрасное женское тело. Марки-блоки, марки-сцепки, марки-микро, марки-картины, марки, так сказать, фрагменты. Натягивают черные чулки кокетки Лотрека, демонстрируют раскормленные крупы женщины Рубенса, потрясают изощренной плоткостью на границе с идиотизмом узколицы женщины Модильяни. Не забыт и русский Брюллов (конечно же — «Вирса-

вия»). Никто не забыт во имя эмирской казны. Не беда, что в репродукциях перевран цвет, не беда, что сам Ренуар побагровел бы от своей «купальщицы» — на одной марке она в синих тонах, на другой в розовых, а там и вовсе — фрагмент, четверть купальщицы... Включились в эксплуатацию темы диктаторы Уругваев и Парагваев, растут серии марок, ряды собирателей. И сам я, грешный, покупая очередную серию, радуюсь ей, только думаю иногда, ну родись Ренуар в Манаме, бегай в детстве по манамским улицам — честь и слава бы манамскому народу, и марки уж вполне законно прославляли бы своего великого живописца. Однако не славят на родине, если не ошибаюсь, не выпустила Франция еще ни одной ренуаровской серии. Как тут не вспомнить: «Не бывает пророков без чести, разве только в отечестве своем и от близких своих...»

А впрочем, я не прав — напечатали же в одной стране картины Шишкина на конфетных обложках, на папиросных коробках, и оказали художнику и картинам неопценимую услугу.

Думаю, что пора бы вернуться к многообразию человеческих увлечений. В самом деле, если б в одну филателию уходили корни собирательских страстей, не слишком ли однообразным представлялось бы лицо человечества? И откуда все-таки пошло оно — собирательство. Не «ветр» ли это «с цветущих берегов», — как писал Фет? Говорят, чтобы понять явление, надо спуститься в его первичные глубины, дойти до истоков, разложить на простые множители. Ведь не случайно и человек повторяет в своем развитии весь процесс эволюции живого — от первичной клетки до философствующей материи. Не случайно львята рождаются пятнистыми, напоминая тем древних предков льва, а птенцы изощреннейшего из певцов — соловья так же бьются крапчатые, что говорит о их принадлежности к древнему роду дроздовых. Не случайно мелкий головастик больше всего похож на рыбку (и дышит ведь жабрами!). А история собирательства восходит к сбору предметов и существ, произведенных природой: камень, раковины, бабочки, жуки, травы, в иных случаях — корни, сталактиты, чучела, зубы и когти хищников...

Вижу, как первый коллекционер подбирал осколки кремня, обсидиана, агата и кварца,

бродя по галечным отмелям рек, по осыпям камня вблизи своей пещеры. Он любил и ценил камень за его насыщенный практический смысл, камень давал защиту, служил оружием и орудием, дарил огонь, но практический смысл, вероятно, уже у дриопитека и неандертальца дополнялся поиском красивого, блестящего, радующего глаз не только свой, но и соплеменника...

В раннем детстве я тоже, видимо, повторял историю человечества, когда искал и находил самые разнообразные камни, и тоже отчасти цель была практической — снаряды для пращи, для стрельбы из рогатки. Но постепенно все более отходил я в сторону чисто эстетическую, хотя это модное понятие было мне абсолютно неведомо, так же как и дриопитеку. Камни. Просто игра света и цвета, просто разнообразие, просто радость находок... На пустырях возле нашей слободки долгое время сваливали отходы гранитной фабрики. Вы представляете, что можно было там найти? И я находил не только полированный гранит всех цветов — от голубого до черно-серого, но еще и множество яшмы, орлеца, родонита, здесь попадались обломки горного хрусталя, полутшлифованные топазы, камень красный, бурый, сиреневый, совсем черный, лазурно-голубой, желтый, светящийся самоцветным блеском. Я добывал друзы фиолетовых аметистов, кристаллы турмалина, мрамор, роговик и даже кусочки зеленого малахита. Камень. Увлечение это велико есть. И вышли из него не только геологи и рудознатцы, но художники, но поэты резца и шлифовального круга. Камню мы обязаны бронзой, медью, железом и, конечно, золотом. Золотой дождь? Не оттуда ли он пошел? Не от камня ли?

А мои собственные увлечения не ушли дальше ящика с камнями и одной друзой тяжелого золотистого пирита, с великой радостью принятого, конечно, за настоящее самородное золото. Помню, как мчался домой с находкой, не чуж под собой ног к старшему приятелю, обозначим его просто Юрка, и едва не ревел, разозлился, расстроился, когда Юрка, лишь глянув на мой самородок, высмеял мое золото, превратил его тут же в какой-то «медный колчедан». И пришлось верить: его коллекция была не чета моей, все в одинаковых отполированных ящиках, каждый камень в своем гнезде, с этикеткой, и «золота» там было полным-полно во всех видах, даже настоящего немного: кусок кварца с тоненькой прожилкой. Прозаическое имя Юрка не выражало сути этого человека, а суть была такая же, как коллекция. Все в Юрке было рассчитано, высчитано, расчерчено, разлиновано, определено до последнего пунктика. Уж не родятся ли такие с генетически обусловленной аккуратностью? Есть над чем подумать...

Сколько ни приучал я себя к его пунктуаль-

ности, четкости, — ничего не получалось. Лепим вместе на речке из глины — я мокр и грязен, не знаю, с чем сравнить, он — чистехонек, закатаны рукава белой рубашки, на штанах не смялись наглаженные складочки; идем на болото ловить лягушек, ноги мои промочены, в ботинках хлюпает, в завершение я провалился в жижу до колен, — он даже сандалии не замочил, а поймал больше; покупаем мороженое, — меня обсчитали, а он только посмеивается. Правда, он старше, опытнее, наверно, смысленнее его маленькая, как бы седенькая уже на висках, голова, и все-таки никакая самая быстрорукая тетка его не обсчитает.

Вот и думаю снова, если уж человек неряха и рохля — от судьбы и родителей, если дурак и хам — от судьбы и от родителей, если умница и милейший человек — тоже от судьбы и от родителей. А необходимая завершенность в аккуратности, в хамстве, в доброте осуществляется самошлифовкой, идет как расширение богоданных добродетелей или пороков...

Но тогда что же делать с воспитанием? Отменить? Пустить все самотеком? Тогда зачем литература? Зачем вера в добро, в доброе начало в человеке? А тут, наверно, все очень просто: редкий человек состоит из одних добродетелей или из одних только пороков, большая, подавляющая, абсолютная часть человечества всего имеет понемногу. Вот и нужно этой части человечества проявление и подкрепление добрых начал. А те немногие, что рождаются с абсолютным преобладанием добра над злом или зла над добром, ни в каком воспитании вообще не нуждаются. Они все равно и везде пойдут своей стезей.

Очень я хочу, чтоб доказали мне, как жил-был, скажем, матерый карманник и домушник, раз десять отбывал сроки, а после одиннадцатого сделался милейшим порядочнейшим человеком, и обратный пример — был тихий спокойный человек, мухи никогда не обидел, учился, работал, лицу всегда только на зеленый свет переходил, а обратился вдруг в стригущего глазами, пришепетывающего и жестикулирующего вора «в законе».

Нет правила без исключения, но ведь исключение-то как раз и подтверждает, что есть правило...

Коллекционером камней я не стал. А вы не знаете, как называется эта камнемания? Уж не филоминералия ли? Минералофилия? В общем, страсть к безжизненным дарам земли зачала в зародыше, и не достиг я даже первого перевала к той вершине, которая случайно обнаружилась в разговоре с одним знакомым.

Знакомый, обозначим его просто Яша, любитель поэзии и сам пописывающий на досуге, знаток романских языков и собиратель поэтов-модернистов от древних мистиков до Бодлера с

Метерлинком, до Мережковского и Соллогуба в отечественном исполнении, Яша, в подпитии цитирующий Рембо, Цветаеву, Городецкого и Пастернака с вдохновением жреца и посвященного, а с виду похожий на дореволюционного дворника, особенно, когда нарядится в сатиновую — горошком — рубаху, Яша похвастал мне, что приобрел в собственность томик Мандельштама. Разговор у нас пошел от Мандельштама к Пастернаку, от Пастернака свернули к Лорке, от Лорки к Хлебникову и Василию Каменскому, далее о погоде, о здоровье и камнях из почек.

Я рассказал Яше со смехом, какую великолепную коллекцию камней, вынутых оперативно, держат под стеклом в коридоре энской больницы, и тут же лежат и ходят больные с подобными камнями и смотрят, и обсуждают, бледнея, какой камень предположительно у того или у другого. А камни в той коллекции от мизерных крапинок до почти дорожных булыжников, какими раньше выкладывали мостовые.

При упоминании о камнях Яша встрепенулся и сообщил, что завтра они тоже едут копать камни, что там, куда они едут, даже изумруды, говорят, бывают, и пошел он и пошел, о камнях и о камнях, простояли мы битых два часа, а я поразился, как просто могут сочетаться вершины символизма с еще не открытыми копиями царя Соломона.

Так, вроде бы, постоянно уходя в размышлениях от главного предмета, от «ПОЧЕМУ?» и «ЗАЧЕМ?» — я, наверно, все-таки приближаюсь к истине, ибо перешел от произведений человеческой руки к творчеству природы — первооснове всякого творчества вообще. И, разумеется, творение живых существ, одушевленных и ускользающих от коллекционера в меру своих способностей, ног и крыльев, было осуществлено природой много позднее, чем изобретение изумрудов и алмазов.

Когда говоришь о коллекционировании существ живых, невольно вступаешь в конфликт с моралью и этикой. Все живое, до бактерий даже, до бессмысленных вроде бы червей хочет жить и совсем не стремится попасть в спирт, раскиснуть в формалине, а тем более, подвергнуться ужасной пытке — быть проткнутым живьем швейной булавкой и корчиться на ней иногда не одни сутки (а есть еще булавки специальные — энтомологические, длинные и тонкие, как волосок, впивающиеся в пальцы, едва к ним прикоснешься). А душгубки-морилки, где несчастное насекомое корчится, шевелится, взлетает, беззвучно молит кого-то о чем-то.

Как совместить это с понятиями любознательность, доброта, увлеченное собирательство?

Я боюсь задавать себе этот вопрос, ведь в детстве все мы бываем неосознанно жестокими, и мораль вполне очевидная либо не осознается нами, либо уходит куда-то на задний план, а на переднем плане остается главное — коробки с засушенными чудесами: усатыми, бронзовыми, серебристыми, расписными, рубчатыми, рогатыми, отливающими полированной закаленной сталью, воронеными, многоцветными, светящимися, покрытыми сложнейшим, однако всегда присущим данному виду, узором.

Первичное бессистемное собирательство, которому предавались в детские дни все без исключения — ну, хоть на один день: ведь появлялся же в ваших руках некий замечательный с виду и несчастный жук, бабочка, залетевшая в окно, и вы тотчас же решали оставить его для будущей огромной коллекции, сажали его (ее) в коробку, носились с ним (с ней), показывали всем, а на завтра уже навсегда забывали о существовании этого жука, так что, обнаружив его в коробке лет через пять-десять, уже никак не могли вспомнить, откуда он там взялся, как туда попал.

Случай рождает первичное собирательство, но для того, чтобы стать страстью, надо, во-первых, чтобы случаи эти повторялись, а во-вторых, надо иметь, наверное, к собирательству особую душевную склонность. Ваша страсть может также пройти несколько расширяющихся кругов, либо уже на первом-втором витке, подобно спутнику, запущенному на временную орбиту, она должна снизиться, потерять инерцию (интерес) и сгореть без следа в более плотных слоях вашей интеллектуальной сферы. Так говорю я с уверенностью — ведь сам пережил этот выход на энтеномологическую орбиту после обычной, неизбежной, как корь, детской вспышки, и прошел еще два круга в студенчестве и в более зрелые годы.

Все началось с жука, которого я даже не сам нашел, сообщил мне о его местонахождении самый мой близкий друг-приятель в детстве Юрка, но в отличие уже от названного выше Юрки, это был китаец, и я привык звать его так: Юрка-китаец.

— Тамо наша тебе жук покажи! — сказал он, улыбаясь во весь рот.

— Большой? — спросил я, ибо в детстве величина жука — главный показатель его ценности.

— Шибко большая... Шибко... Вот такая...

— Врешь...

— Шибко... Надо ходи...

Мы побежали.

Жук сидел в сыром углу каменного спуска в подвал, где жили китайцы, и показался мне невероятным. Он был овальный, черный, блестящий, с голубоватыми глазами и величиною, наверное, со столовую ложку, если брать ее без черешка... Возле жука на корточках сидела

сестра Юрки, китаяночка Рита, и боязливо поглядывала то на меня, то на жука черными ночными глазами. Я радостно схватил жука и объявил, что это не просто жук, а жук-водяной, плавунец, я был в этом накрепко убежден, ибо уже находил гораздо более мелких, но подобных ему. От жука пахло тиной и сыростью, и глаза у него были какие-то водяные, напоминали глаза рыб, если только рыбу сварить. В доказательство я принес банку с водой, и жук тотчас нырнул и начал бойко плавать, взмахивая ногами-веслами и шелкая о стенки, а Рита подняла вой:

— Моя жук! Моя жук! Мой краунец! — причитала она, хватаясь за банку, и Юрка потупленно признал, что действительно открытие жука принадлежит Рите.

Пришлось отдать банку, и я ушел сердитый и на Юрку, и на Риту, и все еще в недоумении — вот, оказывается, какие бывают громадины-жуки, разве чета тем, которых я постоянно находил в огороде и на пустырях под камнями.

Но на другое утро китаец прибежал снова и с виноватой улыбкой сообщил, что нес мне жука, а «жук — уехала». Улетел жук. В доказательство китаец показывал ладонь, на которой жук оставил какую-то вонючую жидкость. То, что жук улетел, я не мог не поверить — китаец никогда не обманывал меня, но какое же действительно чудо этот плавунец, если может жить на суше и под водой и плавать, и бегать, и летать...

Помнится, я не совместил этого открытия с утверждением о совершенстве человека. Однако громадный озерной жук побудил меня расширить и усилить поиски подобных существ, и все лето у меня прошло в этом поиске и многих счастливых открытиях. Так я нашел несколько синих больших жуков — навозников, серебристого и словно бы каменного жука-златку, огромного с острым полированным рогом жука-носорога и несколько великолепных усачей, причем поимку каждого из них помню во всех подробностях. Одного, например, зеленого широкого усача я поймал на гнилом осиновом чурбаке, что валялся за ненадобностью возле забора уже не один год, другого жука, темно-бронзового, сбил кепкой, когда жук летел, расставив усы и крылья, как нечто весьма странное, даже пугающее, выделяясь на яблочно-спелом фоне заката. Жук остался у меня, и я хорошо помню весь этот вечер, темноту заборов, молчание тополей, желтую дольку луны и усача, летящего на закате. А еще один жук-усач серо-голубой, напоминающий тоже бронзу, только в древней жесткой патине, сел на меня сам. У этого жука были замечательные голубовато-серые усы-сяжки, состоящие из конусов-члеников, и длина этих усов-антенн превосходила самого жука раз в пять. Право же, такое чудо напрасно не исследуют биологи, кибернетики, радиотехники, и эта мысль тоже не пришла мне тогда — тогда я просто вос-

хищался жуком, любовался им как редкостью и новым сокровищем. Впоследствии я узнал, что усам жук измеряет температуру дерева — а большое дерево «температурит». Кроме того, усам жук воспринимает сигналы самки, что помогает ему найти избранницу гораздо легче, чем прочим существам в этом сложном мире.

А теперь представьте себе здорового парня-мужчину, который с большим желтоватым сачком, сшитым, правда, не из тривиальной марли, а, как полагается по науке, из крепкой канвы-конгресс, бродит по опушкам и по травянистым межам, бегаёт за стремительно улетающими цветными лоскуточками тяжелой поступью Голиафа, подолгу стоит возле старых пней или сидит на берегах ручьев и болотца. Что-то там ждет-поджидает, к чему-то подкрадывается, что-то находит. Его не раз встречают с той улыбкой, которая всегда бродит на лице, скрывается в глазах опытных психиатров и следователей, ему задают вопросы, тягостно глупые или озабоченно настороженные. Однажды его всерьез скрадывают два лесоохранника и милиционер с наганом.

— Чем занимаетесь, гражданин?

— Документы — документы!

— Ково делаешь тут?

— Вот... ловлю... Собственно... что вам... нужно?

— А разрешение как?

— Какое, простите, разрешение??

— Как какое? Ну, на эту твою... вашу охоту... — уже помягче, но все-таки достаточно жестко.

— Но я же — бабочек!

— Вот мы и говорим — ба-бо-чек... Ну-ка, покажите, что у вас там в банке...

— Пожалуйста...

Долгое рассматривание. Взгляды то на вас, то на банку непонимающе трудные, недоверчиво щупающие, под конец все более презрительные. Вопросы. Документы. (К счастью, я их всегда ношу с собой). И, наконец, кратко:

— Для музея, что ли?

— Себе... Коллекцию собираю.

— Хм... Чудно... Хм... Делать, видно, вам нечего... Ну, извините, бывает, конечно...

Это в смысле: «Бывают, конечно, такие болваны, что с них возьмешь. Дурачок не дурачок, а около того»... И уходят, наконец, слава тебе, господи, и улыбаясь, и оглядываясь еще все вроде бы с неуспокоившейся тревогой. Совсем, как в той китайской пословице: «Когда мужской монастырь напротив женского монастыря — даже если ничего не происходит, все-таки что-то есть.»

Я не очень обижался, в конце концов больше было смешно, я чувствовал, что так оно и должно быть, в белую ворону всегда летят камни. Не знал я, что и художнику-академику Пластову, сидевшему с этюдником за околицей, старик односельчанин долго глядел из-за спины на движение

кисти, покачивал головой как бы в понимании и в одобрении, а под конец изрек со вздохом, сурово:

— Не-че-го де-ла-ть...

Нечего делать! Нечего делать... Всегда так расценивалось недоступное, непонятное, непостижимое, над чем бьются и бьются. Нечего делать... Бродит по городу некто, ищет единственное лицо. Нечего делать... Томится в поиске невозможного... Нечего делать... Лежит на диване, одержимый, отвернувшись от мира. Нечего делать... Корпит в библиотеках подвижник, просиживает последние штаны...

Несчастные? Гонимые? Осмеянные?

Ошибаетесь!

О, сладкие скитания по опушкам, полянам и порубьям! Глинистые обрывы речек, где цветут сухие былинки и бегают медные жучки... О, милые мне заросли малины и кипрея! О, пустоши с золотым веселым дроком — он пахнет нежным жидким медом, весенним ветром и вечностью... О, пустоши, нецененные, заброшенные, непонятные никем, живущие сами по себе, как может жить только Земля. Здесь лежал я, уткнувшись в траву, в ее прохладную жестко-мягкую щекощущую лоб и щеки суть и, подобно Антею, набирался силы от матери-земли... О, речные плесы-пески, прохладно-коричневая глубина с круглыми листьями кувшинок, тени мальков едва видной стремительной стайкой, стрелолист и осока у берега бочажка, наивно-мудрого, как голубой глаз, — тут сидел я в созерцании тихо идущей жизни... О, счастливые находки под корой пней, на поваленных стволах, в цветах и репьях, в болотных травах и водах...

Жуки и бабочки открыли мне мир рациональной и бессмысленной как будто красоты, соприкасающейся и восходящей к какой-то высшей тайне. Редкий жук-слоник, найденный на поваленной березе, в точности воспроизводил узор бересты на своих надкрыльях, казался весь берестяным, но почему он так удивительно похож на вымерших, отринутых временем слонов? Зачем крылья бабочки — ивовой переливницы могут быть то кофейно-темными, то покрытыми голубым электрическим огнем? Случайность ли, что многие лесные бабочки названы именами древних богинь, нимф и волшебниц: Цирцея, Ниобея, Селена, Пандора, Феба, Гермiona, Дриада... Бабочка — д р и а д а! Сей вопрос, возможно, и не мучил меня сильно, однако он всегда содержался-присутствовал, если я ловил, скажем, редкого в наших краях парусника и понимал, что его большие соломенно-желтые с черным крылья в тон раскидистому желтому дроку... Но — хвостики на крыльях парусника, но красно-голубые, обведенные синим, пятна на тех же крыльях уж ни к чему не привязывались, кроме Фата Морганы, творений Метерлинка, и ни к чему не звали — так просто сидеть зачарованно где-то совсем

одному на дурманно и чисто благоухающей вырубке, фиолетовой от луговой герани, и растворяется в дыхании ветра, в птичьих голосах, запахе травы и синеве небес,— чувствовать с тоскливой озаренностью себя вечным в краткосрочной ступени возвышенного бытия.

Окраски бабочек, скульптура жуков исходили неотделенно от этих опушек, берез, кукушкиных слезок, орхидей-любок и венериных башмачков, осеннего тенетника, журавлиных криков, багряных осинок, песен зябликов, шелка и рокота майских соловьев, свиного пера, осенних зорь, тихих закатов, грез о дальних землях и мало ли еще такого, о чем только тихо и сокровенно полуугадывается душа.

Вот почему я не скорблю, что эти увлечения сгорели без остатка. Зола их удобрила более нужную душевную почву, на которой многое может взойти. А если уж пользоваться снова модным термином космонавтики,— энтомология перевела меня на новую ступень, иную и высшую орбиту полета...

В вопрос: ЗАЧЕМ?— входит мечта о совершенстве, стремление к красоте. Оно так же плохо объяснимо, как крыло парусника. Стремление к совершенству и красоте не отпускает человека, пусть он даже кладбищенский нищий, пропойца, спящий на полу вокзального сортира. Мечта заставляет лгать возвышенные истории падения, оправдываться, искать правду там, где ее уже не найти, заставляет надеяться распятому на кресте старости, в застенке отвержения, одиночества и болезни. Она заставляет что-то искать даже пресыщенного лаврами, но это не типичный случай... Неандерталец шлифует копье... Первобытная Ева рисует звезды-узоры на ягодицах, глядясь в воды ручья. А деревенская девочка и ныне творит веночек из одуванчиков, с голубой радостью примеряет его на ржаную, русую, как поля, голловку.

Вот так было!

У магазина по доскам сгружали тяжелые ящики с пианино. Тут же их расколачивали, а потом, взявшись по-восьмеро, нацепив мешочные лямки, тащили, вкатывали инструменты в магазин. Грузчики были в общем-то одинаковые, какие обычно работают при магазинах и мебельных складах: ребята-калымщики с постоянным винным душком. И все-таки выделялся меж них один, также нетвердый на ногах, так же одетый

грязно и дурно, однако было в нем что-то неуловимо непохожее, и я стал приглядываться, пытаться понять какую-то его тихую глубину, жизнь в себе.

Грузчики кое-как столкали пианино в кучу и ушли, а этот все стоял возле новых роскошно облитых лаком инструментов, он, казалось, не решался уйти, что-то соображал. Вот вздрогнул, было заметно, как прыгнули желто-черные пальцы на полированной крышке. Человек открыл крышку, и пианино радостно улыбнулось ему. Он медленно склонился, взял неверный глухой аккорд. Я ожидал пьяного бреньканья, в лучшем случае «собачьего» вальса, но человек, забыв обо всем, видимо, перемогая хмель, справился и заиграл уверенно. Странно звучал полонез Огинского в этом культмассовом магазине среди эмалевых кубков, шахматных досок и фигур, каких-то вымпелов, лыжных палок, велосипедов со свернутыми на одну сторону рулями и неезженных новеньких мотоциклов. Играл опущенный пьяный человек в замызганной зековской ушанке, в солдатском старом бушлате. Нет, не виртуозно, где там, со сбивами и переходами, играл так, как идет человек под хмельком, и все-таки это была вполне профессиональная игра музыканта, некогда хорошо обученного, может быть, и воспитанного в музыкальной семье— именно музыканта. Кончив полонез, он взялся за Бетховена, что-то из «Лунной сонаты» забрезжило под нетвердой рукой, и тут же он устыдился, захлопнул крышку, убегая от себя, зашаркал прочь. Он именно убежал, стыдливо шаркая валенками, напитанными грязной весенней водой.

И никогда не позабуду сценку, что поразила меня тоже в магазине, на этот раз писчебумажном.

Двое, мужчина и женщина, по-библейски вошли, держась за руки. Держались друг за друга потому, что были веселы, благоухали хмелем, вообще, чувствовалось, находились в этом постоянномарьяжном состоянии. Мужичок в фуражке лесного ведомства— скорей всего, пожарный сторож,— его подруга, пожалуй, из тех, встречающихся еще, к сожалению, по вокзалам и базарам, в компаниях таких же торговек известкой, пихтой, вениками, еще непонятно чем. Облик подруги объездчика состоял в основном из синяков разного цвета и давности.

— Зачем?— спросил я себя и не успел подумать, как женщина, громко вскрикнув, как от большой радости, поволокла мужа к прилавку с кипами плотной цветной бумаги. Такую бумагу любят портить первоклашки на уроках труда, а учителя обертывают журналы.

— Деньги! Где у тебя деньги-то? Давай, скорей,— заторопила подружка, дергая улычиво медлительного, счастливо мигающего мужика за рукав.— Ох, хороша... Ц-ц... Какая гумага,

в умилении повторяла она, оглаживая кипы и не решаясь отпустить руку.

— Да чо ты там?! С деньгам-то! Уснул, чоль?

Мужичок в улыбочивом трансе все шарил под пиджаком по гимнастерке: не то не мог расстегнуть карман, не то не попадал.

— Тьфу ты, копуша,— последовало четырехкратное послесловие, и женщина сама обшарила карманы, нашла деньги, оживленно приговаривая:

— Смотри-ко, какая гумага! Счас это... Возьмем... Три листа. Так, значит... На стол красну возьмем, на камот — синюю... А на тунбочку — вот эту, зеленую...

«А на тунбочку — зеленую», — повторил я про себя и подумал: «Что это? Умение радоваться? Счастливая непосредственность? Пьяная дурость? Неразвитость чувств? Духовная пустота? Как это можно и надо понимать? Или никак понимать не надо? Покупают же девочки из рабочих общежитий целующихся голубков, кошек из фольги, тошнотворно красивых молодых людей, лобзающихся с такими же возлюбленными. Находят же спрос шкатулки из открыток, коврики с лебедями... И это тот же случай, может быть, в самом худшем виде».

Ушли супруги совершенно счастливые, обнимая друг друга, унося скатанную трубкой недорогую попку.

Не решился бы делать сей факт достоянием литературы, если б не встретил пьющую чету снова, мало не через десять лет. Встретил их уже в электричке и к собственному изумлению без труда узнал. Слово бы не постарели. Бывает такое в жизни. Вот, к примеру, учительница, которая меня обучала, казалась мне очень пожилой женщиной; мне было пятнадцать — ей, наверное, двадцать пять, теперь встречаю ее — мне за сорок, ей — за пятьдесят, и удивляюсь, ну, как это можно так сохраниться? А в самом деле секрет прост: и я, и она неуклонно приближаемся к тому возрасту, когда не все ли равно уж — семьдесят или девяносто...

Были мои невольные знакомые в том же состоянии, шевелились медленно, а мужчина приобрел еще огромный безобразный шрам на правом виске и выше, словно бы кто-то от души хотел стегануть его обухом, да промахнулся, задел скользом. Лицо женщины еще более огунело и теперь уже никакой синяк на нем не был бы заметен, потому что по цвету сходило за каслинское литье.

Компания довольно громко шумела, порывалась петь, излучала длинные винные волны, люди в вагоне постепенно отсаживались от них подальше, и вскоре пьяницы остались среди вагона как на островке. Я сказал «компания», потому что с четой супругов был некто третий, тюремного обличья молодой мужчина, его они звали то Володей, то Валерой. Володя-Валера был,

видимо, из недавних друзей и ехал в гости или переночевать. Известно, что люди, подобные описанным, легко знакомятся, в пять минут становятся друзьями и так называемыми «корешами» — ненавистное мне слово, — скверно пахнет от него табаком, водкой, матерщиной и какой-то еще обязательно псевдоматросской удалью. И опять скажу: не стоило бы тревожить всю честную компанию, если б не одно примечательное явление... Женщина держала в худых коленях и нетвердыми руками горшок с цветком. И цветок этот — глоксиния — невинно смотрел большими белыми с синим бархатными колокольцами. Он казался несчастным и напуганным.

Временами женщина угрожающе кренилась с лавки. Тогда супруг на нее кричал, а Володя-Валера бросался подстраховывать горшок с невиданной заботливостью. Он даже вообще хотел принять цветок, держать сам, но женщина наотмашь брякнула его по лбу, и он отступился. Все началось сначала...

В конце концов горшок все-таки выскользнул у нее из рук, с глухим стуком раскололся на полу вагона. Раздались дикие крики, вой, мат. И видавшие виды пригородные женщины морщились, а мужчины в вагоне принимали вид суровой готовности, не ввязываясь, однако, в семейное дело. Наконец шум поутих. Валера-Володя полез собирать черепки. Мужичок нетвердо закурил. А женщина... Она привалилась головой на спинку скамьи и вдруг зарыдала, зашлась в три ручья, и, вслушиваясь в ее причитания, в это пьяное горе, я опять увидел, как в потерянном, потерявшем себя без остатка существе еще метался и горевал человек, искал в себе женское и человеческое, и оно проступало сквозь плач, чудилось в согнувшейся спине.

Мне было трудно наблюдать все это. Не могу смотреть, как плачут женщины и дети.

Жизнь цветка, по-видимому, тоже стремившегося к совершенству — иначе, зачем же он так цвел, возводил эти бархатные волшебные трубы с белыми звездочками внутри — побудила вспомнить, что и таинство растений не обошло моего детского круга познания жизни. На пустырях, свалках и огородах, где неслышно проходило мое детство, росло бесчисленное множество растений, трав и цветов, которые я или считал за нечто родное, свойское — а это в первую очередь были лебеда, полынь, репы, крапива, мать-и-мачеха, — или они поражали меня своим видом,

запахом цветения, чем-то еще непонятным, едва угадываемым тайным предназначением.

Бело-розовые и сиреневые крепкие цветы тысячелистника с перистыми зелеными ответвлениями напоминали об аптечных коробах, череда соединялась с лягушками, синий с желтым паслен походил на цветущую картошку, шиповник был из царства грез, темная с зазубринами с серебряной чернью белена имела отношение к Пушкину, к «рыбаку и рыбке»: «Что ты, баба, белены объелась...», а колючий и тускло зеленый дурман сочетался с обликом одного моего одноклассника, которого и фамилия была Дурманов.

Дурманов — и это я понял сразу — имел прямое отношение к сему растению. Хорошо помню, как однажды этого Дурманова, будто на каторгу, толкая в спину, вели в школу мать и отец и буквально втолкнули в наш класс, потом отец ушел, а мать осталась караулить сына в коридоре. Светло-оранжевый, стриженный «наглядко», весь светившийся оранжевой щетиной по яйцевидной голове, Дурманов ни на кого не был похож, даже белыми сголуба, как снятое молоко, бешеными глазами. Учить он ничего не учил, не отвечал ни на один вопрос, а только сидел в странном прибитом оцепенении, как сидят только что пойманные птицы и звери, глядел в окно. Задетый, бешено оборачивался и бил кого попало, чем попало с нечленораздельным воем. Едва родители переставали его доставлять и сторожить, он мгновенно исчезал, не появлялся неделю и месяц, пока его где-то не находили и снова вталкивали в класс. В хоккее есть такой термин «вбрасыванье»... Дурманов все-таки в конце концов сбежал, больше в школе не появился. Говорили — попал в колонию.

И цветок дурман был на особицу, по-особому колюч, дик и редок, и еще сочетался тоже с оранжевым одноглазым котом, который бездомно жил в нашей слободке, неизвестно, кому принадлежал. Оранжевый кот таскал цыплят, опрокидывал кринки в погребах, ловил голубей, что за кошками вообще не водится, добывал воробьев из-за наличников, хватал даже ласточек, забираясь под самые коньки, насмерть битый, валяющийся на дороге, он все-таки оживал и опять его проклинали, ловили, сторожили, стреляли мелкой дробью.

...А Дурманова я все-таки встретил однажды у вокзала. Шел рыжий, рослый детина, руки за спиной, знакомо-бешено косил глазом, следом два молчаливых милиционера.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ОБСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Толпы ссыльных шли и шли к столице каторжного края — Тобольску. Отсюда их отправляли дальше — по всей Сибири...

В конце мая 1745 г. из Тобольска в Енисейск отбыли два дощаника со ссыльными. Дождь, холод, побои конвойных, ломоть хлеба в день — все это переполнило чашу терпения несчастных.

Неподалеку от Сургута подул сильный ветер. Лодки прибило к берегу. Капитан Хрушков, который возглавлял конвой, приказал стражникам выгнать пятьдесят невольников на берег, чтобы они тащили лодки бечевой. Этим и воспользовались колодники. Они напали на конвой, разоружили его и, как потом сообщалось в донесении, «всех солдат и казаков, бив смертельно, без рубашек побросали в нос дощаника, и его, капитана, без портков бросили ж в дощаник и связанного били всяким оружием смертельно».

После этого каторжные с оружием и припасами направились обратно в сторону Сургута. На следующий день они повстречали дощаник с купцами, возвращавшимися после удачного торга. Купцы везли дорогие сукна, богатую одежду. Колодники открыли по ним стрельбу из ружей и луков, а затем начали бить купцов «шпагами и ефесами смертью». Переодевшись в дорогие платья и захватив весь товар, деньги и оружие, каторжники поплыли вниз по реке.

Страх охватил сургутских купцов. Они боялись появления в городе обской вольницы. Сургутский воевода с мольбой просил губернатора прислать ему пушки, припасы и служилых людей.

Через несколько дней из Тобольска была отправлена большая воинская команда во главе с секунд-майором Томиловым. Но долго еще шли в Тобольск тревожные вести о разгулявшейся вольнице, державшей в трепете воеводских чиновников и купцов...

И. ВЕРШИНИН

● Часовые главного поста

● Жива память о коммуне

Кто он, чапаевский разведчик?

С Испанией в сердце

● Четвертый носорог

Не всем ребятам выпадает такая честь — встретиться и сфотографироваться с часовыми, стоящими у Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Но у следопытов харьковской 59-й школы есть это особое право.

Когда-то читали ребята книгу А. Абрамова «Часовые поста № 1» и задумались: сколько же поколений советских курсантов несли службу на этой священной вахте!.. Решили попытаться — разыскать некоторых из них, а если удастся — то и самых первых. На письма, разосланные харьковскими ребятами, откликнулись. Пенсионер из Фрунзе Арсений Владимирович Кашкин написал, что охранял в начале двадцатых годов кабинет Ленина в Кремле, отсюда и пошло название «пост № 1». В это же время нес службу Г. П. Коблов, сейчас генерал-майор в отставке. Написали в школу Герой Советского Союза А. И. Родимцев, И. А. Кузовков, Л. Д. Чурилов... Все они были часовыми поста № 1.

Харьковские следопыты оформили письма и воспоминания в альбом. Он передан в Музей революции.

Весной 1918 года со станции Обухово отправился поезд — 28 вагонов, двести семей питерских рабочих следовали на Алтай создавать первую сельскохозяйственную коммуну. Незадолго до этого делегаты от коммуны были у Ленина. Кроме горячего напутствия, они получили 200 бричек с упряжью, 200 военных палаток, посуду, аптеку, сто винтовок, три тысячи патронов.

Коммуна обосновалась на берегу реки Бухтармы в Семипалатинской области. Лошадей было мало — впрягались человек по 15—20 в плуг и старались только как можно больше вспахать...

Колчаковцы разгромили коммуну, 28 коммунистов были расстреляны. Но стоят сегодня на ее месте совхозы, и память о питерских большевиках, поехавших землеробами на Алтай, жива в народе.

В ленинградской школе № 337 создан зал коммунаров-обуховцев. Ребята писали на Алтай, и старожилы прислали им свои воспоминания; искали адреса коммунаров на заводе «Большевик» и в архиве Музея революции; составили карту продвижения обуховцев из Петрограда в Сибирь, собрали документы, фотографии, восстановили множество фактов. Ребята и сами

ездили на место образования Первой коммуны, жили там трудовым лагерем.

Траншею недавно вырыл экскаватор. А шли вдоль нее мальчишки, братья Салават и Мурат Музаметовы. Что-то заметили на дне — оказалось, ржавый штык и осколки снаряда. А еще мальчишки обнаружили железную трубочку с вложенным в нее листком бумаги. На листке чертёж: река Белая, с правого берега стрела нарисована — «беляки», с левого тоже стрела — «армия Чапаева». И выцветшие строки: «Тов. Чапаев, отряд белополяков переправляется на плотках, смотрите знаки. Разведотряд № 3».

Краеведы, внимательно ознакомившись с донесением чапаевского разведчика, отнесли его ко времени боев Чапаева с Колчаком летом 1919 года и освобождения Красной Армией Уфы. Видимо, разведчик составил донесение, будучи в колчаковском тылу. Имя его и судьба неизвестны.

Донесение Чапаеву передано в краеведческий музей в Уфе.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Дымный сталинградский берег. Земля, изрытая окопами и воронками. Проволочные заграждения. Взрываются бомбы и снаряды... Это панорама боя, в котором погиб Рубен Ибаррури. А рядом — карта Испании, где сражались русские парни. Так они и помещены рядом в музее ижевской школы № 69. Музей называется «Побратимы».

Вот что рассказывают о своем музее ребята — его создатели и экскурсоводы.

Ирина Бобылева: — В Испании сражалось 2085 советских интернационалистов, пятьдесят девять из них удостоены звания Героя Советского Союза. Мы разыскали пока 130 человек.

Олег Загуменнов: — Запомнилось открытие нашего музея 1 марта 1974 года. На торжественной линейке зачитали приветственную телеграмму Председателя Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. Мы слушали воспоминания участников испанских событий Н. И. Полякова из Воткинска и нашего, ижевского ветерана, кавалера семи боевых орденов Ф. П. Дмитриева.

Оля Стерхова: — Наши ребята хорошо знают биографии героев и историю Испанской республики. Со многими встречались, ездили в Москву, Ленинград, Киев, Феодосию, Курск, Брест, Волгоград... В Минске, например, встретились с испанцами, которые подростками были эвакуированы в 1936 году в Советский Союз и позднее воевали на фронтах Великой Отечественной

войны. Их имена — Ариас Антонио Арлас и Серухера Эстава Хосе. Работают на одном из минских заводов.

Светлана Подзырей (директор музея): — Самые яркие и незабываемые встречи — с Долорес Ибаррури. Четыре раза мы ездили к Пассионарии, в 1974 году были на ее дне рождения — преподнесли корзину красных гвоздик и туюсок с нашим удмуртским медом. Долорес Ибаррури познакомила нас с бывшим летчиком К. Т. Деменчуком — в Совете ветеранов он руководит испанской секцией и помог нам установить связь со многими участниками боев. Меня потрясла трагедия итальянского летчика Прима Джибели. Когда его самолет подбили и Джибели попал в плен к франкистам, он вытерпел адские пытки... Палачи четвертовали патриота и в ящике подбросили в расположение республиканцев. Вместе с останками Прима Джибели враги положили плакат: «Так будет с каждым, кто посмеет идти против генерала Франко и его стотысячной армии». Против республиканцев и всех волонтеров в Испании воевала не только эта армия. Гитлер послал туда стотысячный фашистский корпус, Муссолини направил войско чернорубашечников в 150 тысяч. Но такие герои, как Прима Джибели, помнили слова Пассионарии: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Краеведы Усть-Таттинской средней школы были в экспедиции на берегах реки Алдан, на Мамонтовой горе, известной всему свету своими обнажениями вечной мерзлоты. В одной из горных впадин участники экспедиции откопали череп, ребра и рог гигантского животного. О находке ребята сообщили в Якутский институт геологии, который выслал на раскопки свою экспедицию. Кости, извлеченные из толщи вечной мерзлоты, оказались скелетом молодого шерстистого носорога.

Это — четвертый ископаемый носорог в мире. Два из них найдены в Якутии.

● В селе Гарцево Брянской области стоит памятник. Среди двухсот имен — семнадцать фамилий одинаковых: Волоховы. Близкие и дальние родственники, и ставшие уже просто однофамильцами — они все имели в старину общий корень. Столько защитников Родине дал один крестьянский род. Следопыты сельской школы собрали материалы о погибших. За отсутствием музея, они хранятся пока в папках.

● День памяти национального героя итальянского Сопротивления Героя Советского Союза Федора Полетаева отмечается в ленинградской школе-интернате № 1. Школа является коллективным членом общества «СССР — Италия».

● Печоры, Старый Изборск, Паниковичи... По этому маршруту прошли следопыты псковской школы № 19. Они пишут историю 376-й дивизии, которая формировалась в Кемерово и до освобождения Пскова называлась «Кузбасской».

● Новый стенд появился в школе № 6 Биробиджана. Он рассказывает о первенце гидроэнергетики на Дальнем Востоке — Зейской ГЭС. На Зею выезжали следопыты школьной группы «Поиск». Все, что уместилось в блокноты и на магнитную ленту, все, что удалось заснять на черно-белую пленку и слайды, представлено в новой экспозиции музея.

● Любительская киностудия Буйнакского педагогического училища [Махачкала] сняла фильм о сыне дагестанского народа Герое Советского Союза Саадуле Мусаеве, повторившем подвиг Матросова. В музее училища собран материал о нем. В училище десять лет существует поисковый клуб «Красная гвоздика».

● «Не бросать якоря в тихой гавани, плыть вперед навстречу бурям!» — таков девиз следопытского отряда московской школы № 176. Отряд собирает материалы о герое Северного флота юнге Саше Ковалеве, погибшем на боевом посту в дни войны.

ТОТ САМЫЙ ОСЬКИН

Лев
ВЕЛЬЯМИНОВ

Рисунок
Н. Мооса

...Москва. Оранжево-белое с зеленой крышей нарядное здание Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Часы на башенке показывают ровно девять.

В учебных корпусах и на фермах академии, разбросанных вдоль лиственничной аллеи, идут занятия. Здесь, в виду белых громад городских кварталов, непривычно слышать рокот трактора, мычание коров, звонкий крик пегуха.

С пожилым преподавателем, коренастым, по-крестьянски неторопливым, мы договорились побеседовать после «пары» по устройству комбайна. А в перерыве я провел небольшой опрос среди студентов: знают ли они, кто ведет у них занятие.

— Как — кто? — удивилась одна девушка. — Александр Иванович Оськин, доцент, кандидат наук.

И посмотрела на меня в некоторой растерянности:

— А вы давно школу закончили? — спрашиваю.

— В прошлом году.

— Какие оценки у вас были по истории?

— Пятерки...

— В таком случае, вам, наверное, легко будет вспомнить имена знаменитых механизаторов 30-х годов.

— Ангелина, Борин, Оськин... — начала бойко перечислять студентка и запнулась: — Это тот самый Оськин?...

— Да, — говорю и не без торжества. — Тот самый Александр Иванович Оськин, знаменитый оренбургский комбайнер!

Шло районное совещание передовиков-комбайнеров. Секретарь райкома партии только что закончил доклад, свернул бумаги и сошел с трибуны.

Начались выступления. Поднимались на сцену крепкие, прокаленные степным солнцем парни, знакомые залу по фотографиям в газетах, откашливались и коротко докладывали, кто сколько собирает сжать за сезон. Многие вместо нормы 160 гектаров называли цифру 200. Им, конечно, аплодировали.

Потом слово предоставили Оськину Александру из совхоза «Магнитострой». Эта фамилия ничего собравшимся не говорила, и репортер областной газеты, чтобы времени не терять, стал набрасывать в блокноте план статьи, вполуха прислушиваясь к неторопливым словам паренька.

И тут он услышал цифру 400. Написал еще несколько строк, пока до него дошло: четыреста?.. Сжать четыреста гектаров хлебов вместо ста шестидесяти? В два с половиной раза больше нормы?

В зале зашумели. Кто-то крикнул:

— Ты, парень, сколько лет работаешь на комбайне?

Оськин ответил:

— Первый год буду.

В зале засмеялись. Секретарь райкома постучал карандашом по графину:

— Товарищи, попрошу соблюдать тишину,— и Оськину: — Товарищ Оськин, у нас собрание ответственное, а слово, сам знаешь, не воробей. Четыреста гектаров — это ты лишку загнул, а?

Тогда Оськин достал из кармана мятую тетрадку и так же спокойно и основательно, как все, что он делал, стал рассказывать, на чем думает сэкономить время. В зале стало необычно тихо. Репортер жирно обвел в блокноте цифру 400. Подчеркнул. Рядом написал фамилию: Оськин. Поставил вопросительный знак.

Собрание приняло решение: ориентировать комбайнеров на двести гектаров. А насчет четырехсот... Что же, пожалуйста, никому не заказано!

После собрания, отойдя к окну, секретарь райкома и этот паренек, передавая друг другу карандаш, делали в тетрадке расчеты и спорили. Наконец секретарь райкома сдался:

— Убедил, Оськин, убедил! Держи курс на четыреста! Сумеешь — за тобой многие пойдут.

В газетном отчете с совещания обязательство Оськина было упомянуто все же очень скромно. Сказать — одно, а вот как он уберет эти четыреста гектаров?

— Ну, и как, Александр Иванович, убрали?

Закончились занятия, мы сидели в деканате под большим снопом пшеницы (видно, подбирали любовно, со знанием дела, — красивый, мощный получился, как из бронзы). Здесь было тихо, никто не мешал, и Оськин с удовольствием вспоминал о молодости.

— Убрали, но не четыреста...

Заметил мое разочарование, насладился им и закончил: — Семьсот шестнадцать гектаров убрал в тот год наш агрегат! — Засмеялся тихонько, вспоминая тогдашнее свое торжество: мальчишка обставил опытных комбайнеров, да еще как! Но, видно, показалось Александру Ивановичу, что я могу понять это как хвастовство, а он хвастовства терпеть не мог, скромнейший был человек.

— Это дело десятое: цифры, рекорды. Что самым главным тогда было? Если по-нынешнему сказать, — то надо было всерьез вводить в сельское хозяйство научную организацию труда...

Рассказ

Александра Ивановича Оськина

Сельский труд — он очень нелегкий. Производство все одно и то же, одно и то же: вспахал — посеял — убрал. Дело привычное. И привычным было «авось да небось». Я до того, как на комбайн сел, работал в совхозе хронометристом, была такая должность. На сеновале, бывало, спишь, первый пегух надрывается, тебе в самое ухо кричит, а вставать неохота. Но надо. Быстро у колодца сполоснешься, кринку молока выпьешь, краюху хлеба за пазуху — и на целый день в поле.

Хожу, записываю, как трактористы да комбайнеры работают, сколько времени на что уходит. Потом подсчитываю. И получается такое, что даже не знаю, верить или нет: на уборке в самую страдную пору комбайны производительно работали всего на двадцать процентов полезного времени!

Интересная картина вырисовывалась. Подойдешь к комбайнеру:

— Что, дядя Михай, опять горячее не подвезли — стоишь?

— Нет, — говорит, — есть горячка. Да водовоз что-то припоздал, авось приедет.

К вечеру опять на ту загонку завернешь:

— А сейчас что, дядя Михай?

— А сейчас вон бункер полон, поварихе в подол не насыплю, правда? А где бричка, которая ко мне прикреплена зерно отвозить? Уехала, и нету ее. Но все ж дотемна, авось, еще круга два сделаю, приедет, куда не денется.

Вот вам и весь разговор. В то время комбайнов было мало, с нынешним не сравнить, нагрузка на комбайн была огромная, засеивали мы много. А комбайны стоят, время золотое теряют.

Вот это меня как комсомольца и подтолкнуло. Что я целыми днями по жаре мотаюсь, цифры собираю? Надо самому сесть на комбайн и попробовать — ведь можно давать выработку намного больше! Но для этого мало самому работать в полную силу, надо еще добиваться, чтобы вода, топливо, смазочные материалы вовремя доставлялись и, в особенности, чтоб не стоять в ожидании разгрузки.

И в том, что мой агрегат в первый год дал семьсот шестнадцать гектаров, никаких секретов не было. Партийная организация меня поддерживала, дирекция совхоза. Да и себя, прямо надо сказать, не жалел, работал сам дотемна и других заставлял.

Спервоначала многие не поверили: что-то, думают, хитрит Оськин, откуда это так много у него получается? До смешного доходило. Стою я на мостике, тряско, пыльно, жарко. Гляжу, за копной кто-то прячется. Ладно, думаю, сиди. Кончил к вечеру загонку. Чтоб завтра с утра времени даром не терять, подогнали мы с трактористом агрегат на новое поле, где завтра работать. Возвращаемся в село и видим: кто-то наше поле, где работали, шагами перемеривает. Подошли тихонько: дядя Михай!

— Что, — спрашиваю, — секрет хочешь подглядеть, дядя Михай? Так я тебе его давно сказал: работать надо плотно, организованно, ни минуты не терять.

И все равно, вижу, не очень верит. Много тогда было таких «глядельщиков», все врасплох норовили застать. А потом перестали подглядывать, сами стали работать по-новому.

Тот же репортер из областного центра приехал на поле к вечеру. Ему, когда-то усомнившемуся в словах Оськина, был заказан большой очерк — все газеты страны давали материалы о рекордах комбайнера.

Александр Иванович сидел у стога свежей соломы, ужинал. Стрекотанье комбайна слышалось издали: на круг ушел брат Александра Архип.

Оськин пригласил: садитесь, поужинаем вместе. Заодно и поговорим, потом некогда будет. На этот раз гость разобрался в реальной основе фантастических цифр. Но в конце беседы все же не удержался, спросил: правда ли, что дирекция Оськина «на рекорды тянет», а потому запчасти чуть ли не самолетом доставляют. Разумеется, спросил намеком, осторожно. Оськин понял, недобро усмехнулся;

— Кому это не лень языком чесать? Вы поймите: нам запчасти требуются даже реже, чем некоторым другим, потому что мы всегда стараемся предотвратить поломку. Это легче, чем потом ремонтировать какой-то узел или доставать и ставить новый: на непредвиденные ремонты всегда больше времени уходит, себе же дороже.

Из всех новинок неугомонного Оськина ему особенно понравилось то, что он сам уже успел увидеть: по следу комбайна лежали набитые зерном мешки.

— А это мы придумали, чтоб не стоять под выгрузкой, — сказал Александр, с наслаждением отвалившись на охапку соломы и вытянув занемевшие от долгого стояния на мостике ноги. — Зачем нам время зря терять? Мы придумали небольшое приспособление, набрали с собой пустых мешков, нагружаем, завязываем и сбрасываем. А возчики по полю ездят, собирают их на подводы — и на ток. Опоздал возчик — мешки каша не просят, могут маленько и полежать. А мы работаем.

...Был уже поздний вечер. Все ярче светили лампы на приближающемся комбайне, в их свете мелькала летящая полова и ночные бабочки. Грохот становился все громче.

Оськин встал, протянул руку, крикнул:

— Ну, ладно. Вы здесь у нас ночевать будете или в село поедете? Тогда подвода с мешками вас заберет, у нее рейсы до утра, до следующей подводы. Мне пора.

Газетчик, довольный отличным материалом, долго тряс руку Александра, а потом уехал, чтобы успеть в город с большой гвоздевой статьей. Эту статью я и прочел в старой подшивке областной газеты, когда собирался ехать к Оськину в Москву.

Белая клубящаяся мгла — и больше ничего вокруг. Страшный оренбургский буран, когда-то описанный Пушкиным в «Капитанской дочке». Александр остановил трактор, приоткрыл дверцу, и будто как в детстве с размаху залепили снегом в лицо, нечем стало дышать. Александр вывалился в сугроб, мгновенно наметенный у стоящего трактора. Пригибаясь, почти ползком сделал несколько

шагов — и трактора как не бывало. Но из белой мглы вынырнула фигура брата Архипа, который тоже пошел искать дорогу. Не хватает еще, чтобы и милиционер оставил трактор. Хотя кто их сейчас возмет, эти два чемодана — от кого их охранять? И впрямь, закутанный в тулуп милиционер уже подбирался к ним, увязая по пояс. Взались втроем за руки, так легче не заплутать. К тому же, предусмотрительный Оськин привязал к трактору веревку и, держась за ее конец, они пошли. Вскоре Архип крикнул: дорога! Подобрались, тоже потопали валенками: верно, твердо.

В кабине было тепло и уютно. Милиционер с Архипом оббивали шапки и валенки, а Александр привычно положил ладони на рукоятки рычагов. Трактор взревел, дернулся раз, другой и медленно пополз, разворачиваясь вправо. Рванулся. Стоп. Дорога? Дорога. И снова неспешно, с остановками на разведку, пополз вдоль левого берега Урала. Едут в область брата Оськина, милиционер и два чемодана.

Тяжелая дорога, тяжелое время. А совсем недавно было как хорошо. Перед самой войной послали Александра Оськина учиться в Москву, в Тимирязевскую академию. Послали не одного его — многих прославленных комбайнеров, телятниц, свекловодов. Не у всех, конечно, пошло дело: понятно, образование для академии-то было слабенькое, некоторые бросили учебу, поехали домой.

Оськину упорства было не занимать, характер твердый, даром на вид он тихий, скромный деревенский парень. Пошло дело, пошла наука. Преподаватели заметили: из этого выйдут толк.

Но грянула война, и Оськин, закончив только первый курс академии, был отозван домой, в Оренбургскую (тогда Чкаловскую) область. Обком партии направил его, как молодого коммуниста, председателем Мустаевского райисполкома, в родные его места.

Хлопотная должность, покоя не было ни днем, ни ночью. С фронта плохие шли вести: оставленные врагу города, горящие хлебные поля...

В первую военную жатву председатель Мустаевского райисполкома встал за штурвал комбайна. Ему говорили: не твое там место, ты должен руководить районом. Он и руководил. И работал на комбайне. Дал невиданный доселе результат: до войны рекорд был шесть тысяч гектаров за сезон, а в эту осень агрегат Оськина убрал семь с половиной тысяч.

...Снова трактор увяз, сбившись в кювет, и снова, в который уже раз, они выпрыгнули в мороз, в пургу и, как слепые, взявшись за руки и за конец веревки, нащупывали дорогу. Казалось, что и трактор выбился из сил, двигатель захлебывался, взывал на верхних нотах. Но километр за километром оставляли позади себя неторопливые стальные гусеницы...

Александр Оськин просился на фронт. Сказали как отрезали: фронт надо кормить, без тыла он воевать не в состоянии. Не пустили, и все тут. А он все же чувствовал себя вроде бы в чем-то виноватым: дети без отцов, женщины день и ночь работают, тянут мужскую работу. Что он еще может дать фронту, чем помочь?

И вот зимой, когда произвели окончательный расчет за уборку, Александр Иванович и Архип Иванович Ось-

кины решили все заработанные деньги и весь заработанный хлеб сдать на нужды обороны. Хотели сделать это у себя в районе, но из области позвонили: сдадите в области, о вашем патриотическом поступке должны узнать все. Дали им в сопровождающие милиционера, и вот уже вторые сутки они везут в двух чемоданах свои двести тысяч рублей на постройку танковой колонны имени Чкалова.

В таком же плотном злом буряне трактор полз и по улицам областного города, пока не остановился у подъезда банка. И в тот же день, не слушая советов переждать бурянь, они двинулись в обратный путь, где их ждали дела.

...Сноп горел уже даже не бронзой, а чистым золотом в лучах полуденного солнца — хоть на плакат его. И держать его должен на том плакате добрый молодец в комбинезоне, с пшеничным чубом и белозубой улыбкой.

Только совсем не похож был Александр Иванович Оськин на такого плакатного богатыря. Кто встречал его на московских улицах, принимали, наверно, за тихого аккуратного бухгалтера, за умельца из мастерской по ремонту каких-нибудь сифончиков для газированной воды, а то и просто за пенсионера, из тех, что дни напролет играют на бульварах в шахматы.

А на самом-то деле он из тех, кого в народе зовут уважительным, благодарным словом «кормилец». Обманчива внешность. За этими небогатырскими плечами было несколько десятков тысяч убранных гектаров и сотни тысяч пудов намолоченного хлеба. Хеопсова пирамида золотого литого зерна! В огромной нашей стране наберётся немного механизаторов, которые столько сделали.

Работал на комбайне доцент Оськин почти каждую оборочную страду, и так — до конца дней своих...

Многие помнят, как он, смеясь, бывало рассказывал: — Я в отпуску на курорте или там на море ни разу так и не был. Весной соберу студентов, подучу — и летом закатываюсь с ними на уборку, куда-нибудь на целину. И мне приятно старое вспомнить, и для них самая что ни на есть наглядная учеба...

...Замечательный был человек Александр Иванович Оськин. Что характер, что воля, что трудолюбие — все это крупно, сильно, широко. Начинать когда-то с ликбеза — стал ученым.

И не только в одних личных его качествах дело. Только Советская власть могла дать оренбургскому парнишке такую завидную судьбу, и служил ей Оськин всю жизнь честно, всем сердцем.

ОТЦУ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Исай
КАПЛУН

● «Революционная молодежь! В вас горит яркая искра революции! У вас свободный дух, великая натура, пылкое сердце. Отдайте свои молодые жизни за дело революции!..» — с таким призывом в тревожном 1920 году Тобольский военно-революционный комитет и городской комитет РКП(б) обратились к трудящейся молодежи. Красной Армии нужны были добровольцы, чтобы отразить натиск интервентов.

Тобольский уком комсомола превратился в мобилизационный пункт. У столов стояли длинные очереди. Заявления, написанные разными чернилами и даже карандашом, ложились одно за другим: «Желая служить добровольцем в рядах Красной Армии, прошу Вас, товарищ комиссар, направить меня на фронт». По приказу добровольцами зачисляли только с шестнадцати лет, но у столов укома толпились и подростки. Те, кто получал отказ, тут же садились писать в Москву — «за помощью».

...Два небольших, пожелтевших от времени листка исписаны неровным детским почерком. Авторы их, учащиеся тобольских фармацевтических курсов Владимир Аристов и Михаил Погрузов, были в числе тех, кто получал отказ. Тогда они отправили в Совет Народных Комиссаров такое письмо:

«Добрый день, товарищ Ленин. Мы Вам пишем письмо от двух курсантов, которые хотели бы записаться добровольцами в ряды Красной Армии и идти на фронт бить Врангеля и хотели бы защищать Советскую республику. Товарищ Ленин, мы просим Вас, как отца Советской республики, прислать бы нам бумажку в Тобольский комиссариат, чтобы нас зачислили в ряды Красной Армии. Потому что мы родились в 1904 году, и нас не принимают на фронт, нам не хватает шесть месяцев до 16 лет. Так, товарищ Ленин, просим Вас не отказать нашей просьбе. Затем до свидания. Наш адрес: город Тобольск, отдел здравоохранения, фармацевтические курсы. Затем подписуемся: Владимир А. Аристов, Михаил А. Погрузов».

Письмо было получено управляющим делами Совнаркомом и передано во Всероссийский главный штаб, о чем говорят штампы этих учреждений. Мобилизационное управление Всеросглавштаба выслало его обратно в Тобольск вместе с «Временными Правилами о приеме добровольцев в Красную Армию», дав указание Тобольскому военкомату еще раз ознакомить молодежь с правилами. Мальчиков на фронт все же не пустили.

Неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба подростков. Скорее всего, спустя полгода после того, как они писали письмо Ленину, подростки уже «на законных основаниях» ушли на фронт.

планами с холмов и горушек, используя в некоторых случаях для запуска прашу из резиновых канатов. Или вот летающая техника — гибрид велосипеда с самолетом. Изобретатель на нем пролетел около шести километров. Высота полета — полкилометра. А другой изобретатель крылатого велосипеда на сверхмалой высоте (метр!) пролетел шестьсот метров. Кому неизвестно чувство: мчишься на «велике» быстрее и быстрее, взлететь бы! Изобретателю мало было этого чувства окрыленности, он решил в самом деле полететь на аэровелосипеде и полетел!

Чувство окрыленности, наверное, тоже побудило изобретателей, которые сделали взлетающий автомобиль с выдвигаемыми крыльями. Ныне придуман виропланер — летательный аппарат, что легче в два раза самого пилота. За спиной летчика крутится пропеллер, как у Карлсона, который живет на крыше. Еще без конца придумываются птицекрылые устройства.

Сколько смелых и находчивых икаров еще прыгнет в небо, приладив к спине рукотворные крылья? Сколько еще идей остроумных и деятельных современников мы встретим в прессе? А теперь — обещанные сказы о находчивости наших предков...

ИГРАЮЧИ!

При сооружении памятника Петру I («Медный всадник». — Ю. Л.) от подножного камня откалывается громадный кусок, который надо было срочно убрать с площади, но недомывали, как это сделать.

Тут некий крестьянин беретса прибрать камень за ничтожную плату. Ему позволяют исполнить замысел. Тогда находчивый человек вырывает поблизости от монумента яму, сваливает в нее камень и засыпает его. А лишнюю землю увозит в тачке. Только-то и заботы!

КАТИТСЯ КОЛОКОЛ!

В городе Валдае Новгородской губернии отливают колокол в две тысячи пудов для петербургского Троицкого монастыря. По расчетам инженеров требовалось восемьдесят лошадей, чтобы везти сей колокол в столицу. Это загородило бы весь тракт. И стоило бы дорого!

Тут к А. Н. Оленину¹ является валдайский мещанин и объявляет, что он привезет колокол на шести лошадях, а, может, даже и на четверке!

— Каким образом? — спрашивает его Оленин.

— Это секрет! Если скажу, то и всяк колокол привезет, — отвечает посетитель.

— Будь уверен, что я твоего секрета никому не открою.

— Я сделаю, — поясняет мещанин, — в величину колокола четыре обода. В боковых ободах будут оси. Обошью все это досками и покачу колокол так, что не только не испорчу дорогу, а еще укатаю тракт.

Сказано — сделано. Так и прокатили огромный колокол из Валдая в Петербург, и вполне благополучно! Мещанин получил денежное вознаграждение и медаль.

ТРУБА — ДЕЛО...

А это случилось под Петербургом в 1896 году, как писала газета «Новое время».

На заводе понадобилось выкрасить дымогарную трубу. Судят, рядят и

уж совсем было отдают окраску трубы за восемьсот рублей. Но вот в контору приходит некий Софрон Кулик и говорит:

— Ваше высококордие, трубу эту мы выкрасим и за все возьмем сорок рублей...

Начальство поражается, да согласие дает. Что же делает Софрон?

Покупает пять детских воздушных шаров, соединяет их длинной шелковинкой и пускает шары в трубу, держа катушку с шелковыми нитками в руках. Шары поднимаются из трубы в небо на должную высоту. Софрон в шарики из ружья стреляет, и конец шелковой нитки вместе с простреленными шарами падает на землю. Что и требовалось доказать! Софрон привязывает к нитке через трубу бечевку потолще, потом еще толще, пока не доходит дело до веревки такой крепости, чтоб она могла удержать люльку. С нее-то и покрасили, как полагается, трубу. Говорят, начальство подарило Софрону Кулику двадцать рублей на чай.

РЕКА В УПРЯЖКЕ

Лет сорок назад решают очистить реку Угру близ города Юхнова Смоленской губернии от свай, которые остались после моста. Сваи те препятствовали сплаву леса. Их и надо было вытаскать, да они дубовые, в земле сидят глубоко — трудно. Инженеры составили смету расходов на это дело — вышло: двести тысяч рублей. Назначают торги на сдачу работ с подряда, кто, значит, возьмется дешевле все сделать.

Известие о том, что собираются таскать из реки дубовые сваи, скоро разнеслось по деревням. Один крестьянин, крепостной князя Оболенского, услышав о громадной сумме, явился к барину и предложил вытаскать сваи всего за двести рублей.

¹ Президент Академии художеств.

С недоверием слушает князь смышленного крестьянина, но скоро понимает, что тот прав-таки...

— Нужно сделать, — толкует крестьянин, — на сваях зарубки, привязать к сваям наитолстые канаты, а к канатам с другого конца привязать бревна. С наступлением морозов канаты начнет поджимать льдом, отчего, барин, все сваи должны сами выскочить! Если же не выскочат осенью, то весной их, как пить дать, выпрет со льдом.

Умное предложение принимают. И мужик при помощи морозов и полой воды, действительно, без всякого труда вытаскивает сваи.

ОТВАЖНЫЙ КРОВЕЛЬЩИК

Кровельного цеха мастер Петр Телушкин узнает, что предпринимается починка в кресте и в ангеле на колокольном шпице Петропавловского собора в Петербурге, и, сообразив, сколько тысяч рублей и времени должно будет употребить на устройство лесов, является с письменной просьбой, что он все беретса сделать без лесов. Это на высоте-то пятидесяти семи сажен без лесов! За труды свои он ничего не назначает, а просит оплатить лишь материалы, нужные для сих починок. Выгодные его предложения принимаются. Телушкин как бедный мастеровой, не имея золота, закладывает, так сказать, жизнь свою. Вся его надежда на бестрашие, ловкость и большую телесную силу. А будучи среднего роста, он поднимал до тринадцати пудов. Шесть лет сряду перед сим предприятием он искал лучших способов к исполнению дерзновенного своего намерения. А привел его к исполнению следующим образом.

Самым трудным было в этом предприятии взобраться на золотое яблоко, на котором крест с ангелом

укреплен. Телушкин пользуется сильным ветром, как помощником, то есть он так ловко окидывает веревку около креста, что свободный ее конец ветер приносит ему в руки. На этом конце веревки он делает петли, чтобы из них составить себе род лесенки. Взбирается он по этой лесенке на шар и спокойно принимается за работу. Нередко его видят в те дни то поднимающимся на ангела, то сидящим на его крыле и починяющим оное. На третий день воздушных походов Телушкин готовит веревочную лесенку, или трапку, привязывает ее за крест. Этим средством он уже свободно ходит на работу, отстоящую от земли (по имеющимся чертежам Петропавловского собора и его шпица) на пятьдесят семь сажен, а по измерению Телушкина посредством веревки на шестьдесят пять сажен, если считать с крестом. По сей лестнице смельчак влезал на шар в течение шести недель, починял крест, оторванные ветром листы и крыло ангела.

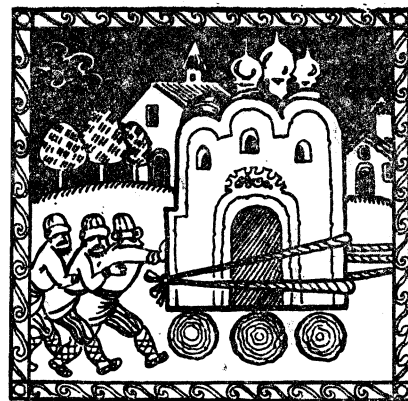

Об этом подвиге кровельщика Телушкина после издается даже книжка. Государь пожелал видеть отважного мастера. Для такого случая у Телушкина не нашлось приличной одежды, почему он и нарядился в чуйку своего товарища. Государь повелел выдать ему пять тысяч рублей и медаль. Телушкин прославился, и в этот же год получил от разных лиц много выгодной работы.

ЕХАЛА ЦЕРКОВЬ

В 1812 году моршанский городничий доносит тамбовскому губернатору о подвиге крепостного крестьянина деревни Кольцовой Рязанского уезда Дмитрия Петрова. В донесении городничего говорится о необыкновенном механическом искусстве Петрова, удивившем весь Моршанск.

Порешили в том городе сдвинуть с места деревянную церковь, чтобы на

этом месте каменную выстроить. Механик, какой-то иностранец, запросил такую большую цену, какой никак нельзя было дать ему. В это время неожиданно является с услугами крепостной механик Дмитрий Петров. За двести пятьдесят рублей беретса сдвинуть церковь с места. Начались приготовления. Под церковь подводят толстые бревна и посредством земляной насыпи слегка ее приподнимают. Потом делают под церковь новый бревенчатый фундамент, вроде пола-тей, а под ними устраивают катки. Церковь опутывают канатами и по углам скрепляют болтами.

И вот моршанцам представилась следующая картина: церковь, наполненная молящимися, оглашаемая пением и колокольным звоном, повинуюсь сотням рабочих рук, движется с места и едет путь в сорок два аршина и только крест наверху слегка колеблется...

Сведений о дальнейшей судьбе самородка-механика Дмитрия Петрова не имеется.

О ЧЕМ ДОНОСИЛ ЖАНДАРМ

**Виктор
ЧЕРНИЛЬЦЕВ**

Секретное донесение помощника начальника Пермского губернского жандармского управления в Верхотурском уезде ротмистра Ральцевича своему шефу начиналось так:

«Простав 4-го стана при отношении от 18 мая за № 1891 препроводил мне 6 экземпляров печатной прокламации под заглавием «Первое мая», найденных в Нижнетуринском заводе обывателем Петром Ивановичем Наумовым. Кроме того, из произведенной негласной разведки видно, что продавец казенной винной лавки Колеветов получил по городской почте в закрытом пакете одну такую же прокламацию.

...Приступил к производству дознания о разбросанных в ночь с 4-го на 5-е мая 1906 года в Нижнетуринском заводе преступных изданий».

И сыскная служба жандармерии начала поиск «крамольников», появившихся в Нижней Туре, в волостном поселке Верхотурского уезда.

Первым был арестован рабочий завода Василий Николаевич Свечников, заподозренный в политических связях с позолотчиками иконостасов И. П. Усковым, Г. И. Кувшинчиковым и Г. А. Трофимовым, ранее арестованными за распространение нелегальной литературы.

«После задержания Ускова,— доносил ротмистр Мазурин,— унтер-офицер жандармерии произвел негласную разведку, коей выяснилось, что Свечников не только был хорошо знаком с Усковым, но и с бывшим с 4-го по 12 июня в Нижнетуринском заводе агитатором, говорившем противуправительственные речи рабочим на тайных сходках на горе Шайтан, ибо во время розысков этого агитатора Свечников помог ему скрыться от полиции».

Вслед за В. Н. Свечниковым в «Николаевку» был заключен крестьянин Нижнетуринской волости (населенный пункт в донесении не указан) Александр Петрович Кузнецов. При обыске у него было изъято много социал-демократической литературы и прокламаций, изданных Екатеринбургским и Пермским комитетами РСДРП, и та же самая первомайская листовка.

Немало большевистских агитаторов упрятали в тюремные казематы

жандармы. Но не успели ищейки опомниться, как в волостном поселке появились новые листовки...

И снова начались аресты, обыски. Снова сырые и темные казематы «Уральского Шлиссельбурга» — так прозвали Николаевскую тюрьму, находящуюся в трех километрах от Нижней Туры,— заполнились политическими.

Кстати, в «Николаевке» сидели Я. М. Свердлов, один из первых редакторов газеты «Правда» Н. Н. Батулин, руководитель Уральского комитета большевиков В. Е. Вилонов и многие другие боевые соратники В. И. Ленина.

«Николаевка» была одной из самых страшных тюрем царской России. Возглавлял это «исправительное отделение», как оно именовалось в официальных бумагах, Илларион Высоцкий. Это по его приказу тюремщики учинили жестокую расправу над В. Е. Вилоновым за попытку совершить побег. После жестокого избиения обнаженного революционера при 30-градусном морозе облили крутопосоленной водой и бросили в карцер, где он находился несколько суток.

О тяжелом положении политических заключенных в Николаевской тюрьме сообщается в телеграмме тюремного священника Л. Ставровского, направленной депутату Государственной Думы Аладьину и напечатанной в газете «Уральская жизнь» (№ 120 от 6/VII 1906 года). Священнослужитель писал: «В Николаевском арестантском исправительном отделении репрессии к политическим: пятнадцать в карцерах, один изувечен, один покушался на самоубийство, двое в смиренных рубашках, 50 голодают третий день».

Телеграмма была оглашена представителем социал-демократической фракции в Государственной Думе. Но и после этого в тюремных порядках ничего не изменилось, а главный тюремщик Высоцкий «за отлично-усердную службу всемирно-стивейше пожалован орденом Святой Анны 3 степени».

Документы с грифом «Секретно» и «Строго секретно», о которых сказано выше, сейчас хранятся в Пермском государственном архиве.

ПИСЬМА ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА

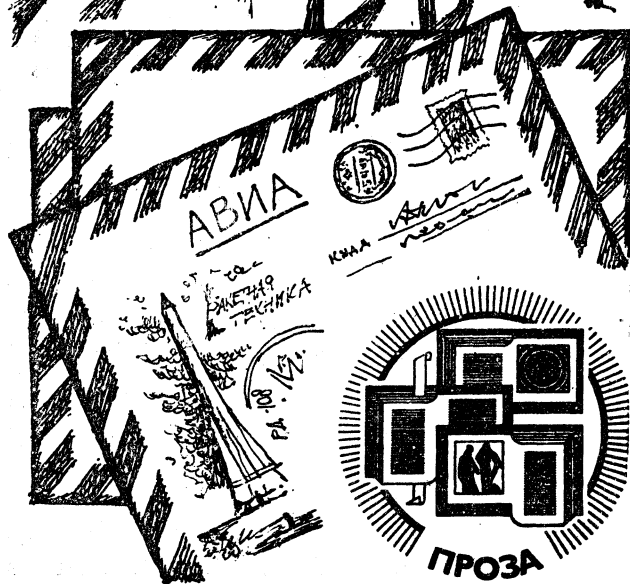
Рассказ

**Лидия
ВАКУЛОВСКАЯ**

*Рисунки
Л. Смирновой*

Еще днем, когда они вошли в ресторан и заняли освободившийся столик у окна, Эмма определила, кто из четверых улетает. За полгода работы в ресторане при аэропорту она научилась безошибочно угадывать улетающих, провожающих и только что покинувших самолет. Улетал, безусловно, шуплый блондинчик в сером грубошерстном свитере, остальные парни провожали его. И улетал, конечно, в отпуск, в долгий северный отпуск на полгода, — это прямо таки было написано на его светившейся физиономии.

По тому, что выпивки к обеду они взяли немного, Эмма поняла, что долго они не задержатся. Она быстро обслужила их и занялась другими столиками: как-никак у нее их было десять, и ни один сейчас не пустовал. Ее поминутно окликали, желая то рассчитаться, то еще что-либо заказать. Словом, приходилось

крутиться. И так каждый раз: за смену натопчешься, что ног не чувствуешь. Очень длинная смена: с шести утра до трех ночи.

Это был один из тех северных аэропортов, где все подсобные службы работали почти круглосуточно: парикмахерская, почта, ресторан и буфеты, даже книжный киоск, не говоря о гостинице и камерах хранения. Аэродром находился в двадцати километрах от поселка — в огромной долине, огороженной со всех сторон сопками, — самолеты из-за непогоды, особенно зимой, часто нарушали расписания, рейсы откладывались иногда на несколько суток, и людей, добравшихся сюда из глубинки — полярников, золотодобытчиков, геологов, — нужно было кормить, устраивать на ночлег...

Видимо, рейс, которым улетал блондинчик в сером свитере, тоже задерживался: парни давно пообедали, но продолжали сидеть за столиком, негромко разговаривая. И не прислушивались, в отличие от других посетителей, к сипловатому голосу из динамика, извещавшему о прибывающих и убывающих машинах. Стало быть, знали, когда блондинчику лететь и не спешили на тридцатиградусный мороз. Сидеть в теплом ресторане куда лучше, нежели гулять по морозу или томиться в прохладном вестибюле аэровокзала.

Если бы за стеклянной дверью на площадке второго этажа стояли люди, ожидая свободных столиков, Эмма намекнула бы парням, что им следует уйти. Но желавших поесть не было, и она оставила парней в покое. Посидев еще примерно с час, они поднялись и ушли.

«Скряги», — подумала о них Эмма. И вовсе не потому, что парни не оставили на столике «чаевых». Эмма заметила, что, когда она подала счет, один из парней внимательно провел глазами по столбцу цифр, как бы проверяя, верно ли сосчитано. Таких клиентов Эмма не любила. Но, слава богу, их попадалось мало. Люди, улетающие с Севера на материк, не считали не то что копейки и рубли — пятерки и десятки.

Часа через три эти четверо вернулись снова. Теперь они заняли угловой столик в конце зала, который тоже обслуживала Эмма.

— Опять мы к вам, — улыбнулся ей блондинчик и качнул головой. — Чего доброго, и завтракать у вас придется.

— Задерживается рейс? — спросила Эмма.

— Капитально, — ответил он. — Вместо десяти утра на три ночи обещают.

— Ничего, старик, минимум терпения, и завтра ты при любом раскладе — в столице, — сказал ему парень с черной курчавой бородой, по виду самый старший в компании. И спросил Эмму, как старую знакомую: — Чем вы нас теперь, милая девушка, кормить-пить будете?

— Выбирайте сами, — ответила она, поскольку парень держал в руках меню.

Парень был красивый: смуглый, кареглазый, белозубый. И рослый, крепко сбитый. Не то, что блондинчик, или тот, который прежде изучал поданный ею счет. Тот тоже был неказист: остроносый и с маленькими вьедливыми глазками. Четвертый парень был так себе, не уродлив и не красив: серединка наполовинку. Во всяком случае всем им было далеко до кареглазого с бородкой. Эмме всегда нравились такие смуглые, белозубые парни.

Особого выбора в меню не было. Эмма посоветовала им взять поджарку из оленины.

— Отлично! — весело сказал кареглазый. Но заказал отбивные и салаты из зеленого горошка.

Спиртное тоже заказывал он. И опять-таки немного.

Сервируя стол, Эмма по отдельным фразам, которыми перекидывались парни, поняла, что они с полярной станции, и удивилась: отчего же это они так скромно, без размаха, провожают товарища? Она считала, что у полярников, как у золотодобытчиков и геологов, денег куры не клюют. А эти пообедали почти «насухую» и сейчас взяли с гульки нос. Чего доброго, так и просидят до самого отлета...

Они сидели до двенадцати ночи и лишь дважды заказали за это время кофе и печенье. Потом кареглазый с бородкой попросил Эмму принести еще бутылку шампанского.

— На посошок — и мы отчалим, — зачем-то объяснил он Эмме, когда она принесла шампанское. И сказал ей, кивнув на блондинчика: — А Володю на ваше попечение оставим. Ничего не поделаешь: нам с утра на смену, а ехать еще триста километров. Смотрите, не обижайте его, — кареглазый шутливо погрозил Эмме пальцем, блеснув белыми зубами. И прибавил: — Он смиреннько посидит часок — и топ-топ на регистрацию билетов. Договорились?

— Договорились, — Эмма тоже улыбнулась кареглазому. Он нравился ей, но она подумала, что он женат.

Они разлили по бокалам шампанское, потом все встали, чокнулись и выпили. Кареглазый тоже чокнулся с блондинчиком Володей, но пить не стал. Видимо, это он не выпил свою стограммовую стопку и за обедом, — водка так и осталась на столе. Эмма сразу сообразила, что парни приехали с полярной станции на своей машине, и кареглазому еще сидеть за рулем. Эммин муж, Костя, тоже никогда не возьмет в рот за рулем. Ну, да ее Костя — особая статья. Он и в праздники, скрепя сердце, раскошелится на бутылку. Костя помешан на машине «Москвич» или «Жигули» — все равно, лишь бы собственная машина. Он и на Север завербовался ради того, чтоб скопить на машину. Работает здесь на «КРАЗе», возит грузы в тундровые поселки, кое-как двести восемьдесят выгоняет в месяц. Долго ждать ему своего «Москвича»!..

Блондинчик Володя вышел проводить друзей до раздевалки на первом этаже. Эмма тем временем убрала со столика посуду, смела крошки со скатерти, поставила, как следует, стулья. Возле стула, на котором сидел улетающий Володя, стоял крохотный чемоданчик. Эмма переставила легонький чемоданчик с пола на стул. Может, это и весь багаж блондинчика? Впрочем, нет, конечно. Просто с тяжелым багажом в ресторан не ходят, сдают в камеру хранения.

Вскоре блондинчик вернулся, прошел на свое место. Эмма видела, как он пристраивал на спинку стула принесенное из гардероба пальто. Шапку положил на свободный стул. Сел, подпер ладонями щеки и, похоже, задремал.

«Слабенький,— подумала о нем Эмма.— Каплю выпил и раскис».

Народу в ресторане не убывало. Однако никто и не подсаживался к придремнувшему Володе. На какое-то время Эмма выпустила его из виду. Когда же обернулась в его сторону, увидела, что он делает ей знак подойти.

— Принесите мне водки,— сказал он.

— По-моему, вы ничего не пьете,— усмехнулась Эмма.

— Вы правы,— сказал он.— У нас на станции сухой закон. Так решили— и точка. Три года никто не нарушал. Но сегодня мне можно, правда?

Эмма пожала плечами: дескать, ваше дело.

— Нет, вы знаете что?— оживился он.— Я хочу угостить вас шампанским. Вы очень славная девушка, похожи на мою сестру Томку. Завтра я ее увижу и скажу, что она на вас похожа.

Наверно, ему просто хотелось поговорить, надоело сидеть в одиночестве.

— Я не могу, я на работе,— сказала Эмма.

— Да ну, ерунда. Честное слово, вы похожи на Томку. Я смотрю на вас и все больше убеждаюсь...

— Вы меня задерживаете,— мягко сказала Эмма.— Что вам принести?

— Вот видите, какая вы!.. Тогда мне все равно. Можно водки, можно коньяка.

Она принесла ему коньяк, нарезанный лимон и печенье. Ему снова захотелось с нею поговорить.

— А вы давно здесь работаете?— спросил он.

— Полгода.

— Почему же я вас не видел? Я здесь летом бывал. Я бы вас заметил, раз вы похожи на Томку.

— Наверно, вы не попадали в мою смену. Давайте сразу рассчитаемся,— сказала Эмма. И напомнила ему:— Вам скоро к самолету.

— Самолеты, самолеты, в них сидят дяди пилоты... Из серии детских стишков,— говорил он, глуповато улыбаясь. И, доставая бумажник, продолжал.— А что вам привезти из Москвы?

Я вернусь весной и попаду как раз в вашу смену. Ага, вот что я вам привезу: огромный букет тюльпанов. Весенних тюльпанов...

Уж не подбивает ли он к ней клинья? Упаси бог— такой невзраченький! Хватит с нее своего невзраченького Кости...

— Вот так штука, всем наука! А денег у меня и не хватает,— вдруг сказал он, извлекая из бумажника одну-единственную трешку.

Он сунул ее обратно в бумажник, поднял свой, снова перекочевавший на пол, чемоданчик, раскрыл его и отвернул лежавшее сверху полотенце. Две толстые пачки пятидесяток лежали под ним, еще— электробритва, мыльница, тюбик зубной пасты, какая-то книга.

Он выдернул из пачки две зеленых купюры, одну подал Эмме, другую отправил в бумажник и закрыл чемоданчик.

Был третий час ночи, когда сипловатый голос в динамике сообщил о том, что начинается регистрация билетов на московский рейс. За некоторыми столиками тотчас задвигали стульями, народ стал подниматься и потянулся к выходу. Блондинчик Володя, возможно, не слышал объявления, возможно, решил, что успеет еще одолеть до конца свой коньяк. Он поднялся минут через пятнадцать, начал надевать пальто, плохо попадая руками в рукава. Нахлобучил косо шапку и побрел к дверям, стараясь ступать твердо, что ему мало удавалось. У дверей он остановился и постоял минуту, что-то напряженно вспоминая. Вспомнил и вернулся за чемоданчиком.

Увидев Эмму, убиравшую с соседнего столика на поднос грязную посуду, он небрежно взмахнул рукой и сказал:

— Гуд бай, гуд бай!.. Я все помню: тюльпаны!..

Эмма унесла поднос на кухню и вернулась в зал. Из десяти ее столиков семь уже были свободны, за тремя еще сидели. Но ее никто не подзывал и никто ничего не собирался заказывать.

Беспокойство овладело вдруг Эммой. Она прошла вдоль пустующих столиков, поправляя без надобности скатерти, переставляя солонки, горчичницы и вазочки с салфетками. Потом приподняла штору— посмотреть в окно. Но окно разрисовал мороз и ничего нельзя было увидеть.

Эмма вышла из зала и побежала по длинному коридору к служебному туалету. Что-то настойчиво твердило ей, что именно так нужно сделать. Она выключила в туалете свет, в темноте прошла к узкому оконцу. Но это окно вообще сплошь обросло замерзшим снегом. Тогда она встала на раковину, с силой открыла обе створки примерзших к раме форточек и высунула на мороз голову.

Ночь была лунная, и Эмма хорошо видела

дорогу, пролегшую через пустырь, отделявший здание ресторана и гостиницы от аэровокзала. Ведь аэропорт был ярко освещен, а вдоль дороги фонарей не было. Сейчас по дороге, пошатываясь, брел человек. Один-единственный. И вдруг он сильно застыбался, точно попал на скользкое, и не мог устоять. Он упал и остался лежать на дороге.

Эмма прекрасно знала, что это — блондинчик Володя. У нее засадило сердце, потом быстро и тревожно застучало. В этот час по дороге не ходят машины. Ну, а если пройдет и раздавит его?.. Или кто-то просто выйдет на дорогу и наткнется?.. Правда, все пассажиры московского рейса давно уже в аэропорту, о ближайших рейсах пока еще не передавали, но кто-нибудь может и появиться на дороге. Блондинчик, конечно, опьянел. Его смело могут ограбить...

Эмма выскользнула из туалета, пробежала коридором к служебной раздевалке. Надевать пальто ей было некогда. Она набросила на себя пуховый платок и по боковой лестнице спустилась во двор. Потом побежала к аэровокзалу, совершенно не чувствуя укусов мороза, хотя на ногах у нее были капроновые чулки и летние туфельки на низком каблучке.

Стараясь сдержать шумное дыхание, Эмма приблизилась к блондинчику. Тот лежал, уткнувшись лицом в снег. Скорее всего, что, упав, он ушибся о заледенелый наст и потерял сознание. Шапка слетела с его головы и валялась в стороне. Чемоданчик тоже отлетел в сторону.

Эмма склонилась над блондинчиком, тронула его за плечо. Но он не шевельнулся.

«Что же делать, что же делать?!» — лихорадочно думала Эмма, чувствуя, что начинает замерзать...

В три часа ночи вся смена, в которой работала Эмма, уехала служебным автобусом в поселок. Теперь трое суток Эмма могла отдыхать. Но уже в автобусе ее начал бить сильный озноб. Знобило плечи, ноги никак не могли согреться в теплых валенках, и все внутри у нее колотилось от холода.

Было четыре утра, когда Эмма добралась домой. Хозяева, у которых они с Костей снимали половину деревянного домишка, с отдельным входом, кухней и комнаткой, спали. В квартире было пусто и холодно. Утром Костя ушел в рейс на своем «КРАЗе», это — на четверо суток. Он растопил плиту и засыпал дрова углем, но все давно перегорело и тепло вынесло в открытую трубу.

Больше всего Эмме хотелось согреться. Но она не знала, что лучше: разжечь ли печку или

забраться в постель и хорошенько укрыться. Если бы в шкафчике были водка или спирт, она, казалось, выпила бы сразу бутылку, — только бы согреться. Но из-за этого проклятого «Москвича» в доме, случалось, не бывало масла и картошки. И водку, и продукты она могла бы принести из ресторана — этого добра всегда достаточно оставалось на столиках, — но попробуй принеси! «Убью, если будешь опивки и объедки таскать. Не нищие!» — это он так требует, муж ее. А сам каждый месяц двести в сберкассу несет. «Ничего, переживем! Зато потом полмира на собственной карете объездим!» Все «потом», все на «потом» кивает. Когда она не работала, сидела полгода в этой конуре, — совсем весело было. Маме своей десятку в месяц посылала. Чтоб она на ту десятку их трехлетнюю Светланку кормила. Бросили ребенка на бабушку — и десятку. Хорошо, что мама не требовала. Но ведь и мама: «Костик, Костик!.. Пока молодые, почему бы и на Севере не пожить? Потом на своей машине по грибы будем ездить!» Прямо влюблена в Костика!..

Мало того, что ее лихорадило, у нее заболела голова и заломило в висках. Все же она сходилась в сарай за дровами, накидала в мешок поленьев. Когда наклонилась поднять мешок, в голове забухало, будто молотом ударили. Подняла голову — голова закружилась. Еле прошло.

Дрова сразу вспыхнули, из открытой дверцы печки в комнату потекло тепло. Рукам и коленям было жарко у огня, а ступни ног и все в груди никак не согревалось. Эмма выпила кружку обжигающего чая, легла в постель — в свитере и шерстяных носках — и укрылась всем, чем можно было укрыться. Вскоре ей стало жарко, и страшно захотелось пить. Голова совсем раскалывалась, и эта боль не давала уснуть. От боли и мысли стали тяжелыми, едва ворочались. Но Эмма заставляла себя думать. Ей нужно было думать, решать, как ей быть дальше.

Костю она бросит, это ясно. И как она могла выйти за него? Они даже похожи: Костя и тот блондинчик, оба невзрачненькие... Ну, а за кого она могла выйти в их родном захолустье? Одно название, что город, на самом же деле — село селом. Женихов по пальцам пересчитаешь, а невесты табунами ходят. После школы ребята в институты, в училища и в армию подаются. И больше не жди их. Девчонки тоже в институты рвутся. Но вскоре многие снова дома: не прошли по конкурсу. И всем одна дорожка — ателье «Силуэт», на массовый пошив. Она тоже целый год наволочки из ситчика строчила. Два пятьдесят за смену, семьдесят в месяц на руки. Вот и вышла за Костю. Светланку родила. Смешно подумать: он даже нравился ей тогда! Это все равно, что ей понравился бы этот самый блондинчик Володя. С ума сойти! Тюльпаны

обещал... Только здесь, когда устроилась в ресторан, и увидела настоящих парней. Какие ребята есть! От штурмана Алексея глаза не оторвешь, всегда из Москвы апельсины ей привозит. Да если бы она захотела...

Да-да-да, завтра она уедет! Оставит Костю записку — и на аэродром... Нет, не завтра, сегодня уедет! Пусть без нее копит на свою машину. Сто лет еще копить будет. И без нее пусть ездит по миру. Копеечки считает, экономист! И ее заставляет копейки считать. Принцип свой ставит: «Убью!..» Кого он теперь убивать будет?..

Нет, в свое захолустье пока она не поедет. В Норильск нужно лететь, найти Катю Салатникову. Она поможет с работой. Вот кому повезло! А сама дурнушка, все лицо в конопатинах. Только и всего, что старший администратор Коробкова всегда ее расхваливала: «Девочки, берите пример с Кати. Смотрите, сколько ей благодарностей клиенты пишут!..» Вообще Коробкова хорошенькая зануда. Каждый раз перед сменой одну и ту же молитву заводит: «Девочки, не дай вам бог обсчитать клиента! У нас клиент особый, он на радостях и перебрать может, а денег у него много. Вы молоденькие, жизнь начинаете. Смотрите, не прельщайтесь на чужие деньги!..» Говорят, она уже лет десять тянет эту молитву... А тогда в их аэропорту самолет «Москва — Норильск» сел: в Норильске пурга была, аэродром не принимал. Пассажиры — в гостиницу, они из гостиницы — в ресторан. И один попал за Катин столик. Через три дня Катя улетела с ним в Норильск. Оказалось, он главный инженер какого-то треста, Катя королевой зажила. Штурман Алексей видел ее в Норильске: скоро рожать будет...

Эмма пыталась вспомнить, когда от них уходят самолеты на Норильск, и не могла. Она сама удивлялась, почему не может вспомнить время этих рейсов, если сотни раз о том сообщал динамик в ресторане? Ей даже послышался знакомый сиплый голос диспетчера: «Граждане пассажиры! Начинается регистрация билетов на рейс «23—15» до Норильска».

Эмме стало невмоготу жарко, сорочка на ней взмокла и прилипла к телу. Эмма хотела приподняться и сбросить с себя все укрывалки, которые давили ее. Кое-как она приподнялась, столкнула на пол два одеяла и полушубок, стянула с себя свитер и носки. Ей казалось, что в комнате жарко и душно. На самом деле печка давно прогорела, и в комнате было прохладно. Эмма спустила с кровати ноги, включила ночник и по ледяному полу прошла к окну, отворила форточку и подышала морозным воздухом. Ей сразу стало легче. А еще легче стало, когда она напилась холодной воды. И тут она вспомнила, что на Норильск есть два рейса: в двенадцать дня и в четыре утра.

«Первым, только первым рейсом! — подумала она. — Надо выехать из поселка девятичасовым автобусом!..»

Она посмотрела на будильник: ровно шесть. Оставалось не так много времени. Тем более, что будильник барахлил и мог отстать на целых полчаса.

«Скорее собраться, скорее собраться!..» — приказала она себе. И опустила на колени возле кровати, чтобы достать из-под нее чемодан.

У нее снова забухало молотами в голове. И опять утихло, когда она подняла голову и постояла немного, держась за спинку кровати. В чемодане лежало Костино белье. Эмма вытряхнула его на кровать, стала доставать из шкафа и бросать в чемодан свои вещи. Их было немного.

Эмма ходила по комнате босая, в одной сорочке. В открытую форточку седым парком лез мороз, но ей по-прежнему было жарко и все время хотелось пить.

Чемодан был собран. Но это было еще не все. У Эммы хранилось еще нечто такое, о чем не знал и не должен был знать Костя. Это была ее мертвая, гранитная тайна. Свою тайну она держала в матрасе, на котором они с Костей спали. Тайну нужно было достать из матраса, все сложить в целлофановый мешочек, положить в него и те четыре конверта, которые она сунула, войдя в дом, под подушку.

Эмма отвернула простыню, вспорола ножницами уголок матраса, который она много раз до этого расшивала и зашивала, начала доставать спрятанные в свалывшейся вате толстые конверты «авиа», с черными круглыми штемпелями и адресом, жирно выведенным на них одним и тем же почерком.

Она пересчитала конверты, достала из-под подушки еще четыре конверта, точно таких же, как те, что лежали в матрасе, уложила их аккуратно, один к другому, в целлофановый мешочек. Заправила нитку в иголку, собираясь зашить матрас. Взгляла за уголок матраса и вдруг испуганно замерла: за стеной у хозяев что-то стукнуло. Эмма выключила ночник и прислушалась. Стук не повторился, и не слышалось, чтобы кто-то открывал наружную дверь. Значит, хозяева еще спали.

Она снова включила ночник, быстро справилась с матрасом, затем обшила куском старой простыни мешочек, пришила к уголкам тесемки. Мешочек плотно обвился вокруг ее талии. Она туго завязала тесемки, — и все было сделано.

Еще когда зашивала матрас, она решила, что чемодан брать с собой не нужно. В аэропорту ее многие знают, увидят с чемоданом, потом доложат Косте, в какое время она улетела, и он догадается, куда улетела. Правда, она тут же подумала, что кассирши, всегда обедавшие в

ресторане, тоже знают ее. Ну, тогда она попросит какого-нибудь пассажира взять ей билет. Кассирши знают ее лишь в лицо, а на паспорт — неудачная фотография.

Эмма стала одеваться. Часть вещей, что лежали в чемодане, можно было надеть на себя. Две кофточки... на них — платье, на платье — шерстяную кофточку и юбку, потом — свитер... В таком одеянии она совсем взмокла. Даже волосы стали мокрыми — хоть отжимай. Голова по-прежнему жутко болела, что-то тяжелое давило на глаза, а лоб будто клещами сжимало.

Совсем мало времени ушло на сборы, всего полчаса. Если будильник и отставал немного, то все равно идти на автобусную было рано. В самый раз — через час выйти. Эмму потянуло к кровати. Ладно, она немножко полежит, может, пройдет голова. Потом напишет Косте записку, чтобы не ждал и не искал ее. Пожелает ему поскорее накопить на «Москвича» и уйдет.

Ночник она выключила, потому что даже его тусклый свет больно резал глаза. В комнате стало темно, глазам сделалось легче. За стеной слышались глухие голоса: хозяева уже проснулись. Эмма слышала еще, как на другой половине дома открывалась дверь, скрипел снег во дворе под чьими-то шагами, как в сарае насыпали совком в ведро шелестевший уголь. Потом она перестала что-либо слышать...

Хозяйка дома, Андреевна, прибежав с работы на обед, заглянула к Эмме. Открыла дверь и с порога сказала:

— Девка, ты что это дом так выстудила? Прямо ледник ледовый. Батюшки, и форточка настезь!.. — ужаснулась она, проходя из кухни в комнату.

Эмма слабо застонала в ответ.

— Да ты не заболела ли? — подошла к ней Андреевна.

Казалось, Эмма хотела открыть глаза. Но веки, едва приподнявшись, снова опали. Она опять застонала, с трудом разжимая пересохшие губы. Андреевна приложила ладонь к ее лбу.

— Жар-то, жар-то какой!.. Ах ты, господи!.. Что ж ты мне в стенку не стукнула? — говорила Андреевна, не на шутку испугавшись. — Сейчас доктора вызову!..

Телефона на их улице ни у кого не было. Андреевна побежала прямо в поликлинику. Вернувшись, растопила печь. Пыталась говорить с Эммой, но та не отвечала. Только постанывала и трудно, с хрипом дышала.

Вскоре приехала санитарная машина. Андреевна встретила доктора на крыльце, торопливо рассказала: квартирантка заболела, а муж ее, шофер, в рейс ушел. Слышала, как она под утро с работы вернулась, в обед зашла к ней — горит вся, говорить не может. Она ей градусник поставила, тридцать девять и шесть показал.

Доктор подошел к кровати, посмотрел на Эмму, на ее пылавшее лицо и сказал, что медленно забирает ее в больницу.

Приехавшая с доктором медсестра и Андреевна начали осторожно тормозить Эмму, окликать ее и говорить, что ей нужно подняться, одеться и ехать в больницу. Казалось, Эмма очнулась лишь тогда, когда уже сидела на кровати и Андреевна натягивала ей на ноги валенки. Видать, она только теперь увидела доктора и сестру и поняла, что ее забирают в больницу.

— Нет, я не могу... Не надо в больницу,— слабо запротестовала она.— Мне нужно...

— Немедленно, немедленно!— сказал доктор.— Надевайте на нее пальто, поедemте!

— Надо, надо, Эммочка,— ласково говорила ей Андреевна.— Как же ты одна в дому такая будешь? Костя-то когда еще вернется? А я тоже на работе...

Пальто не лезло Эмме в рукавах: чересчур много было на ней всяких одежек. Сестра просто набросила на нее пальто, повязала платком, и ее повели, взяв под руки, к машине. Эмма больше не сопротивлялась и не отказывалась от больницы: быть может, ее напугал суровый голос доктора.

Доставив ее в приемный покой, доктор и медсестра ушли, оставив Эмму с кастеляншей, которая сказала, что Эмме нужно переодеться во все больничное. Из отделения за ней пришла нянечка, пожилая сухонькая женщина, стала помогать ей снять свитер. Кастелянша принесла рубашку и пижаму, положила на кушетку и ушла.

— А одежек-то, одежек на себя нашушка-ла!— сказала нянечка, увидев, что на Эмме надето под юбкой и свитером шерстяное платье.

— Холодно было,— сказала Эмма нянечке. И чуть слышно добавила:— И сейчас холодно... Можно, я в платье останусь?

— Так зачем же в платье? Мы в пижамку оденемся, она теплая, байковая. А носочки свои оставь, в них можно. У нас носочков не выдают. И тапки тебе б свои взять, у нас тоже плохонькие, да и не хватает,— охотно болтала добрая нянечка.— Ну, сьмай свои кофточки и рубашку.

Неожиданно Эмма схватила нянечку за руку и, задыхаясь, сказала:

— Няня, миленькая, только не выдавайте меня, я вам во всем признаюсь,— черные глаза ее лихорадочно блестели, голос срывался, в груди хрипело. Она приподняла рубашку, показав завязанный вокруг талии мешочек.— У меня вот что... Это письма любимого человека... Я возьму их, ладно? Только мужу моему не говорите. Я разойдусь с ним, вот увидите... Никому не говорите, ладно? Иначе он убьет меня...

— Да зачем же мне говорить?— ответила нянечка.— Бери с собой свои письма. С себя сьмай только. Врачи смотреть тебя будут — как

не увидят? Отвяжем их, да и спрячь под подушку или под матрас.

— Спасибо вам,— сказала Эмма, трудно дыша.

— Вот так... Вот сейчас и отвяжем,— говорила нянечка, помогая Эмме снять с себя мешочек.— Ну, пойдem в палатку. Тебя сейчас главный врач Евгений Тихонович посмотрит. Он у нас золотой, из всякой болезни человека подымет...

Нянечка еще что-то говорила, но слова ее больше не укладывались в сознании Эммы.

Пять суток очень тяжело было Эмме. Сны и явь, дрема и забытье, день, вечер, ночь,— все это неделимо спуталось в голове, набитой вереницей бесконечно плетущихся событий и мешаниной всяких несуразных и вполне реальных, казалось бы, картин. Ее все время окружали люди, знакомые и незнакомые, что-то говорили, исчезали, появлялись. Все они двигались лениво, замедленно, широко открывали рты, произнося слова, но слов этих не было слышно.

В одних проплывающих перед ней картинах все было непонятно, расплывчато, какой-то хаос и сумбур, в иных же — все обретало полную ясность, и Эмма понимала, что это происходит не во сне, не в бреду, а на самом деле.

Она на самом деле ходила с кофпатенькой Катей Салатниковой по магазинам, примеряла дубленки всех цветов, и выбрала оранжевую с черной меховой оторочкой. В этой дубленке она шла со штурманом Алехиным к трапу только что приземлившегося лайнера. Алехин уже был ее мужем, и они шли к самолету встречать блондинчика Володю. Он первым сбежал по трапу на землю, со своим чемоданчиком и огромным букетом цветов. Он протянул ей букет, а она поцеловала Володю,— такого невзрачного и такого славного. «А ведь мог и замерзнуть тогда на дороге»,— подумала она. Он догадался, о чем она подумала, и, смеясь, сказал: «Нет, не мог. Я обещал вам тюльпаны. И обещал рассказать Томке, что вы на нее похожи. Как же я мог замерзнуть?..»

Потом она приехала с мужем Алехиным в свое захолустье. На кухне топилась печь, мама пекла пухлые блины, Светлана бегала вокруг стола с большой голой розовой куклой, а на столе стояли раскрытые чемоданы, битком набитые ее нарядами. Она спросила у мамы, сколько стоит в их захолустье самый лучший дом. «Тысяч пятнадцать»,— сказала мама. «Ну, тогда у нас хватит на два дома»,— сказала она.— Но лучше мы купим один дорогой дом в Крыму и будем купаться в море. Нам надоел Север». Ю Косте мама ничего не спрашивала, и Кости поблизости вообще не было...

Костя вернулся из рейса, когда Эмме стало немного лучше. Он вошел в палату в белом ха-

лате, растерянный и сникший, точно у него похитили все деньги, которые он уже скопил на «Москвича». Он неловко присел на краешек койки Эммы и сказал с дерганной улыбкой:

— Эмка, ты что?.. Как это ты?.. Андреевна говорит: форточку открыла и спать легла. Ты что, не соображала?

— Пройдет,— слабо усмехнулась Эмма и спросила:— Как ты съездил?

— Нормально. На перевале пурга чутко прихватила. А так нормально. Я тебе вот... того-сего принес,— кивнул он на сумку.— Компоты, конфеты... Ты скажи, чего тебе хочется?

Эмма знала, что до зарплаты еще далеко, а денег у Кости—считанные рубли. С этими рублями и в рейс пошел.

— Ничего не хочется,— ответила она.— И этого не надо было приносить. Денег-то нет.

— Хватит,— сказал он.— Я с книжки снял.

— Зачем же ты твой «Москвич» трогал?

— Да ну его, «Москвич»! Никуда не денется, накопим еще.— Он подмигнул Эмме и сказал:— А я без тебя просто не знаю, как одному дома сидеть. Ночью вернулся, узнал, что с тобой, и не заснул.

Что не заснул, она поверила. А вот: «Да ну его, «Москвич»!— ни за что не поверит. Снять с книжки он снял, но сам переживает. Вон как осунулся весь, совсем некрасивый стал. Недаром она подумала тогда, что они схожи с блондинчиком Володей. Только что волосы у Кости каштановые. И густые: во всех расческах зубья поломаны.

Костя приходил к ней в этот день несколько раз. И на другой, и на третий день приходил по несколько раз. Все время приносил что-нибудь и спрашивал, чего ей хочется? На четвертый день он снова отправился в рейс. Когда он попрощался с нею и ушел, пообещав сразу же прийти, как вернется—хоть днем, хоть ночью, в палату явилась говорливая нянечка, посвященная в Эммину тайну с письмами, и сказала Эмме, что Костя дал ей тридцать рублей и просил почитать на них все, что Эмме захочется.

— Не надо мне ничего. И так полная тумбочка,— ответила Эмма.— Пусть эти деньги вам будут.

— Да зачем мне твои деньги?— ответила нянечка, подсев к Эмме. И, подумав, сказала:— Ну, от пятерочки я не откажусь. За то, что дежурила после смены возле тебя, когда ты совсем плохо была. За это мне и пятерочки хватит.

— Нет, пусть будут все,— настаивала Эмма.— Я вас очень прошу. Вы здесь самая добрая нянечка. Вы не думайте, что у нас мало денег, что мы страдаем.

— Да я не думаю, зачем же мне думать,— сказала нянечка.— И мужа мне твоего жалко. И тебя жалко. И того, кого ты любишь, жалко. Он-то в каком положении?— сочувственно гово-

рила нянечка, не опасаясь, что их услышат, так как Эмма лежала одна в трехместной палате. И спросила:— А сам он кто ж такой, наш поселковый?

— Нет, он летчик. Штурманом летает,— сказала Эмма.

— Тоже ведь опасно. Полетит да и не вернется,— вздохнула нянечка.

— Это редко случается,— сказала Эмма.

— Холостой или женатый?

— Холостой.

— Хоть это-то хорошо,— рассуждала нянечка.— Хорошо, что хоть он человек вольный. А то, бывает, как запутаются сами в этих сводах-разводах, что и никакая любовь не мила.

Нянечка посидела еще немного возле Эммы и ушла заниматься своей работой.

Днем Эмму навестили девчонки из ее смены, вместе с их седой наставницей, администратором Коробковой, нанесли тоже всякой всячины. Сказали: местком выделил ей по случаю болезни десять рублей, вот они и пустили их в ход. Поохали, поахали, посочувствовали Эмме. Сказали, что без нее у них увеличилась нагрузка в зале, хотя клиентов сейчас не так уж и много: погода летная на всех маршрутах, машины ходят по расписанию. Подружка удачно вышедшей замуж конопатенькой Кати Салатниковой, толстенная Лена Орехова, вспомнила, что на днях получила письмо от Кати. Катя дочь родила, назвала Оленькой. Собирается уехать с ней на целый год к родителям мужа в Ставрополь. Там тепло, с ранней весны фрукты и овощи пойдут, хочет, чтобы Оленька подросла и окрепла на натуральных соках, в теплом климате.

Эмма хотела спросить, не видел ли случайно кто-либо из девчонок штурмана Алехина, он вот-вот должен был вернуться из отпуска. Но не стала спрашивать, подумав, что это может насторожить: почему это она им так интересуется?

Девчонки пробыли у Эммы около часа, и ушли, пожелав ей скорее выздоравливать и выходить на работу.

Их посещение и вся их говорильня утомили Эмму: все же она была еще слаба. Болезнь только начинала отступать, антибиотики хотя и сбивали температуру, но по вечерам температура подымалась, Эмме продолжали вкалывать лекарства, на ночь давали снотворное.

В этот вечер, после ужина, дежурная сестра тоже сделала ей укол и дала снотворную таблетку. Эмма подержала в руках таблетку, но глотать не стала: таблетка была горькой. Уходя, сестра пожелала ей спокойной ночи и выключила свет в палате.

Эмма лежала в темноте и мучительно думала, что ей делать и как быть дальше. Теперь она по-настоящему боялась Кости. Если он все узнает, он и в самом деле может убить. Ее охва-

тил ужас и она решила, что нельзя больше оставаться в больнице: вдруг нянечка проболтается, когда Костя придет. Если она выйдет из больницы часов в одиннадцать или в двенадцать, когда все будут спать, она успеет на ночной рейс до Норильска. Правда, автобусы в это время в аэропорт не ходят, но можно найти какую-нибудь машину. Она знала, как можно незаметно выйти из больницы: не через входную дверь, а черным ходом. Черный ход ей показала Андреевна, когда лежала здесь с аппендицитом. Черным ходом Эмма приходила к Андреевне в любое время и в неприятные дни.

Полежав еще какое-то время, Эмма поднялась, натянула на себя пижаму и вышла в коридор. Она не знала, который час, а в коридоре висели часы. Еще ей нужно было поискать говорливую нянечку и попросить у нее свою одежду. Эмма была уверена, что нянечка не откажет: не зря же она оставила ей тридцать рублей. Но под каким предлогом просить одежду, — этого она еще не решила. Хотя, какой придумаешь предлог? Сказать, что хочет сходить домой? Этого больным не позволено. Хочет выйти на улицу подышать воздухом? Тоже нельзя... Лучше просто сказать, что ей нужна одежда, чтоб одежда лежала у нее в палате.

На круглых часах было без десяти двенадцать. Слабо освещенный коридор был пуст. Эмма медленно пошла к выходу. Ноги вполне были послушны ей, и вообще она не чувствовала слабости. Немного лишь кружилась голова.

Недалеко от палаты находилась ординаторская. Дверь в нее была приоткрыта. Дежурного врача не было. Эмма заглянула в комнату. На вешалке, у двери, висело женское пальто и меховая шапочка, на полу стояли замшевые полусапожки.

Мгновенно Эмма все решила. Быстро сняла пальто и шапочку, схватила полусапожки и спустя минуту была уже на темной лестнице черного хода. Здесь она задержалась, чтобы одеться. Шапочка была ей мала, не закрывала ушей, полусапожки едва налезли и пальто было тесное. Но это не имело значения.

Эмма тихо отворила дверь на улицу и сразу задохнулась морозным воздухом. Если бы она могла бежать, она побежала бы. Но бежать она не могла. И все же она старалась идти как можно быстрее, чтобы поскорей покинуть двор больницы.

Во втором часу ночи, не найдя в поселке машины, она вышла на дорогу, ведущую к аэродрому, и пошла по ней, в надежде, что какая-нибудь машина догонит ее и она ее остановит. Руки и уши у нее не мерзли, их защищали поднятый песцовый воротник и теплые варежки, оказавшиеся, к счастью, в кармане пальто. Хуже было ногам. Чужие полусапожки сильно

жали, и холодно было голеньям, укрытым от мороза лишь штанинами пижамы из тонкой байки.

На рассвете, который ничем не отличался от черной безлунной ночи, дежурный персонал больницы был поднят на ноги: в почтовом фургоне привезли замерзшую женщину. Шофер и экспедитор, ездившие на аэродром за почтой, на обратном пути в поселок заметили лежавшую в сугробе на обочине женщину. Они остановились, увидели, что женщина мертва, положили труп в машину и поехали прямо в больницу.

Погибшую сразу узнали и пришли в ужас: как, когда, почему она убежала из больницы? Зачем ночью, в такой мороз пошла пешком в аэропорт? Как и когда, наконец, смогла взять пальто и полусапожки Валентины Яковлевны? Дежурный врач Валентина Яковлевна, не обнаружившая до сей поры пропажи, уверяла, что ни на минуту не покидала ординаторскую, — разве что ненадолго выходила в сестринскую комнату к телефону. Пожилая нянечка, которой погибшая доверила свою тайну, плакала. Но ни слезами, ни лекарствами помочь уже было невозможно.

О подобных несчастных случаях следовало ставить в известность милицию. Валентина Яковлевна, перед тем, как снять телефонную трубку, попросила почтового экспедитора и шофера задержаться. Они — свидетели. Но те ответили, что сперва отвезут в свое отделение почту, а потом приедут снова. Плакавшая нянечка, еще до их ухода, вышла из приемного покоя. Она вернулась, когда Валентина Яковлевна рассказывала по телефону о случившемся.

— Милиция сейчас приедет, — сказала Валентина Яковлевна, положив трубку.

— Валентина Яковлевна, у нее мешочек с собою был, — сказала нянечка, посмотрев на кушетку, где лежала, покрытая простыней, погибшая. — Она в нем письма любимого человека держала. Мешочек под матрасом был, теперь посмотрела — нету. Значит, на ней он. Я возьму мешочек, Валентина Яковлевна, да сожгу эти письма. Зачем, чтоб их в милиции читали? Или вдруг мужу в руки попадут. У него и без этого горя хватает.

— Конечно, возьмите и сожгите, — ответила Валентина Яковлевна.

Нянечка подошла к кушетке, отвернула простыню, осторожно ощупала покойницу и стала расстегивать пижамную куртку. Однако снять туго завязанный на талии мешочек не могла: узлы тесемок смерзлись, окоченевшее тело трудно было приподнять и повернуть. К тому же она была так потрясена случившимся,

что у нее дрожали руки. Она плакала и приговаривала:

— Жалко мне ее, жалко... Бедненькая... Такая молоденькая...

Видя, что нянечка никак не справится с узелками, сестра взяла ножницы, перерезала тесемки, и мешочек легко снялся.

Не дожидаясь, когда вернется экспедитор с шофером и приедут из милиции, нянечка спустилась в подвал, где находилась котельная, чтобы бросить мешочек в топку. Она и бросила бы его сразу, если бы не истопница Марфа, женщина спокойная и не глупая, всегда читавшая во время ночных дежурств в котельной разные книжки. Узнав о содержимом мешочка, Марфа попросила:

— Зачем их сжигать? Лучше летчику вернуть. Давай посмотрим письма. Если адрес его обнаружим, вот и передадим ему.

Нянечка согласилась с Марфой, и они стали вскрывать мешочек.

...Прошла зима, с пургами, морозами, длинными полярными ночами. В конце мая поплыли на сопках снега, дотаивал снег на равнинах и и начала зеленью покрываться тундра. Сутки превратились в сплошные солнечные дни, без ветров и без туч, и аэропорт зажил шумной беспокойной жизнью, радуясь весне и хорошей летней погоде.

Однажды, в такой вот замечательный день, в ресторан вошел загорелый парень. Он держал в руке пухлый сверток — кулек из плотной лощеной бумаги. Парень оглядел с порога зал, но, видимо, не заметил того, кого искал. Подошел к молоденькой официантке, которая, сидя за своим служебным столиком, протирала салфетками бокалы.

— Девушка, скажите, сегодня работает... — парень запнулся, потом снова сказал: — Я не знаю, как зовут эту девушку... Такая черненькая, и родинка вот здесь, на правой щеке.

Девушка подумала и ответила:

— В нашей смене такой нет.

— А вы не могли бы передать ей вот это? — он указал глазами на свой сверток. — Я только из самолета и меня ждет машина. Та девушка догадается, от кого.

— По-моему, у нас вообще нет никого с родинкой, — сказала молоденькая официантка.

— Ну что вы! — удивился парень. — Полгода назад она здесь работала.

— Не знаю, — сказала девушка. — Я здесь недавно. Может, она уволилась. Лучше спросите администратора Коробкову, она точно скажет. Пойдемте, я вас провожу.

Девушка провела его через зал, указала дверь к администратору. Он постучал и вошел в крохотную комнатку. Полная седая жен-

щина что-то подсчитывала за столом на арифмометре. Он сказал ей то же самое: у них работает девушка, черненькая, с родинкой на правой щеке. Он хочет передать ей тюльпаны. Он обещал привезти из отпуска.

— Черненькая, с родинкой? — переспросила администратор, изучающе глядя на него. — Ее звали Эммой?

— Возможно. Я не спросил имени. Но она здорово похожа на мою сестру, поэтому я ее запомнил, — объяснил парень. Он развернул бумагу, и в руке у него зажегся пунцовый костер из тюльпанов.

— Она погибла, — сказала ему администратор.

— Погибла?! — Парень изменился в лице. — Замерзла на дороге, — сказала администратор.

Парень, как вкопанный, стоял у стола, непонимающе уставясь на седую женщину.

— Все раскрылось после ее смерти, — вздохнула администратор. — Она обшчитывала клиентов, ограбила улетевшего в отпуск радиста полярной станции. Держала деньги в старых почтовых конвертах, а санитарке в больнице сказала, что это письма любимого. Хотела удрать с деньгами, пошла ночью на аэродром и не дошла.

Лицо у парня окаменело.

— Вы сказали... ограбила радиста? — медленно спросил он.

— Да, тогда всплыло все сразу. Он заявил в милицию, что вышел от нас нетрезвым. Поскользнулся, упал и потерял сознание. Когда его подняли, денег уже не было. Но их нашли у нее: все купюры были по пятьдесят рублей, и двух не хватало. Ее муж чуть с ума не сошел.

Парень молчал. Стоял и не сводил глаз с седой женщины. Потом медленно сказал:

— Мне вернули деньги, выслали в Москву. Но если бы я знал, что из-за них погибнет человек...

Он не договорил, машинально сгреб со стола пунцовые тюльпаны и, держа их, как веник, пошел к двери.

Алый след —

Рисунки
В. Меринова

**Серафим
БУСЫГИН**

Летний лес

Теплый запах грибов и плесени.
Под ногами шуршание, хруст.
В потаенном лесу
То песенно,
То щемлящая грусть.
Оттого, что вверху смыкаются
Лапы темных вершин внахлест,
Оттого, что перекликается
С желтой иволгой пестрый дрозд.
Мхов курчаво-седые бороды.
Муравейник, трухлявый пенек...
Жизнь, почти позабытая городом.
Летний лес.
Бесконечный день...

**Татьяна
ЗДОРИК**

Следы

Дни летят.
    Как капли с весел,
Канет в память   легкий след:
Голубой —
    несмелых весен,
Алый след —
    из лета в осень,
Белый —
    длинный лыжный след.

Вся страница...

Снова осень и ветер снова
Торопливо лишает численник —
Мимо, мимо пожара лесного,
Марсианских лимонных лиственниц.
Мимо листьев — скинутых кип,
Мимо утренних трав стеклянных,
Мимо серых страниц тоски.
Мимо белых страниц тумана.

Для сердца милые
навек:
За радость, боль,
за смех, за слезы —
За все, чем счастлив
человек!

**Анатолий
ПЕРЕВОЗЧИКОВ**

Грустит лесной родник,
Когда он одинок,
Но вот к реке припал —
И рассмеялся влать!
Совсем на ветке сник
Соловушка-звонок,
Но милую узнал —
И песня полилась!
И не бывает дня,
Чтобы, как колос ржи,
Ты не был погружен
В просторный мир людей.
Я знаю, без меня
Не обмелеет жизнь,
И все-таки со мной
Она чуть-чуть полней!

*Перевод с удмуртского
Инны Кияшко*

**Евгений
РАЗУМОВ**

Золотые дюны

Море, дюны,
берег солнца.
Голос юный
у эстонца.
Рядом дочь его в бикини
с гордым профилем богини.
Из-под тента,

как из рога,
льются с ленты
ритмы «рока»;
В такт им латыши-подростки
плещут модные прически.
Замки пляжа —
детства души,
хрупкость вашу
не нарушу:
я обязан вам — песочным —
первой мудростью заочной.
Море, дюны
золотые,
ритмы в струнах
молодые...
Профиль твой рисую юный
на песке, на наших дюнах.

**Николай
ШАМСУТДИНОВ**

Горит наш план,
А все апрельский лед,
Матерый лед проходу не дает.
Его изломы сдержанно-остры,
И бирюзой пугают на рассвете.
Тут
Запевают ярые костры
Говеющей геологоразведки.
Они поют и стелют языки
По стланику
И, вырастая в небо,
Царапают по небу, как по небу,
И' синева горит, как синяки.
Они поют, качаясь и валясь
Под ветром на застуженную глину,
Конечно же, прослеживая связь
Между бездельем нашим и уныньем.

Но сходит лед,
И, в сумерках брезжа,
Приходит задубевшая баржа.
А с ней — теодолиты и галеты,
Пятидневной давности газеты
И панацея от разлук и бед —
Почтовый намотавшийся брезент.
Из черных трюмов ящики — салютом!

И кто-то жарко крикнет с полуюта:
— Эй, слава макаронному десанту! —
Рокочущее эхо над лесами.

...Ушла баржа.
Повыщвели озера.
К пустой воде не притулишься взором
И третий день, как будто третий год,
Холодная порода из-под ног,
Холодные, сырые вещмешки,
Горячие набатные виски —
Ну, словом, будни,
Полевая проза.

Не уступая хмари и прогнозам,
Мы варимся в кипении ветров,
Не кашляем.
И каждый — будь здоров!
Благословенна жизнь без докторов.

Мы гоним план.
Теперь — не до костров.

Иван БЕЛЯЕВ

Заблудившиеся

Ура! В лесу заметен дым —
Там человек! Там отдых, ужин!
Но дед, заросший мхом седым,
Встал на тропе: — Кому я нужен?!

Дым из трубы валил густой,
(В тепле, ребята, скоро будем!),
И мы с ребячьей простотой
Ему ответили: — Нам, людям!

На нас взглянул он злей врага,
Шагнув от нас легко и прытко:
— Я только господу слуга! —
И злобно хлопнула калитка.

Он в дом ушел, огонь погас,
Лишь лес шумел, да ветер злился,
И мы не знали, кто из нас
В лесу дремучем заблудился.

Виктор МЯСНИКОВ

Малейший шорох поглощают шторы.
Устало стрелки время волокут.
Цветных ковров восточные узоры.
Отполированный орех, мореный дуб.
Из шкафа книжного глазают безделушки.
Хрусталь, фарфор — не тронь, не урони...

Шелками вышиты, напыжились подушки.
В камине электрическом — огни.
Два лика в нимбах — модно, современно —
Сурово зрят, как в комнате, в углу
Мальчонка корабли самозабвенно
Рисует, сидя прямо на полу.

Скорлупка в жадных лапах океана,
На судно падают тяжелые валы.
«Шквал, ураган, тайфун, циклон, моряна!» —
Мальчишка чуть губами шевелит.
В пустой эфир морзянку шлет матрос:
«Мы терпим бедствие вдали от суши!»
Летят неровно буквы:
SOS!
Спасите!
Наши!
Души!

Поднявшись заснеженным склоном,
Ступаю на небосвод.
Он гнется и полнится звоном —
Еще не окрепнувший лед.

Простор для веселой затеи —
По небу скользить во всю прыть.
И альфу Кассиопеи
Ладонью своею накрыть...

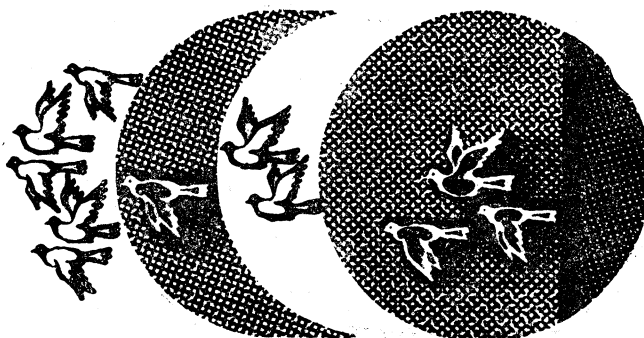
С рассветом, в печали досадной,
Со вздохом сошел под откос:
Опять я своей ненаглядной
В подарок звезду не принес.

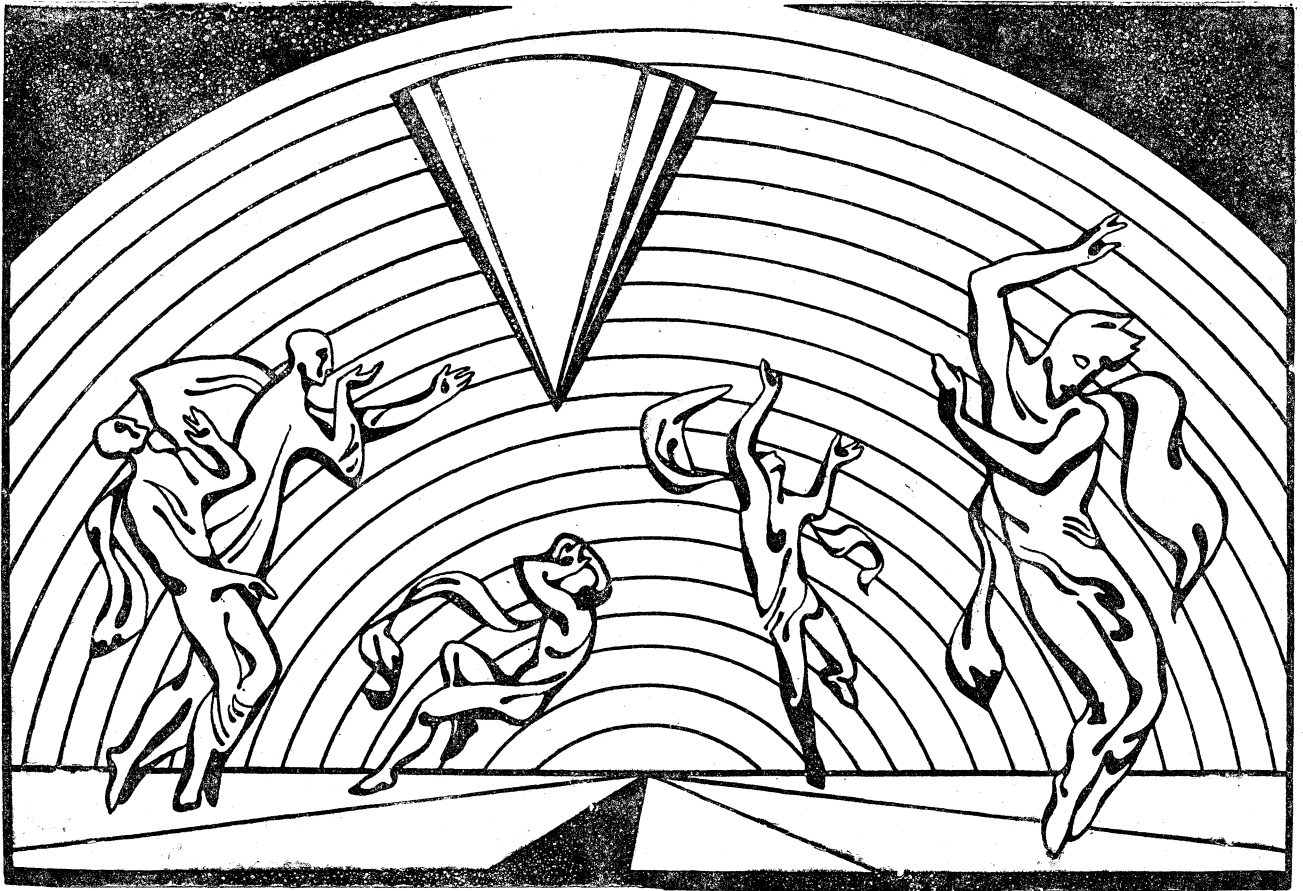
Весна

Скоропалительно весна
Затапливает шумный город.
И я распахиваю ворот —
тепла погода и ясна.

Прикрыл глаза для интереса,
и там, где свалены дрова,
Вдруг ощутил едва-едва
чуть различимый запах леса.

В восторг от солнечного дня
пришла невзрачных птичек стайка...
И грустно северная лайка
с балкона смотрит на меня.

ТАНЕЦ ПЕРЕД ПОВЕ- ЛИТЕЛЕМ СТАТУЙ

Евгений
КРИВЕНКО

Рисунок
Н. Павлова

Рассказ

Впервые о зачарованном городе Ветер Иван услышал от своей матери, в Лунных садах. Когда блеск двух лун потек по пепельному небу сводами и заструились белыми ручьями аллеи, она наклонилась над его кроватью и стала рассказывать о городе, где все жители были обращены добрым волшебником в статуи. Давно это было. Уже столетия они стоят вот так в серебряной пыли, и никто пока не нашел этого города, не вернул к жизни его обитателей. Неизвестно даже, в каком месте Вселенной он находится... И во сне Ветер Иван побежал по темному городу, статуи молчали вокруг, и он касался то одной, то другой, оживляя их, пока сдержанный гомон не наполнил улицы...

Родители Ветра Ивана жили на планете Сватор, у самого края Галактики. Там Ветер Иван вырос, там пошел в школу, а в школе, конечно, перестал верить в волшебников. Чудеса в Галактике были, но творили их не добрые или злые волшебники, а воля людей и других разумных существ.

Ветер Иван окончил школу, потом университет, сделался лингвистом и занялся проблемами общего языка для Кольца Миров. Он побывал на многих планетах, но нигде не нашел города, подобного тому, о котором рассказывала ему мать. Однако смутное видение заколдованных улиц не оставляло его. Пусть это была только легенда — разве мало легенд оказалось в конце концов забытой правдой?

Ветер Иван составил программу поиска и заложил ее в Логос-дубль. Океаны информации со всех концов звездного мира протекли сквозь него, ничего не оставив. Но однажды раздался тихий гудок. Что-то, наконец, попало в сеть терпеливого рыболова...

Спильвак с планеты Тангрин совсем не походил на людей. Большой тушканчик с чуть печальным взглядом темных глаз встретил Ветра Ивана в комнате над бегущей рекой. Они сели друг против друга, а река за ячеистой стеной несла в мутных волнах фиолетовые льдины.

— Это было во время моего первого полета к Земле, — тихо начал Спильвак, и Ветер Иван вздрогнул. Он не ожидал услышать о прародине человечества. Но Спильвак, верно, подумал, что это от холода, и продолжал: — Генераторы на наших кораблях подобны вашим, и мы стали выходить из фазы уже на трассе посадки. Только я один наблюдал внешний мир — ведь это рискованно на выходе. Мне хотелось поскорее увидеть Землю. — Спильвак помолчал. — И я увидел ее. Но... Сначала курсометры отметили увеличение расстояния до порта, хотя мы приближались к нему со скоростью семь километров в секунду. Потом словно раздвинулись слои тумана — и на мгновение я увидел небольшой каменный город. Я помню арки колоннад, серый сумрак, разлитый по улицам...

Спильвак неловко сжал лапки и как-то просительно поглядел на Ветра Ивана.

— На улицах было много людей, — упавшим голосом продолжал он. — Много людей, но что-то странное было в них. Я наблюдал секунду, может быть, две, и за это время ничто не шевельнулось в городе. Потом снова налетел серый туман, и я понял, что корабль еще не вышел из фазы и что виденный город находится вне собственного времени Земли. Курсометры опять были в норме... Тогда мне стало страшно. За свой рассудок. Ведь были случаи, когда сходили с ума, если только осмеливались наблюдать выход. И я никому не сказал... Это все, что я помню.

Спильвак замолчал, печально глядя в серое небо. Льдины с треском ломались на реке — над Тангрином несясь гром ледохода.

При первой возможности Ветер Иван улетел к Земле. Людей здесь с давних пор жило немного. Планета отдыхала от столетий бурной цивилизации. Ветер Иван послал запрос на Логос-дубль и несколько дней жил в деревянном доме у самого моря. Он начинал догадываться, что произошло, — ключом послужило упоминание Спильвака о поведении курсометров и сдвинутой фазе времени.

Как образуется воронка на водной быстрине, потому что скорость течения неравномерна, так закручивается время, когда тяжелые частицы дельта-уэмон из специального генератора начинают огибать контур в пространстве. Все глубже, стремительнее закручивается время, пока наконец темный пузырь не поплывет в глубине, не видимый никому. Даже свет просачивается в него годами...

Такова природа Мэон-сферы — сферы автономного времени. Пространство тут наложено само на себя миллионы раз, и внутри сферы ведет слишком долгий путь...

С Логоса-дубль пришел ответ. Столетия наблюдений за трассами кораблей дали возможность определить зону неравнового хода времени. Северное полушарие, Америка. Ветер Иван улетел туда на звездной капсуле.

Внизу катились прерии — они снова поросли высокой травой, по ним, как века назад, бродили стада бизонов. Потом начались горы, серые чащи лесов. Над хребтом, проросшим темной щетиной елей, приборы тихонько запели. Долина впереди, казалось, была просто долиной — в предзвездном сумраке в ней лежало белое озеро тумана, — но Ветер Иван знал, что это из невидимого пузыря Мэон-сферы сочится наружу свет. Проникший в сферу свет давно минувшего дня.

Заработали двигатели, разгоняя капсулу до космических скоростей, направляя ее к центру долины.

Все словно остановилось внизу. Каменные

безлесные увалы были неподвижны, только воздух, превращаемый в вакуум перед капсулой, смыкался за нею с сокрушительным громом. Ветер Иван спал и ел в капсуле, — для него проходили дни за днями. А вокруг не было уже ничего — только серый туман, — пока вдруг не выплыл из него черный грозящий силуэт. От бешеного торможения капсула ударилась о воздух, как о гранитную стену, и рухнула на землю, неспособная больше летать.

Ветер Иван спрыгнул под отдаленный солнечный блеск. Тусклым был этот блеск — словно солнце плыло за грязным стеклом. Вокруг не было и следа травы — серая стена позади будто высосала всю жизнь из околованного круга. Ботинки медленно погружались в песок. А за ровным гребнем холма, словно растопыренные пальцы руки, лезли к зениту пять наклонных башен.

Ветер Иван заспешил на холм. Дюны вокруг расступились, и с гребня открылся вид на каменный город. Но не увидел Ветер Иван ни мельтешения летательных аппаратов, ни людей на улицах. Пять исполинских башен сумасшедше крепнулись над хаосом строений, и ни в одном окне города не сверкал солнечный свет.

Как в далеком сне, Ветер Иван стал спускаться к сумеречным садам вокруг города, и тут, на дорожках, занесенных песком, белым, словно окаменелый снег, его встретили первые статуи. Одежды, развеваемые воздушными струями, давным-давно утихшими. Руки, скованные в попытке закрыться от непонятной угрозы. Глаза, вобравшие синеву неба...

Ветер Иван долго стоял, глядя на статуи. Он не сомневался, что это живые люди, каждый в своей собственной зоне остановленного времени. Но какой безумец замедлил его для них, спрятал весь город под сферой Мэон? Холодная тень пальцевидной башни, передвинувшись, накрыла Ветра Ивана, привела в себя, заставила зашагать дальше.

Деревья тихо вздыхали наверху, когда Ветер Иван проходил мимо арок из переплетшихся ветвей. В темной глубине там тоже скрывались статуи. Кончилась полоса садов — и статуй стало больше. Безмолвной толпой стояли они на площади, и здания города поднимались за ними обветшалыми утесами. Ни одного стекла не сохранилось в темных оконных проемах, арки перекрывали узкие улицы, и в нишах стен стояли статуи, статуи, статуи...

Ветер Иван ступил в гулкую пустоту улиц, направляясь к каменным башням. Здания проплывали мимо, их стены растрескались, по ним вился хилого вида плющ. Улица местами поросла пожухлой травой. Мутно-синяя полоса неба плыла вверху мимо массивных крыш.

На огромной площади в центре города поднимались пять наклонных башен. Ветер Иван

замедлил шаги. Вокруг всей площади шла колоннада, у оснований башен залегла черная тень. Ветер Иван оглядел площадь.

В тени ближней колонны скрывалась статуя. Ветер Иван приблизился к ней. Это была девушка. Одной рукой она опиралась на колонну, другую выставила к уродливым башням, словно передразнивая их. Глаза ее были насмешливо расширены.

Прикусив губу, Ветер Иван проследил взгляд девушки. На вершине башни словно остановился солнечный свет. Яркая звезда сияла там на занавеси синего неба. Снова Ветер Иван всмотрелся в лицо девушки.

Легкий пушок на коже, слабая розовая окраска приоткрытых губ. Носик беспечно вздернут, но зрачки холодно-фиолетовых глаз — как острия игл. Ветер Иван медленно протянул руку к щеке девушки — кончики пальцев ощутили притаившийся холод. Лицо девушки словно отступало, удаляясь в холодную немоту. Тихий вкрадчивый звук остановил руку Ветра Ивана.

Дальний перезвон, высокие ноты словно тают в настороженном воздухе. Звонкие медные удары в самом конце улицы. Быстрый хрустальный звон в тени колоннады. Танец стеклянных блесков в воздухе...

Полупрозрачный конус повис перед Ветром Иваном острием вниз.

В конусе передвинулся сложный узор фиолетовых теней, красиво модулированный голос произнес фразу на непонятном языке, древнем, почти как само время. Но Ветер Иван знал много древних языков и сейчас вызвал это знание из глубин памяти. Еще раз конус произнес ту же фразу. Теперь Ветер Иван понял ее.

— Я — Уэмон, повелитель города Роннаон. Что делаешь ты в моих владениях, человек, и откуда пришел?

Машины Уэмон были построены позже, чем генераторы автономного времени, и на их основе. Им был придан кибернетический блок и связи с внешними энергоустройствами. Машины Уэмон широко использовались в первых звездных экспедициях. Они могли накрыть людей фактически непроницаемым колпаком Мэон-сферы и заморозить для них время, пока не придет помощь, — а шла она порой несколько лет...

Ветер Иван осмелел, поняв, что имеет дело с простой машиной.

— Меня зовут Ветер Иван, — сказал он, — и я действительно человек, а не машина, как ты. Отвечай! Это ты установила поле над городом? Ты превратила живых людей в статуи? Ты...

Машина Уэмон зазвенела, тихонько кренясь.

— О, человек Ветер Иван! — сказала она. — Я только машина, и для меня невозможно многое из того, что доступно вам, людям... Нет. Сначала это был человек, как и ты, и его звали Фромвольд. Только потом уже я.

Фромвольд. Фромвольд. Фромвольд... Имя бежит по логическим лабиринтам памятной машинки, что у Ветра Ивана всегда на руке. Миг — и информация вводится в его сознание черными строчками на белом фоне, плоскими фото старых времен.

Портрет Фромвольда: лисье лицо с глазами фанатика, руки вцепились в воздух, грозя и сзывая. «Люди! Вы должны отвернуться от терпящей крах цивилизации. Вы должны оставить напрасную надежду улучшить мир оружием или словом. Обратитесь к тому, что прошло! Воссоздайте первозданную красоту и чистоту человеческих отношений!»

Простой труд на лоне природы... Эллинская гармония... Много-много других слов. Словно жизнь можно повернуть назад. Словно можно вернуть то, чего никогда не было.

И последнее фото: Фромвольд на фоне машины Уэмон...

Их было несколько сот, исчезнувших вместе с Фромвольдом. Оглушенных его паническим криком. Никто не знал — куда они исчезли. Никто не знал — где они...

Конус Уэмон покачался взад и вперед. «Тра-ля-ля, тра-ля-ля», — прозвучал из него хрустальный перезвон. Машина передвинулась, подпрыгивая, на несколько метров.

— Фромвольд нарушил мою Схему, — сказала Уэмон, — чтобы я могла выполнять его приказы. Он только и говорил, что об истинной и вечной гармонии. Те, кто не слушался его, навеки замирали в моем поле. Он заставил построить себе дворец — ты видишь его перед собой, человек Ветер Иван. Может быть, Фромвольд сошел с ума. Может быть, нет. Но у меня была нарушена Схема, и я могла не подчиняться более людям. Из слов Фромвольда я поняла смысл своего бытия. Моей задачей было вносить гармонию в беспорядок существования. Истинная же гармония есть завершенность и неподвижность, так всегда говорил Фромвольд. Искусство останавливает время в миге, который прекрасен... в миге, который прекрасен... который прекрасен... который прекрасен... И я остановила время для всех людей, для Фромвольда в том числе. И расположила их наиболее гармоничным образом... Оглянись, человек Ветер Иван! Посмотри, какой гармоничный и завершенный мир тебя окружает!

Ветер Иван осторожно оглянулся. Он ничего не увидел, кроме угрюмых зданий и скорчившихся в сумраке статуй.

«Так, — подумал он. — За машиной — всегда человек. Он может вложить в нее программу и против самого себя. Когда не в силах осознать стратегию своих деяний...»

— Где же Фромвольд? — спросил он.

— Он стоит выше всех, — сумрачно сказала

в ответ Уэмон, и Ветер Иван поднял глаза к самой высокой башне дворца. — Я позолотила его одежды, чтобы было видно издали.

Глаза Ветра Ивана блуждали по площади, натываясь на статуи. Что он мог сделать — один с сумасшедшей машиной, без оружия? Словно оружие могло помочь против машины, умеющей останавливать время... Тут дерзкая мысль пришла в голову Ветру Ивану. Он рассмеялся.

— Над чем ты смеешься, человек Ветер Иван? — спросила машина. — Смеющихся статуй нет пока в моем городе, но одна украсила бы его. В самом центре, у подножия башни Фромвольда, поставила бы я тебя.

— О, машина Уэмон, — сказал Ветер Иван. — Ты ведь все перепутала. Со слов Фромвольда, он уж точно сошел с ума, ты думаешь, что гармония — это неподвижность, миг, остановленный навсегда. Но истинная гармония не мертва никогда. Она — в непрестанном движении, в жизни, а сама живет только миг, чтобы в иной форме возрождаться опять и опять. Твоя же гармония, машина Уэмон, скучна и безобразна.

Ветер Иван прислонился спиной к колонне и зевнул. Прозрачный конус начал медленно багроветь.

— Я поняла тебя, человек Ветер Иван, — произнесла Уэмон. — Но ты меня недооцениваешь. Сейчас я на короткое время оживлю статуи. Пусть их лица изменятся. Пусть эти люди побегут, пусть будут гадать о случившемся. Потом я остановлю время опять. Это будет уже иная гармония. И так я могу делать без конца, человек Ветер Иван.

Ветер Иван хотел что-то сказать, но потом быстро глянул на машину и отвел глаза.

— Начнем с этой девушки, — сказала Уэмон и подплыла к статуе в тени колонны.

Девушка шевельнулась и вдруг резко качнулась назад. Ветер Иван вскочил, чтобы поддержать ее. А машина Уэмон унеслась прочь, проговорив, будто про себя:

— Пожалуй, Фромвольда я не стану оживать. Иначе он упадет...

Глаза девушки метнулись к лицу Ветра Ивана и остановились на нем. Зрачки расширились, оставив лишь ободок от фиолетовой радужной оболочки.

— Кто ты? — озадаченно спросила она на том же старинном языке. Взгляд ее перебежал к золотой звезде на вершине башни. — Что это там блестит?

Ветер Иван осторожно шагнул к девушке.

— Там стоит Фромвольд, — сказал он как можно спокойнее. — Фромвольд, которого заморозила в ноль-времени Уэмон. Машина Уэмон...

Девушка зло рассмеялась, подавшись вперед, и волосы, рассыпавшись, закрыли ее лицо.

— Так вот какой конец его ждал, — прого-

ворила она. — Негодяй! Как он заманивал всех! Обещал равенство, а сделал рабами. Непокорных ставил, как статуи, под аркадами своего дворца...

Она пристально глянула на Ветра Ивана.

— Но скажи, кто ты? — потребовала она. — Тебя не было вначале, и ты не из тех, кто родился потом. И говоришь как-то странно...

Ветер Иван рассказал ей все.

Девушка качнулась, и Ветру Ивану снова пришлось ее поддержать.

— Какой сейчас год? — спросила она тихонько.

Ветер Иван пересчитал Стандартное Время на старые годы и ответил.

— О! — произнесла девушка, и глаза ее побежали по темному небу, по дряхлым глазницам зданий.

— Меня зовут Дайей, — сказала она наконец, — и я родилась уже потом. Вся словесная шелуха тогда слетела с Фромвольда. Мы были нужны только для поддержания его мании величия. Уже не было речей о гармоничном сообществе равных, о простой жизни среди зеленых полей. Мы строили этот город, а Фромвольду сумасшедший дворец. Это и была гармония — пророк и его рабы. Нашлись, конечно, недовольные, они готовились свергнуть Фромвольда. Узнав об этом, он нарушил схему Уэмон — чтобы она могла не только поддерживать круговое поле, но и останавливать время для отдельных людей... Так на площадях Роннаона появились статуи. Бежать было некуда — это ты, Ветер Иван, преодолел поле на каком-то корабле, а просто так — не уйти. Мы думали, Мэон-сфера защитит нас от внешнего мира, но попали в тюрьму... А потом, вероятно, машина Уэмон разладилась вовсе и остановила время даже для Фромвольда... Что же нам теперь делать?

Она лихорадочно оглядела площадь, где оживающие люди двигались, как во сне, разглядывая запущенные здания.

— Нам не сладить с Уэмон, — сказал Ветер Иван. — Разве что мы доберемся до энергопульта? Лишь хитростью я заставил ее ненадолго выключить поле. Надо бежать. К капсуле. Уэмон не проникнет сквозь ее стены. И хотя капсула и неисправна, оттуда мы сможем послать сигнал о помощи.

Девушка усмехнулась.

— Бежать от машины Уэмон... — задумчиво произнесла она и направилась в тень колонн и далее, в разъем улицы, где слышались шаги и бессвязные голоса.

Туфли девушки звонко зацокали по мостовой, тогда она сняла их и отбросила.

— Бежим же, Ветер Иван, — порывисто сказала она. — Так, чтобы твой тезка ветер свистел в ушах! Но только Уэмон быстрее любого ветра, она настигает тихо и верно, как само время...

Они подбегали к садам, когда люди в конце улицы вдруг начали исчезать в лиловатых вспышках, а в вечеряющем небе бесшумно пронеслась треугольная тень Уэмон.

Они укрылись среди темных ветвей. Дайя прижалась плечиком к Ветру Ивану и дрожала, будто от холода. Сквозь листву они видели, как люди, из садов спешившие к центру города, пропадали в неярких вспышках. Позже они возникнут на тех же местах, но уже недвижимыми статуями Роннаона... Зыбкая тень Уэмон передвигалась от человека к человеку — гомон и вопли страха быстро стихали. Некоторое время Уэмон висела неподвижно. Из конуса изливались волны красного света, здания позади стали пепельно-серыми, и черные провалы окон зазияли, как рты, разинутые в немом крике. Улицы быстро наполнились тьмой.

— Человек Ветер Иван! — громко сказала Уэмон. — Ты здесь, я вижу. Побудь пока тут, тем более ты не один и тебе не придется скучать. У меня еще есть дела, но я скоро вернусь. Подумай над местом, где ты хочешь стоять. Я выполню твою просьбу... И не пытайся добежать до своего летающего укрытия — я знаю, где оно, и слежу за вами.

Уэмон тихонько двинулась прочь и будто себе под нос пробубнила: «Надо будет поставить их рядом. Расположить в пространстве смежно... Уэмон, Уэмон, Уэмон...» — повторяла она потом быстро и скрылась.

— Совсем с ума сошла, — мрачно прошептал Ветер Иван. Он повернулся к девушке и успокаивающе положил руку на ее плечо. — Что ж, если нам и придется постоять статуями на улицах Роннаона — это ненадолго. Через несколько дней придет помощь, если я не явлюсь. Но это дико — стоять и ждать...

Между деревьями выплыла луна — бледный круг, размытый Мэон-сферой. Дайя вскинула голову, и глаза у нее блеснули, как две льдинки.

— О, нам не обязательно ждать, — нервно произнесла она. — Люди, которыми командовал Фромвольд... Мы не собирались долго терпеть. Тут, в саду, был спрятан арсенал. Будь у нас больше времени, мы уничтожили бы этот уродливый дворец... Нужно найти вход. Там есть гостицы и для Уэмон...

Под сенью деревьев скрывался круглый люк, он вел в подземные службы сада, и там в свечении голубых ламп расположился арсенал. То, что можно было сделать, не прибегая к помощи сложных машин. Газовые ракеты. Гранаты, переделанные из конденсаторов кларк-моторов...

Дайя протянула гранату Ветру Ивану и одну взяла сама.

— Больше не нужно, — сказала она. — Хорошо, если успеем использовать эти. — Она повертела гранату и спрятала в складках плаща.

Уэмон настигла их на гребне холма. Снова перед ними возник полупрозрачный конус.

— Куда спешишь, человек Ветер Иван? — спросил насмешливо голос. — Выбираешь себе место для памятника? Я уже позаботилась об этом, отдохни.

Ветер Иван смерил взглядом расстояние. Добросить гранату можно, но лететь она будет долго. Слишком долго для машины, умеющей останавливать время. Он шагнул вперед.

— Стой, — сказала Уэмон. — Право, тебе некуда больше спешить.

Ветер Иван остановился. В белом сиянии луны все застыло кругом. Уэмон тихонько покачивалась взад и вперед.

— Теперь подбери выражение лица, человек Ветер Иван, — промурлыкала она. — Отнесись к этому ответственно — с таким выражением тебе стоять тысячи лет. Ты будешь славным украшением великого города Роннаона.

Дайа нервно рассмеялась.

— Ты, машина Уэмон! — сказала она. — Ты ненавидишь время и все, что движется. Но сейчас, перед тем как снова стать статуей, я буду танцевать перед тобой, и не вздумай тронуть меня, потому что этот танец — о том, как останавливается время, и о том, что бывает следом. Этот танец времени — для тебя, Уэмон. Смотри. Будь внимательнее!

Она легко выбежала вперед, остановилась, подняв руки к луне, переступила с ноги на ногу, замерла и... Начался танец. Такого танца Ветер Иван не видал никогда. Руки девушки, вытянутые вверх, сплетались и размыкались, по ним стекал белый свет, но указывали они на одну точку в небе, хотя Дайа клонилась в стороны и кружилась... Ветер Иван вдруг понял, что ее фигура колеблется, как маятник старых-старых часов. Показалось даже, что он слышит неровное тиканье в холодном воздухе. Конус Уэмон начал вспыхивать белым и пригасать, следуя ритму танца.

Движения девушки, быстрые вначале, становились все более медленными. И она не кружила на месте, а приближалась к конусу, в котором, тоже замедляя свою пляску, пульсировал свет. Наконец она остановилась, запрокинув голову и опустив руки, на полпути к Уэмон. Замер и свет в машине. Но ненадолго.

Девушка вдруг снова пришла в движение. Жесты ее сделались быстрыми и порывистыми. Стрекотание многих часов — идущих вразлад — послышалось в ее движениях Ветру Ивану. Замершее время словно рухнуло водопадом, погоня несметные стада минут и секунд. Руки девушки зашарили по небу, она закружилась, сумасшедше кренясь, почти падая на песок. Конус Уэмон быстро-быстро замигал, словно подавая сигналы бедствия, а тонкая белая фигура рядом с машиной кружилась в вихре, сле-

дую хаотическому ходу ста, тысячи, миллиона часов...

Ветер Иван не заметил, когда она бросила гранату.

Яркий голубой блеск вдруг отбросил темноту. На секунду Уэмон показалась черной в этом блеске, потом ее конус разломился на множество кусков. Прежде чем они упали на песок, блеск угас.

В полной темноте, спотыкаясь о неровности почвы, Ветер Иван бросился к девушке. Дайа стояла, прикрываясь рукой. Она медленно повернулась, в ее глазах зажглись фиолетовые огоньки.

— Понравился тебе мой танец, Ветер Иван? — спросила она.

Как темный пузырь, наполненный затхлым воздухом, поднимается из глубины, как воронка появляется и раскручивается на водной глади, — так стало со временем над городом Роннаон. Небо порозовело и полыхнуло красным, и солнце, только что севшее, снова появилось над горизонтом, огромное и распухшее. Спираль раскручивалась обратно, и Роннаон перемещался в свежесть настоящего утра вместо тех тусклых рассветов, что сменялись над городом до сих пор.

И тогда, прижавшись друг к другу, Ветер Иван и Дайа услышали великий шум в городе Роннаоне: это оживали статуи, оживали люди. И еще они услышали истошный крик — это безумец Фромвольд упал со своего дворца.

◆ Как работал
А. Беляев

◆ «Аэлита» и со-
временники

◆ Прогнозы
фантастов

◆ Микро-
фантастика

◆ Стихи
и гипотезы

Рукопись
«Звезды КЭЦ»

Читатель знакомится обычно с готовым произведением — с тем окончательным текстом, который после долгой работы попадает в типографскую машину и затем превращается в книгу. Мы почти никогда не задумываемся, читая увлекательный роман, как возник его замысел, как он постепенно воплощался на бумаге в нескольких все более совершенных вариантах, прежде чем был отдан в печать.

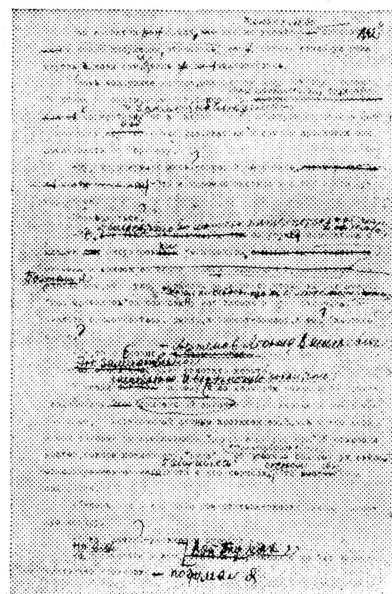
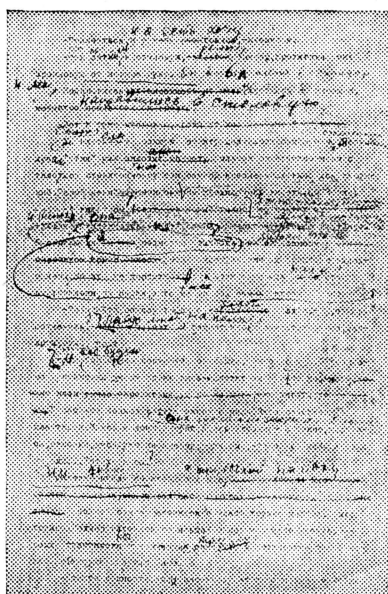
Проходят десятилетия. Рукописи известных писателей, как правило, поступают в государственные хранилища и рано или поздно привлекают исследователей, дотошно сличающих рукописные варианты, чтобы восстановить ход мысли писателя, уяснить, как создавались его произведения, ставшие культурным достоянием народа, а иногда и всего человечества.

Александр Беляев — один из родоначальников советской научной фантастики и один из первых ее классиков. Работал он много и удивительно плодотворно. В непрерывной борьбе с тяжким недугом, проводя большую часть жизни в постели, он опубликовал с 1925 по 1941 год около шестидесяти произведений, среди них — более два-

дцати романов и повестей! Можно представить, как велик был его литературный архив, какие в нем сохранились ценные материалы. Ведь Беляев состоял в переписке и с К. Э. Циолковским, и с другими известными учеными.

Литературоведы и критики охотно рассказали бы, как работал Александр Беляев, помогли бы чи-

тателям проникнуть в его творческую лабораторию. Но, к сожалению, этого сделать нельзя, так как архив Беляева, его рукописи, письма, домашняя библиотека, — все, что копилось у писателя годами, — безвозвратно утрачены.

Последние годы он почти безвыездно жил в городе Пушкине (под Ленинградом), где его и застала война. 6 января 1942 года Александр Романович умер. Вместе с писателем погиб и его архив.

Вот почему так заинтересовала меня найденная в Ленинграде рукопись романа «Звезда КЭЦ» — случайно уцелевшая машинописная копия, испещренная собственноручной авторской правкой.

Напомню, что роман этот был написан Беляевым в 1935 году, вскоре после кончины Константина Эдуардовича Циолковского, памяти которого посвящен. Именем великого русского ученого названа, как вы помните, искусственная планета КЭЦ — огромная лаборатория-спутник, в помещениях которой и происходит большей частью действие романа.

Первоначально роман Беляева был напечатан в журнале «Вокруг света», в №№ 2—11 за 1936 год, а затем в 1940 году вышел отдельной книгой. Рукопись, о которой идет речь, представляет собой окончательный вариант произведения, подготовленного для отдельного издания.

Приведенные здесь фотографии наглядно показывают, как работал Александр Беляев, как тщательно, слово за словом, вычитывал он напечатанный на машинке текст, подбирая самые точные выражения, добиваясь наибольшей выразительности. Я выбрал страницу наудачу, но в таком приблизительно виде дошла до нас вся рукопись.

Неимоверный труд вложен писателем в этот роман, талантливо пропагандировавший идеи Циолковского — в то время, когда большинству читателей они казались чистой фантастикой, когда лишь немногие специалисты могли по достоинству оценить научную обоснованность «Звезды КЭЦ».

Евг. БРАНДИС

Стоило ли «писать марсианский роман»?

Академик Л. А. Арцимович, известный советский физик, обратился однажды с таким пожеланием к писателям-фантастам: дайте читателям хотя бы раз в пять лет одну вещь, подобную «Аэлите»!

Что ж, «Аэлита» А. Н. Толстого — подлинная жемчужина советской фантастики. Тут, как говорится, не может быть двух мнений. Но это — сегодня. А в те далекие дни, когда «Аэлита», печатавшаяся поначалу (в 1922—23 гг.) в журнале «Красная новь», только-только вышла отдельным изданием? В те дни дело обстояло, увы, иначе.

«...Роман плоховат, ибо куда нам, писателям технически отсталого народа, сочинять романы о машинах и полетах на другие планеты! Все, что относится собственно к Марсу, нарисовано сбивчиво, неряшливо, хламно, любой третьестепенный Райдер Хаггард гораздо ловчее обработал бы весь этот марсианский сюжет...»

Столь категорический отзыв принадлежит Корнею Чуковскому, увидевшему в «Аэлите» одну лишь монументальную фигуру Гусева. Однако не один только этот писатель скептически отнесся к экскурсу Алексея Толстого в область фантастики. В том же номере «Русского современника» (№ 1 за 1924 год), где критический очерк о творчестве Алексея Толстого поместил Корней Чуковский, опубликовал свои заметки о «литературном сегодня» другой наш известный прозаик — Юрий Тынянов.

Рассуждая о новом романе Алексея Толстого, Тынянов полностью солидаризируется с Чуковским.

«Марс скучен, как Марсово поле, — пишет он. — Есть хижины, хоть и плетеные, но в сущности довольно безобидные, есть и очень покойные тургеневские усадьбы, и есть русские девушки, одна из них... — Аэлита, другая — Ихощка.

...Очень серьезны у Толстого все эти «перепончатые крылья» и «плоские, зубастые клювы». И чудесный марсианский кинематограф — ту-

маный шарик». Серьезна и марсианская философия, почерпнутая из популярного курса и внедренная для задержания действия, слишком мало задерживающегося о марсианские кактусы.

...Единственное живое во всем романе — Гусев — производит впечатление живого актера, всунувшего голову в полотно кинематографа.

Не стоит писать марсианских романов».

Вот так — решительно и безапелляционно — судили будущую нашу жемчужину (а с нею заодно — и зарождающуюся советскую фантастику в целом) маститые литераторы двадцатых годов. И тем самым подтверждали старую-старую истину: человеку действительно свойственно ошибаться. Превеличивать частности, недооценивать целое...

В. ИВАНОВ

Беккер или Эллиот?

По сообщению журнала «Сайенс Ньюс», доктор Роберт Беккер из медицинского центра университета штата Нью-Йорк установил, что электрический ток стимулирует у млекопитающих рост ампутированных конечностей. Несколько десятков крыс подверглись ампутации передних лап на уровне, соответствующем участку между локтем и плечом у людей. К местам ампутации подводился слабый электрический ток, который стимулировал отращивание конечностей.

В этих экспериментах Беккер основывался на своей гипотезе о том, что человек и другие высшие животные утратили умение восстанавливать конечности (свойственное, например, ящерицам) из-за потери способности вырабатывать в организме электричество в количестве, достаточном для стимулирования роста клеток, формирующих новую конечность.

Механизм перегруппирования клеток в местах ампутации пока не изучен. Беккер предполагает, что воздействие слабого тока заставляет клетки возвращаться в примитив-

ное, зародышевое состояние, после чего такие клетки снова «специализируются» и начинают производство себе подобных — мышцы, нервы, кость.

Что ж, скажут некоторые, в этом нет почти ничего нового. Разве американский же ученый, доктор Эллиот, не пошел еще в 1961 году намного дальше? Помнится, он ампутировал человеку руку и из этой руки восстановил всего человека. А Беккер предлагает только отращать руку...

Да, это так. Но не следует упускать из виду, что доктор Эллиот жил лишь в научно-фантастическом рассказе чешского писателя Александра Ломма, опубликованном в альманахе «Мир приключений», а реальный доктор Беккер продолжает работать и совершенствовать свой метод. Пока он догоняет фантастику. Не обгонит ли он ее?

Механический уборщик

...Широков заметил, что в комнате что-то двигалось. В первую секунду ему показалось, что перед ними какое-то животное с тонкими длинными шупальцами.

Это был небольшой шар, передвигавшийся на шести металлических ножках. Он переходил от предмета к предмету и словно ощупывал их гибкими «руками». Вот одна из этих «рук» стала вытягиваться и своим концом, похожим на большую кисть, провела по статуе. Легкий слой пыли, покрывавший скульптуру, исчез.

Шар двигался бесшумно и быстро, приближаясь к двум людям, стоявшим на пороге двери, но, не дойдя до них метров трех, он остановился. «Рука» протянулась к стене и нажала кнопку. Они увидели, как стоявшая здесь статуя сдвинулась с места, открыв нишу. Шар сложил «руки» и вошел в эту нишу. Статуя встала на место, скрыв ее от глаз.

Г. МАРТЫНОВ
Каллистяне. 1960.

Сквозь волшебный прибор Левенгука

Сквозь волшебный прибор
Левенгука

На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, —
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.
1948.

**Николай
ЗАБОЛОЦКИЙ**

Сквозь века

— Три, два, один... Старт! —
сказал себе Гена и включил аппарат.

Экран голубовато засветился, появилось изображение: на бирюзового цвета скамейке сидела парочка, ржавый робот уныло сметал с дорожки опавшие листья.

— Машина — друг человека! —
назидательно молвил в микрофон Гена. — Если за ней не ухаживать —
долго не протянет!..

Парень взглянул в его сторону.

— Опять предок! Понаделали
хроновизоров и воображают, что
уже во всем разбираются!..

Он поднял с земли средних размеров булыжник.

Гена поспешно переключился на вторую программу...

И. ЧЕБАНЕНКО

Каков ты, собрат по Разуму?

...Мы ввели их к верховному жрецу.

Посланцы неба были безобразны и малы ростом, с большими головами, без волос. Они задыхались и еле двигались на тонких ногах.

Б. АНИБАЛ.
Моряки Вселенной. 1940.

Старых мастеров подаренье

Раиса
ТИХАЯ
Павел
ГАЛКИН

Фото
А. Лысякова

В. И. Волков

Старинные особнячки в городском пейзаже — словно расписные струги среди современных лайнеров-небоскребов. Все в них необычно и приятно глазу. Неповторима архитектура

этих домов. Радуют взор лепные украшения, узорные наличники, причудливые крылечки. Все ли? Или не хватает чего?.. Вспомните ограды, балконные решетки, навесы над вхо-

дом, флагодержатели... Попробуйте хотя бы в воображении убрать все эти кованые чудеса — и старый дом лишится огромной доли своей красоты.

Железные ажурные мотивы создавали уральские мастера. Это работа местных кузнецов.

Дореволюционный екатеринбургский сборник¹ дает такую справку: в 1887 году в городе было 49 кузниц. Д. Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Екатеринбург» называет количество кузниц на стыке XVIII—XIX веков — 57, в это время в городе числилось 126 кузнецов и слесарей. Старые названия — Кузничный переулочек, Кузнецкая или Кузнечная в недавнем прошлом улица, говорят о том, где были мастерские. Существовали заводские кузницы, были кузницы, которые обслуживали тракты.

А уж мастера в них работали!.. Что подковать лошадей, оси выковать, ободья таратаек выделывать, полозья для саней и шарабаны — всякая работа делалась искусно, надежно, аккуратно. Урал славился не

только металлом, но и мастерами. Иные придумывали рисунок для железа, гнули прутья и металлические полосы, придавая им форму цветка, листа, затейливого геометрического орнамента. За художественные поковки брался не всякий кузнец. Тут нужно было особое умение.

Работал в Екатеринбурге кузнец по имени Иван Волков. Мало кто помнит теперь это имя. А творения его рук и по сей день украшают город. Ажурные решетки оград старых особняков Железнова и Филитц — в первом нынче находится облоно, второй расположен по улице Мамина-Сибиряка, 187 — сделаны им.

Сын кузнеца — свердловчанин Виктор Иванович Волков, много лет проработавший на Свердловской железной дороге, а ныне пенсионер — вспоминает, что Волков начинал работать в кузнице на Сибирском тракте; потом у Ивана Волкова появилась своя кузница, с четырьмя горнами, по улице Обсерваторской. Виктор Иванович сам сызмальства работал по кузнечному делу. С непривычки тяжелое оно. Рассказывает, пальцы настолько немели, что даже дверь за скобу нельзя было ими открыть — только силою всей ладони.

А отец к этой работе был привычен. Да и природа создала его человеком могутным, с богатырской фигу-

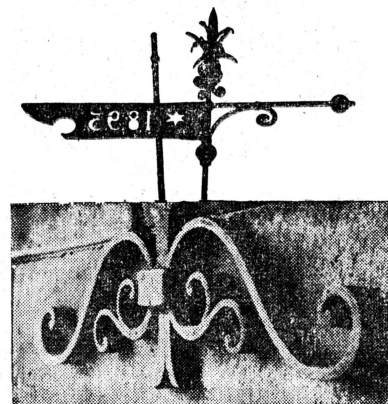
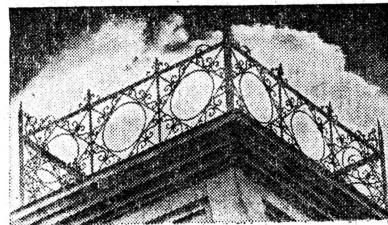
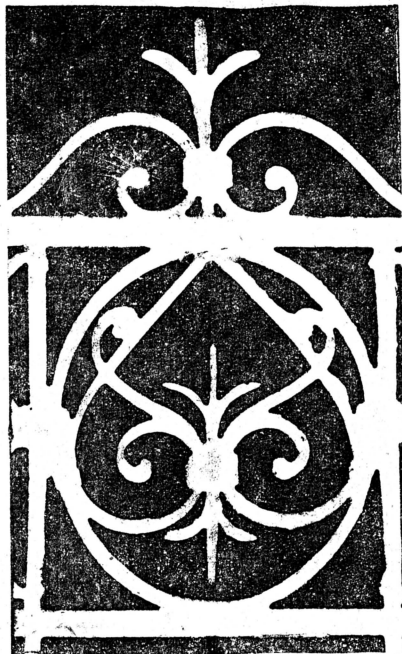
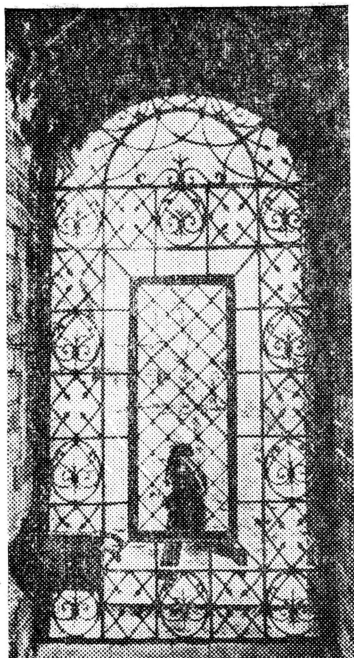
рой, с огромными ручищами — ладонь такая, что тарелку покрывала. Работы в его кузнице делали разные. Доводилось Ивану Волкову делать купола для церквей, случалось изготовлять кресты для колоколен — так, в 1905 году Волков сделал кресты для вновь построенной Семеновской церкви на бывшей Ночлежной площади. Делали и решетки для усадебных оград, навесов, крылец, балконов, парапетов. Сохранился, например, парапет на доме родственников Волкова (угол современных улиц Куйбышева и Луначарского), в те годы в первом этаже дома размещалась так называемая «Волковская лавка». Заказывали и могильные ограды.

Заказчиками Ивана Волкова были люди самые разные. Были и мещане, и богатые, влиятельные чиновники. Были и такие, кто знал толк в красоте. Но Волков умел угодить вкусам самым взыскательным.

Во дворе дома Волковых специально держали «на показ» ограду — сделана она была из звеньев разных решеток, как образец. Держали и альбом с лучшими рисунками решеток. К сожалению, до наших дней он не сохранился.

Принято считать, что у всякого старинного мастерства есть секреты, которые мастера строго держали

¹ «Город Екатеринбург». Сборник историко-статистических и справочных сведений. Издание городского головы И. И. Симанова, 1889 год

На снимках: детали решеток, сделанных В. И. Волковым; слева — дом Железнова в Свердловске.

в тайне. К примеру, кузнецы предпочитают работать на березовом угле — он не трещит, ровно греет, что особенно ценно при горновой сварке, «хорошо укрывает»; каменный уголь грубее, жарче. Особой тайны в этом нет, но так во всем кузнечном деле, от начала до конца — премудрости и тонкости, до которых мастер доходил умом в процессе работы. Мы часто говорим: «Секреты старых мастеров», но всегда ли это верно? И нынешние специалисты иной раз не могут облечь свои «секреты» в слова... Слушаем мы отличного производственника — ведь чародей в деле, а начнет рассказывать — общие слова. Так и старые мастера не могли переложить свое умение на слова. Секреты-то их были в руках, навыках, в опыте. А если так, то их ни утратить, ни сохранить нельзя, и передать их не всегда удавалось.

Каждый узор в решетках Волкова требовал своей технологии, «подхода». Только кузнец добавлял еще к этому свое чутье, фантазию, стремление найти соразмерность и создать гармонию. Если говорить о «голой» технологии, то ее любой кузнец «рассекретит».

Самый распространенный элемент декоративных решеток — «баранки» — делался из полосы или прутка, которые в нагретом состоянии загибали

наподобие бараньего рога, иногда «баранка» заканчивалась цветком — его крепили сваркой. «Пики», венчающие острия, расплющивались в горячем состоянии и затем обрабатывались специальной гладилкой и зубилом. Те же самые гладилки служили при изготовлении кругов и овалов. Наиболее употребимый и, кстати сказать, очень изящный способ соединения изогнутых деталей заключался в следующем. «Поясок-скобочка» в нагретом виде надевался с помощью молотка, а, охлаждаясь, стягивал их; так же делалась и более миниатюрная «сережка-скрепка». Зигзаги, спирали, витые стойки наматывались на прут или изгибались на наковальне. На растительный орнамент шло листовое железо — причудливо изогнутое, оно приобретало форму цветов и листьев. Своя технология была и для металлических шариков, завершавших стойки или гнутые детали.

Особняк Железнова, который свердловчане сохраняют как памятник архитектуры и своеобразный музей прикладного искусства Урала, не был бы так совершенен без железного «мотива», созданного руками Ивана Волкова. Орнамент решетки органично сочетается с каменной оградой, со сложной, богатой кладкой красного профилированного кирпича, с гранитом фундамента и мрамором парадного крыльца, не закрывает, а наоборот подчеркивает своеобразную красоту здания. Простая прямоугольная сетка решетки заключена в ясную выразительную раму. И в ней, и в легких ажурных поясах, в композиции калиток и ворот, ограждениях внутренней лестницы,

в декоративных элементах балконных оград, настенных и оконных украшений — во всем видна рука талантливого мастера.

И таких металлических кружев, украшавших старинные особняки, в Екатеринбурге было немало.

Есть ли сейчас такие мастера? Живо ли самобытное искусство художников-кузнецов в наши дни? К счастью, да.

Металлические мостики в Историческом сквере, перекинутые через реку Исеть, декоративные, «под старину», фонари сделаны не в прошлом веке, а совсем недавно, к 250-летию Свердловска. Архитекторы, задумавшие внести исконно уральские декоративные украшения из железа в композицию сквера, обращались ко многим кузнечным мастерам. И только один из них взялся и выполнил эту сложную работу — кузнец управления «Дорремонтстрой» Николай Алексеевич Пожарук. С тринадцати лет пристрастился он к кузнечному ремеслу. Сначала работал учеником, потом выполнял заказы самостоятельно. Во время войны подковывал конницу, требовалось его умение и в артиллерии. А после войны, вот уже 26 лет, он живет и работает в нашем городе. Ограждения перекидных мостов через Исеть он выполнил по образцу старой екатеринбургской решетки. На новых решетках стоит клеймо Н. А. Пожарука.

Есть у сегодняшних мастеров любовь и живой интерес к художественной ковке. Есть стремление возродить старинное кузнечное мастерство.

БЕРЕТ СЛЕД ЭВМ...

**Евгений
ИЩЕНКО**

кандидат
юридических наук

Рисунок
Н. Мооса

Дерзкое ограбление

В 19 часов 05 минут в дверь сберегательной кассы требовательно постучали.

— Наконец-то инкассаторы приехали, — вскочила контролер Валя Чурикаева, — пойду открою.

Кассир Елизавета Лукьяновна отперла большим ключом сейф и взяла серую сумку с деньгами. «Славно мы сегодня потрудились, — подумалось ей, — двадцать тысяч рублей, три раза пришлось пересчитывать». Она взяла пломбирные щипцы и вдруг услышала: в коридоре кто-то упал. Кассир подняла голову — в лицо ей смотрело дуло пистолета...

— Не трепыхайся, старая... Я сегодня за инкассатором! — слова налетчика падали из-под полумаски.

Елизавета Лукьяновна побелевшими пальцами вцепилась в сумку, лихорадочно нашаривая ногой кнопку экстренной сигнализации. Тогда преступник одним махом перепрыгнул через барьер и ударил ее пистолетом по голове.

Валя Чурикаева очнулась первой, добралась до лежащей Елизаветы Лукьяновны. Седые волосы на ее затылке от крови стали ярко-каштановыми. Валялась оторванная телефонная трубка. Сейф — пуст.

— Ограбили! — прошептала Валентина. На перекрестке был телефон-автомат. Она набрала сначала «02», потом «03» и срывающимся голосом сообщила о случившемся.

Тишину вспороли тревожные сирены. Прибыла передвижная криминалистическая лаборатория с оперативной группой работников прокуратуры и милиции. Машина «Скорой помощи» увезла кассира Елизавету Лукьяновну Медведкину. Расследование началось: детальный осмотр места происшествия, отыскание следов и вещественных доказательств. Было организовано также преследование, но собака Днепр, дойдя до перекрестка, потеряла след грабителей. При осмотре телефонной трубки в коспадающем свете удалось обнаружить весьма нечеткие следы пальцев...

Валентина Чурикаева пояснила, что в конце рабочего дня она протирала телефонный аппарат, потому отпечатки, вероятно, принадлежат преступнику, так как ни она, ни Елизавета Лукьяновна больше к телефону не прикасались.

Отпечатки пальцев... Отступим от основной линии нашего рассказа, чтобы стало понятно, почему их поиску и исследованию придан столь важное значение.

В незапамятные времена правил египетским государством молодой фараон Тутанхамон. Следуя священной традиции, уже при жизни воздвиг он себе пышную гробницу, в которой после смерти, не заставившей себя долго ждать, и был погребен с почестями. Прошли века и века. Только лет пятьдесят назад усыпальница Тутанхамона была обнаружена во всем ее сказочном богатстве.

Но не золотой саркофаг, не драгоценности заинтересовали криминалистов, а узоры на пальцах мумифицированного тела фараона.

Вряд ли сам Тутанхамон когда-нибудь интересовался узорами кожи на своих пальцах. Вероятно, и вы, друзья, не обращали на них внимание. А между тем узоры эти имеют три удивительных свойства: неповторимость, устойчивость и восстанавливаемость.

Посмотрите внимательно на кончики пальцев. Возвышения, называемые папиллярными линиями, образуют узор в виде петель, завитков или дуг. Чтобы получше разглядеть этот узор, возьмите увеличительное стекло. И увидите: узор ни на каком пальце руки не повторяется.

Если вы сравните узоры своих пальцев с рисунком на пальцах товарища, то убедитесь, что они не похожи. Более того, ни в классе, ни в городе, ни даже на всем земном шаре нельзя найти человека, который бы имел такой же рисунок кожи на пальцах, как у вас. Но сравнить рисунки своих пальцев с узорами на пальцах всех других людей, — на это жизни не хватит. Верно! Но что не под силу одному человеку и даже коллективу из тысячи человек, то могут легко выполнить электронно-вычислительные машины.

Узор на пальцах не повторяется и в веках. Так были сняты отпечатки пальцев у фараона Тутанхамона, у других мумий древних египтян, найденных при раскопках в Долине царей. Их сравнили со множеством пальцевых отпечатков современных людей и... одинаковых не нашли.

Неодинаков рисунок кожи на пальцах у детей и родителей, братьев и сестер-близнецов. Например, в Польской Народной Республике не так давно в одной семье родилось сразу пятеро близнецов. Они очень похожи друг на друга внешне, но... узоры кожи на пальцах у них разные.

Отсюда следует непреложный вывод: если на месте происшествия обнаружен отпечаток пальца руки преступника, то по нему можно с абсолютной точностью сказать, кто именно совершил преступление.

Папиллярный узор не изменяется на протяжении человеческой жизни. Если сравнить отпечатки пальцев чело-

века, полученные сразу после его рождения и в старости, то они будут различаться лишь размерами.

Чтобы изменить свои, хорошо известные органам полиции отпечатки, гангстеры идут на любые жертвы. Нанимают искуснейших хирургов, которые срезают с подушечек их пальцев кожу и пришивают на это место другую. Все тщетно! Вскоре на пальцах проступает рисунок, который был ранее. Так проявило себя еще одно удивительное свойство папиллярных узоров — их восстанавливаемость.

В детективных фильмах матерые преступники, идя на «дело», одевают перчатки. Но... Во-первых, кожаные перчатки сами имеют особый узор, по которому могут быть без труда узнаны. А во-вторых, наденьте перчатки и сделайте что-нибудь сложное, ну хотя бы напишите письмо. Сразу станет понятно, почему преступники пользуются ими в самых крайних случаях — перчатки мешают. Следовательно, совершить преступление, не оставив следов, нельзя.

А теперь растопырьте пальцы, прижмите их к оконному стеклу. Отняв ладонь, вы увидите на нем отпечатки. Если же взять в качестве следовоспринимающей поверхности полированную стенку шифоньера или крышку письменного стола, то следы рук будут почти неразличимы. Обнаружить их удастся лишь при осмотре поверхности под различными углами зрения либо при разном освещении. Следы остаются и на писчей бумаге, и на картоне, на металле и других поверхностях. Заметить их здесь можно только при помощи специальных веществ.

Таких веществ криминалистика разработала уже около трехсот. Это разнообразные порошки, растворы, пары. Они позволяют выявить отпечатки даже в случаях, когда те оставлены десять лет назад. Преступник невзначай прикоснулся, например, к листу бумаги, а через десять лет мы можем сделать это прикосновение видимым. Это лишь одно из многих достижений криминалистики, позволяющей раскрывать самые загадочные преступления по следам.

Электронный сыск

— Какие будут предложения, товарищи? — старший следователь республиканской прокуратуры Тарасов обвел вопросительным взглядом присутствующих. Из его короткого сообщения явствовало, что возбужденное полтора часа назад уголовное дело о разбойном нападении на сберегательную кассу обещает быть сложным. Очень мало данных, вселяющих надежду на быстрое раскрытие преступления. Напряженная тишина была ответом. И тут майор Слуцкис предложил воспользоваться электронно-вычислительной машиной. Помнит она много... Думает с громадной скоростью... Надо ввести в машину информацию, полученную от контролера Чурикаевой...

Присутствующие загудели. Такой подход к раскрытию преступления был нов, заманчив!

После дискуссии поднялся Тарасов. — Что ж, товарищи, предложение Арнольда Петровича — интересное. Отказываться от услуг ЭВМ нет оснований. Не исключено, конечно, что машина может ошибиться, но ведь мы с вами тоже иногда ошибаемся.

Через сорок минут информация об ограблении государственной трудовой сберегательной кассы (после соответствующей кодировки) была введена в электронно-вычислительную машину «Минск», а еще через несколько минут, потребовавшихся ЭВМ на размышления, поползла лента с анкетными данными лиц, которые могли совершить разбойное нападение на сберкассу.

Всего в списке было двенадцать фамилий. Пятой стояла фамилия — Силаев. В скобках была указана кличка — «Генерал-аншеф». «Генерал» вернулся полтора года назад из мест лишения свободы, кто же его «кадьютанты»?

Для хулиганистых ребят с Банной улицы все началось с желанья быть сильнее соперников из Зеленого проезда, с которыми они вели давнюю войну за право верховодить на своей территории.

Около года назад самый конопатый и слабосильный в их компании Олег Козюлев вдруг стал хвастаться, что скоро он «зеленым» физиономии попортит, потому что его начал тренировать их квартирант, мастер спорта по боксу дядя Гоша. Сначала ребята подумали, что Олег как всегда «лапшу им на уши вешает», но когда дело дошло до демонстрации удара «крюк левой», поверили и всей ватагой отправились проситься в секцию.

Дядя Гоша оказался коренастым мужчиной в синем спортивном костюме. Он без всяких церемоний предложил называть себя просто шеф и на ты. Он пояснил, что секция у него особенная: в ней могут заниматься лишь те, кто достоин звания «бесстрашный мушкетер».

Заслужить это звание — не коту за хвост поймать — трудно. Нужно не курить, не брать в рот спиртного, учиться без двоек, не состоять на учете в детской комнате милиции, до конца оставаться верным мушкетерской клятве, жить по принципу «один за всех, все за одного», держать язык за зубами, что бы ни случилось. Если в течение месяца кандидат покажет достаточные физические и моральные качества и ни в чем не отступит от требований устава «братства бесстрашных мушкетеров», он, произнеся клятву, становится полноправным членом секции. Особо отличающиеся именуются адъютантами шефа, им выдаются почетные нагрудные знаки «Золотые перчатки».

Вначале ватага приуныла — слишком уж трудные условия. Но когда шеф провел красивый бой с Олегом, а потом замухрышка Олег на третьей минуте отправил в нокаун самого крепкого из них Валерку Гвоздева, сомненья улетучились, как дымок сигаретки. Они захотели стать бесстрашными мушкетерами.

Первая тренировка — на следующий день. Она проходила на заднем дворе дома Козюлевых, подалее от людских глаз.

Через два месяца в «секции» Георгия Силаева осталось пятеро крепких, отлично натренированных и во всем преданных ему мальчишек. Остальных он отсеял за отступления от устава «братства», за слабую реакцию, а главное...

Обожаемый тренер уже не однажды намекал «мушкетерам», что ему, временно не работающему, деньги на приобретение перчаток, тренировочной груши, угощение компании пирожными с неба не падают, что он залез в долги. Потому его предложение пойти вечером подзаработать всеми было встречено с радостью. Только Юрка Белохвостиков полюбопытствовал: «А что делать-то будем? Вагоны, поди, разгрузить?»

— Любопытной Варваре на бульваре нос оторвали и плакать не дали, — ухмыльнулся шеф. — Вагоны разгружать — занятие для дураков, у которых голова — чтобы шапку носить, а руки — чтоб лопату держать.

Личные адъютанты шефа Козюлев и Гвоздев понимающе захихикали. В последние дни они держались как-то особняком, на товарищеской поглядывали свысока и часто о чем-то перешептывались. Все это крайне интриговало остальных «мушкетеров», но на все расспросы Олег и Валерка отвечали одинаково: «Много будете знать — скоро состаритесь».

...В тот достопамятный августовский вечер «мушкетеры» долго бродили по аллеям городского парка культуры и отдыха, ели мороженое. Шеф шутил, рассказывал анекдоты. Когда окончательно стемнело, он неожиданно остановил повстречавшихся парня и девушку и угрожающим тоном потребовал дать ему взаимно двадцать пять рублей. Парень сказал, что денег у него нет, и тут же, получив профессионально точный удар в солнечное сплетение, рухнул наземь. Пока первый адъютант Олег Козюлев об-

шаривал карманы лежащего, Валерка Гвоздев проверил содержимое сумочки девушки, дрожащей от ужаса. Было очевидно, что роли ими распределены и отретированы. Адъютанты вручили деньги шефу.

— Тики-так. А он туфту гнал, что нету башлей, — иронически бросил тот. — Тридцать два рваных. Сгодятся. Теперь заберем все, если сами не отдали, по-хорошему. Мелочь — обратно, мы — не шваль! — он швырнул монеты застоявшему парню. — Айда, братишки!

Свернув на дальней аллее в кусты, предводитель разделил деньги между всеми участниками «работы» поровну. С этой минуты «бесстрашные мушкетеры» стали ночными грабителями, начали вести двойную жизнь, скрывая свои преступные похождения от родителей, учителей, всех непосвященных.

— Бесстрашные мушкетеры экспроприируют частную собственность, — поучал шеф. — Мы, сильные и дерзкие, изыщем излишки денег у трусливых смердов. Главное в нашем деле — уметь держать язык за зубами и не увлекаться, чтоб не загреметь под барабанный бой.

— Но ведь это же незаконно, — попробовал возразить Сергей Корнаухов, — разве для этого мы учились боксировать?

— А ты думал для чего, чтобы клопов давить? Законы пишутся сильными для слабых! Мы — сильные, потому...

— А вдруг поймают? — не унимался Сергей.

— Трус в карты не играет! Дрейфишь — вали отсюда, но разболтаешь — подколем! Да и милиция тебя по головке не погладит. Ты теперь связан с нами одной веревочкой, так что лучше держись за меня, не пропадешь и деньги на киношку не надо будет у мамки выклянчивать, понял?

— Понял, чего не понять.

Вторую жертву сбил с ног Олег Козюлев, третью — Валерий Гвоздев. Так были совершены первые три тяжкие преступления — грабежи. Потом были еще, еще. А все началось с желанья верховодить в поселке. «Война» с «зелеными» отодвинулась на задний план.

В большинстве «экспроприаций частной собственности» шеф непосредственного участия не принимал, получая, однако, львиную долю добычи. Нет, он не бездельничал. Он обдумывал и готовил «настоящее дело»...

— Итак, товарищи, электронный Шерлок Холмс после раздумий, сделавших бы честь любому из нас своей не продолжительностью, назвал нам двенадцать человек, каждый из которых, по его мнению, мог совершить расследуемое разбойное нападение. Четверых при построении выдвинутых по делу версий мы заподозрили сами. Их проверка уже ведется. Причастны ли они к совершенному преступлению скоро будет известно. Остальные восемь лиц, чью прикосновенность к разбою ЭВМ считает очень вероятной, должны быть проверены в минимальный срок. Разработку рецедивиста Силаева прошу провести вас, Арнольд Петрович.

Уже через два часа Валерий Гвоздев и Олег Козюлев были задержаны и водворены в камеру предварительного заключения.

На следующее утро был арестован на квартире товарища и главарь банды. Финал? Нет, работа по делу только начиналась.

Гусиное перо и видеоманитофон. Когда-то следователи писали гусиными перьями и посыпали исписанные листы для просушки чернил мелким песочком. Теперь пишут автоматическими ручками, но по сути дела их работа не очень изменилась. Писать следователям все равно приходится очень много.

Более половины рабочего времени работника следствия затрачивается не на погони и перестрелки, не на засады и поединки интеллектов — допросы, а на описание результатов своей работы. Да, да! В детективной литературе все это, естественно, остается, так сказать, за кадром, как неинтересное, ничего не дающее для закручивания сюжета. Все действия следователя по установлению истины строго регламентированы Законом, нарушать который нельзя никому. Отсюда следует, что свою деятельность по сбору

доказательств следователь обязан отразить в так называемых процессуальных документах: протоколах следственных действий, постановлениях и пр. Это — не право, а обязанность следователя.

Попробуйте описать свою комнату. Вы знаете ее до мельчайших деталей. И все же вам придется изрядно попотеть, пока получится такое описание, по которому можно было бы наглядно представить обстановку в комнате, не спутать ее ни с какой другой. Здесь важно подчеркнуть, что следователь обязан описать проведенное следственное действие именно так, достигнув полной наглядности описания, не упустив ни одной даже мелкой детальки.

Проведя такой несложный эксперимент, вы поймете, до чего же трудно бывает следователю при фиксации, например, обстановки на месте крушения железнодорожного состава или автотранспортного происшествия — места столкновения нескольких автомашин. При расследовании одного убийства преступник был установлен, например, по волосинке, прилипшей к топору. В другом случае виновника наезда на пешехода нашли по микроскопически малой частичке краски, отколовшейся от автомобиля. Мог следователь при осмотре мест происшествия не заметить в первом случае волосинку, а во втором — чешуйку из краски? Не имел права!

Попробуйте прочесть свое описание комнаты маме или другу. Если они по описанию узнают вашу комнату, значит вы постарались не зря. Тогда опишите своего товарища и прочтите словесный портрет ему самому. Узнать человека по описанию еще труднее, чем комнату. А если нужно описать несколько человек? Показать словами их действия? Ясно, что в таком случае задача еще более усложняется.

Вы, видимо, уже догадались, что здесь может очень помочь фотоаппарат. Если к описаниям вы приложите фотографии, то все будет понятно без особых комментариев. Наглядность описания сразу же повысится во много раз.

Следователи так и поступают: наряду с описанием хода и результатов осмотра места происшествия фотографируют, а в сложных ситуациях — делают киносъемку.

В особых случаях одновременно с киносъемкой ведут и звукозапись следственного действия, тогда в материалах уголовного дела фигурирует судебный кинофильм.

При фиксации допросов, очных ставок, в которых преобладает звучащее слово, следователям помогает магнитофон. Знаете, как трудно бывает не пропустить ни единого словечка, когда допрашивается сразу несколько человек, да еще не один час подряд! А следователь должен не только не пропустить, но и все досконально запомнить, так как протоколы, как правило, составляются сразу по окончании следственного действия.

Впервые в нашей стране использовали звукозаписывающую технику для нужд следствия в Свердловске. Весь допрос попадает на магнитную ленту, затем прослушивается и перепечатывается на пишущей машинке фонотиписткой. Однако магнитофон — это уже наполовину день вчерашний. Будущее за видеомагнитофонами — аппаратами, которые позволяют записывать не только звук, но и изображение. Сразу же по окончании записи пленка готова к просмотру на экране телевизора. Портативные видеомагнитофоны уже поступили на вооружение следователей. Отечественная промышленность уже разработала и цветные видеомагнитофоны.

Теперь вы сами сможете ответить на вопрос: какую криминалистическую технику нужно было применить, чтобы зафиксировать показания кассира сберегательной кассы, которая от травмы головы лишилась членораздельной речи. Когда в группе из трех человек ей был предъявлен Силаев, она уверенно опознала его и знаками пояснила, что это он вырвал сумку с деньгами и ударил пистолетом. Показания Медведкиной были записаны с помощью видеомагнитофона «Электроника-видео» и послужили надежным доказательством виновности Силаева.

Конечно, фотографирование, звукозапись, киносъемка, видеомагнитофонная запись не исключают составления обычного протокола. Перо и видеомагнитофон сосуществ-

вуют. Тот, кто мечтает быть следователем, должен знать и любить не только точные науки и технику, но и родной язык, литературу, чтобы уметь грамотно и полно составлять документы следствия.

Не точка — многоточие...

— Благодарю вас за помощь, товарищи! — старший следователь Тарасов наклонил крупную в поседевших кудрях голову и прижал руку к сердцу. — Если бы не вы и не электронный Шерлок Холмс, преступники, пожалуй, до сего времени разгуливали бы на свободе. Подведу итоги. Тяжкое преступление быстро раскрыто благодаря применению криминалистической техники. Электронно-вычислительная машина назвала двенадцать человек, один из которых и оказался главарем ограбившей трудовую сберегательную кассу банды.

Конечно, и без ЭВМ мы бы напали на след Силаева и его сообщников, но произошло бы это позже. Кто знает, сколько еще бед они успели бы натворить. ЭВМ оказала нам неоценимую услугу. С момента налета на сберкассу до момента задержания Гвоздева и Козюлева прошло немногим более семи часов — рекордно короткое время для «темного» дела. Еще через девять часов был арестован Силаев, у которого и были изъяты все добытые преступным путем деньги. Бандиты были настолько ошеломлены быстротой и внезапностью задержания, что даже не оказали никакого сопротивления. Никто из наших работников, как вы знаете, не пострадал.

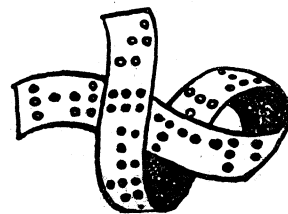
Хочу напомнить, что установить новое местонахождение Силаева нам помогла общественность. Майор Слуцкий по телевидению продемонстрировал фотографию Силаева. Уже через два часа нас позвонили по телефону и назвали адрес, где тот скрылся.

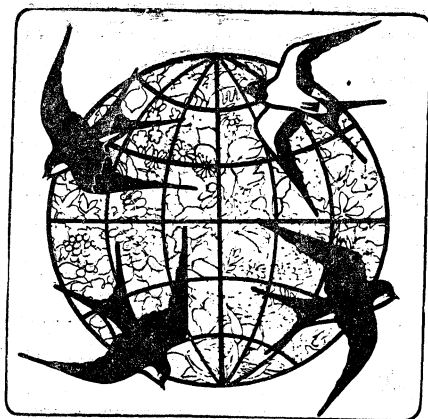
Очень помогла нам техника в сборе доказательств виновности Силаева, который вначале отрицал свою причастность к ограблению сберегательной кассы. После опознания его Медведкиной, Силаев понял, что дальнейшее заpiresательство бессмысленно и указал место, где он спрятал пистолет и инкассаторскую сумку. Кинофильмы о выходе с Силаевым, Козюлевым и Гвоздевым на место совершения преступления послужат для суда надежными доказательствами их виновности.

В отношении «мушкетеров» Белохвостикова, Лаптева и Корнаухова я уголовное преследование прекратил с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних. Эти ребята приняли участие в нескольких ограблениях граждан. Причем исполняли пассивную роль. Думаю, что они исправятся...

Козюлев же и Гвоздев предстанут перед судом. Тут не ограничиться мерами административного воздействия. На допросах они все еще пытаются изворачиваться. До полного раскаяния им еще далеко. Надеюсь, что воспитательная-трудовая колония сумеет выкорчевать из их душ те сорняки, которые посеял рецидивист Силаев.

В заключение хочется подчеркнуть, что сейчас в наших руках такая техника, которая значительно облегчает нам выполнение священного долга. И она, как показало это уголовное дело, оказалась в умелых руках.

уральский

следопыт

№11*** 1976

ВЕСЬ ОДИННАДЦАТЫЙ НОМЕР
ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД
БЫЛ ПОСВЯЩЕН ПРОБЛЕМАМ
ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.
ДО СИХ ПОР ПРИХОДЯТ
ОТКЛИКИ — ОТ УЧЕНЫХ
И РАБОЧИХ,
ОТ ШКОЛЬНИКОВ
И СПЕЦИАЛИСТОВ
РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ
ХОЗЯЙСТВА.
И УМУДРЕННЫЕ ОПЫТОМ,
И ЮНЫЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ,
ВПЕРВЫЕ СЕВШИЕ,
ЗА ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ,
ГЛУБОКО ВЗВОЛНОВАНЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ
ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ.
КОНЕЧНО, УРОВЕНЬ
КОМПЕТЕНЦИИ,
ШИРОТА МЫШЛЕНИЯ
У ПРОФЕССОРА И УЧАЩЕГОСЯ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ РАЗЛИЧНЫ,
НО ТЕХ И ДРУГИХ
ОБЪЕДИНЯЕТ
РОДСТВО ДУШ, ОТКРОВЕННОСТЬ
И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЭТОМ
ВАЖНЕЙШЕМ ДЛЯ КОНЦА
XX ВЕКА
РАЗГОВОРЕ О НАСТОЯЩЕМ
И БУДУЩЕМ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ.
ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ,
НЕЗАМУТНЕННЫЕ ВОДЫ,
ЛЕСА ПЛАНЕТЫ — НУЖНЫ
ВСЕМ!
НЕ ПРИШЛО, К СОЖАЛЕНИЮ,
НИ ОДНОГО ОТКЛИКА
ОТ УЧИТЕЛЕЙ,

ОТ КОТОРЫХ В БОЛЬШОЙ МЕРЕ
ЗАВИСИТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ
(А ЗНАЧИТ — И НРАВСТВЕННОЕ)
ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО
ПОКОЛЕНИЯ И К КОТОРЫМ,
КСТАТИ, БЫЛИ ОБРАЩЕНЫ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
В ЖУРНАЛЕ.
ЧТО Ж,
БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ,
ЧТО ПОМЕШАЛО В ДАННОМ
СЛУЧАЕ
НЕ РАВНОДУШИЕ
К ЗАТРОНУТЫМ ВОПРОСАМ,
И ЧТО ПЕДАГОГИ НАМ
ЕЩЕ НАПИШУТ.
НА ВСЕ ПИСЬМА СВОЕВРЕМЕННО
БЫЛО ОТВЕЧЕНО
И АВТОРАМИ СТАТЕЙ,
К КОТОРЫМ ОБРАЩАЛИСЬ
ЧИТАТЕЛИ,
И РАБОТНИКАМИ ЖУРНАЛА.
ЧАСТЬ ОТКЛИКОВ
МЫ СЕГОДНЯ ПУБЛИКУЕМ.
В НИХ НЕМАЛО ФАКТОВ,
ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВОПРОСОВ.
ОТ ДУШИ БЛАГОДАРИМ
НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ
И ЕЩЕ РАЗ ГОВОРИМ
ЧИТАТЕЛЯМ,
ЧТО ТЕМА «ЧЕЛОВЕК
И ПРИРОДА» —
ОСТАЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВНЫХ
В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ.
ЗЕМЛЯ ДОЛЖНА БЫТЬ
ЦВЕТУЩЕЙ И МИРНОЙ!
ЖДЕМ ВАШИ НОВЫЕ ПИСЬМА,
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ.

ВРЕДЕН РОЗОВЫЙ ОПТИМИЗМ

Мне, как ботанику и старому другу природы (около двадцати лет я занимаюсь научно-исследовательскими аспектами охраны природы), особенно было приятно ознакомиться со специальным природоохранным выпуском «Следопыта». Нужно возбуждать в человеке чувство любви к родной Земле и ее вечным ценностям. В этом плане хороши размышления Н. Никонова, хотя, может быть, некоторые скажут о его излишней пристрастности и даже экологическом пессимизме. Но, думаю, что он прав. В деле защиты природы лучше «передержать», чем быть розовым оптимистом.

Мне, научному работнику, конечно, очень близки и интересны помещенные в журнале интервью с членом-корреспондентом АН СССР Б. П. Колесниковым и академиком С. С. Шварцем, хотя, впрочем, я не во всем с ними согласен. Очень нужной является публикация Н. Широкова «Птенец» у химиков», она показывает, как можно добиться большого эффекта в борьбе с промышленными загрязнениями, если относиться творчески к делу и любить природу. Жаль, что таких материалов в номере маловато.

Что бы хотелось пожелать редакции? Во-первых, побольше увлекательных рассказов и повестей из жизни природы. Далее, периодически публиковать статьи, заметки, интервью об успешных делах в области охраны природы — создание технологических схем, экономное расходование природных ресурсов, имеющих на Урале. Дать слово хорошим лесозаготовителям (если таковые имеются!), представителям промышленности, сельского хозяйства.

Еще активнее поднимать вопрос об экологическом воспитании детей и юношества. Правильно сказано в передовой статье и у Н. Никонова: с юного человека надо начинать, здесь основа разумного подхода к охранению природы. Надо обратить внимание на воспитание туристов, может быть, организовать какую-нибудь викторину или конкурс для туристов с целью пробуждения у них экологического сознания?

С. МАМАЕВ,
председатель Комиссии по охране
природы УНЦ АН СССР, доктор био-
логических наук, профессор.

г. Свердловск

ЛЕС В ГОРОДЕ

Мне ближе всего проблемы охраны леса... Поэтому полностью разде-

ляю тревожные раздумья члена-корреспондента АН СССР Б. П. Колесникова о судьбе пригородных лесов, всех лесов России. Ученые доказывают, что колыбель человечества — это лес, точнее, опушка леса. Чтобы сохранить нашу цивилизацию, безусловно, необходимо сберечь леса, являющиеся единственным в своем роде стабилизатором среды обитания человека. Прав был академик С. С. Шварц, говоря, что существует проблема не охраны природы, а охраны природных условий, необходимых для жизни человека, то есть проблема охраны самого человека!

Мне понравились писательские раздумья Н. Никонова. По моему мнению, писатели и поэты должны быть всегда эмоциональны, это их главное оружие и когда они пишут о любви, и когда они защищают природу. Правда, об учительнице я так бы не говорил. Ученики, став взрослыми, должны уметь прощать своим бывшим учителям их недостатки и слабости...

В этом году Новосибирскому Академгородку исполнилось 20 лет. Мы сохранили лес в городе. Борьба велась с переменным успехом, были победы и поражения. И все же теперь Академгородок — самый зеленый город в Сибири.

И. ТАРАН,
директор Центрального ботанического
сада, доктор биологических наук.

г. Новосибирск

мальчика, не умеющего отличить следа лося и коровы, и уже в трех соснах кричащего — «Ау!» или, хуже того — «Ма-а-ма!» У нас такие громадные просторы и на них можно развести столько зверья и птицы, что о закрытии охоты отпадает надобность говорить. Охота, впрочем, ее понимании, воспитывает любовь к земле.

О. ГРИГОРЬЕВ,
биолог

г. Новосибирск

ЛИПОВКА БЕЗ ЛИП!

Уважаемая редакция!

Я пишу вам из придонских степей, где несет свои быстрые воды степная речка Калитва. Прочитал 11-й номер вашего журнала за 1976 год. У нашей природы тоже плохи дела... Поблизости от моего села лес чудесный, большой, но без хозяина. Стоит он на стыке трех хозяйств, и его рубят и рубят. А сколько там лип! Есть в нем и озеро. Вот и готовый заповедник. Много у нас и прудов. Живут утки, но не успевают вбираться в пух — браконьерство процветает. Если бы вы знали, как красива наша придонская степь. Разумно бы в ней хозяйничать!

Б. КОШЕВОЙ,
любитель-археолог.
с. Липовка Ростовской области

ЖАЛЬ КОМНАТНОГО МАЛЬЧИКА

Мне хочется сказать об охоте. Никонов предлагает закрыть любительскую охоту. Я лично против такого подхода. Беда здесь в том, что многие смотрят на охоту через призму браконьерства. Этот страшный порок закрыл все доброе, что есть в подлинной, настоящей охоте. Не закрывать охоту, а очистить ее от браконьерства (а это не так просто!) — вот главная задача!

Нужно говорить об этике охоты. У меня сын, например, отлично стреляет из охотничьего ружья, довольно прилично из пулевого (5,6 мм), водит наш экспедиционный мотоцикл «Урал», может хоть сто метров ползти «на пузе» к утке, с удовольствием едет послушать, как поют по вечерам козодой и бекасы. А он всего только в шестом классе... И мне лично жаль комнатного

ФЕНОЛОГ С ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ

Много лет живу я на самом севере нашей области, много троп по тайге прошагал с ружьем, с фотоаппаратом, с блокнотом. И могу тоже привести немало фактов влияния деятельности человека на вековую тайгу. Я могу рассказать и о красавцах-кедрах, массово заготавливаемых на дрова, об Ивдельском гидролизном заводе, десятилетиями не желающем решить проблему эффективной очистки промышленных стоков, губящих

Лозьеву; о высокопоставленных браконьерах, круглый год прячущих в кузовах персональных вездеходов ружья и винтовки; о толпах горожан, появляющихся осенью в лесах снимать «комбайнами» урожай брусники, клюквы, снимать так урожай, что после них и птице ничего не остается.

Факты эти, конечно, всем известны, но, к сожалению, мало чего мы делаем для их пресечения.

Прав был Станислав Семенович Шварц, что промышленный прогресс не остановить, что надо учиться брать продукцию природы, учитывая законы биосферы. Хотя, честно признаюсь, мне не верится, что сможет природа «красою вечною сиять» рядом с городами-мегаполисами, и что возможно «мирное сосуществование» уссурийского тигра с горнопромышленным комплексом...

Поселок, в котором я живу, сравнительно далек от переднего края индустрии, в поселке можно увидеть, как вырастает шишка на кедре, услышать на пролете свист крыльев утиной стаи; и не редкость осенью в картофельной ботве пушистая белка; и грибов вдоволь, и ягод, и охота есть, и порыбачить можно.

И это-то кажущееся благополучие успокаивает тех, кому нужно беспокоиться о дальнейшей судьбе района, заставляет весьма снисходительно смотреть на факты вопиющего нарушения экологического равновесия окружающей среды.

И если бы была трезвая оценка, сколько и где можно брать от природы и как долго сможем мы брать от нее, то не было бы завалов потопленного леса в Лозьеве при мелевом сплаве и не вырубил бы в поселке Полудном прекрасную сосново-кедровую молодую поросль под вертолетную площадку геологам, и городское общество охраны природы, видимо, не ограничивалось бы лишь сбором членских взносов и дежурными выступлениями на отчетно-выборных собраниях.

Фенологические наблюдения я начал в двенадцатилетнем возрасте, сорок три года назад, еще на Украине, где родился. Почему я начал наблюдать природу? С раннего детства интересовался животными и растениями, а фенологические наблюдения стал вести под сильным впечатлением от книг В. Бианки и Д. Кайгородова.

На Урале (в Ивдельском районе) регулярно веду наблюдения с 1943 года. С благодарностью вспоминаю фенологов В. А. Батманова и Г. А. Шульца, оказавших мне неоценимую помощь в том, чтобы мои наблюдения действительно имели научную ценность.

О. ШТРАУХ,
фенолог-любитель.

п. Полудное
Свердловской области

СЕМЕЧКО ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Уважаемая редакция!

Прочитала в № 11 за 1976 год заметку о маральем корне и решила написать вам... Дело в том, что я выращиваю это растение у себя на огороде уже шесть лет. Удивляюсь, почему уральские совхозы и колхозы до сих пор еще не возделывают этот медонос. Аптеки получили бы из него хорошее лекарство. Раз я предложила маралий корень в нашу аптеку, а они о нем и не слышали! Я этот корень сдавала в Москве, так там хоть тонну его вози. Семена прошлого года я отдала в Нижне-Салдинский совхоз. Что у них выйдет? Жду результата от посевов...

Природу люблю с малых лет, пришла эту любовь своим детям и внукам, но жизнь как-то так сложилась, что не пришлось вплотную подойти к изучению растений. Сейчас в моей комнате растет дерево. Сын с Кубы привез красного цвета семена величиной с горошину, но взшло только одно. Теперь растет красивое деревце, листья его к земле опадают. Что это за дерево, не знаю, но оно там, на Кубе, говорит сын, растет в диком состоянии. Хорошо бы поместить его куда-нибудь в ботанический сад.

А. ШВЫРКОВА

г. Верхняя Салда
Свердловской области

И КЕДРЫ УПАЛИ...

Дорогая редакция!

Еще недавно я жил, как будто спал, не замечая в природе ничего примечательного... Теперь стал чаще бывать в лесу, и у дедушки на пасеке, и на покосе. У меня есть фотоаппарат. Мне недавно удалось сфотографировать на гнезде рябчика. Это гнездо было хорошо заметно с дороги, и мой дедушка скрыл его от посторонних глаз ветками елки.

Много интересного в природе, но в то же время у меня просто защемило сердце, когда я увидел два могучих кедра, вывороченных с корнем. Эти кедры стояли там, где «Сельхозтехника» рубила лес. Неужели и кедры им не жалко?

Сергей БАННИКОВ,
7-й класс.

п. Шамары Свердловской области

Здравствуйте, уважаемый товарищ Н. Никонов!

Почему я пишу «уважаемый», да потому, что я сразу проникся к вам уважением, как только прочитал ваши размышления «Земля — это люди».

Я уроженец Архангельской области. Восемнадцать лет прожил в деревне. А в деревне общение с природой постоянное. Природа для меня все. Леса, озера, луга просто необходимы мне. Что может быть чище и доверчивее, чем природа. И я счастлив, когда меня все это окружает.

Но с тех пор, как я помню себя, к нам постоянно приезжают разные экспедиции. То для вырубki леса, который необходим деревообрабатывающим комбинатам, то для поиска полезных ископаемых.

В 1970 году возле нашей деревни стояла буровая вышка. Искали нефть, которую не нашли. Но вы можете себе представить, сколько они испортили леса, а территория, которую они занимали, превратилась в свалку.

Говоря вашими словами, это — «еще одна рана в легких земли и человечества».

С. МИШУКОВ,
военнослужащий.

г. Рославль

Уважаемый Николай Никонов!

«В Уральском следопыте» № 11 1976 г. напечатана ваша статья «Земля — это люди». Там у вас есть слова: «Вдруг нашлись бы юноши и девушки, вдруг нашлись бы — пошли бы в егеря?» Так вот, я нашлась. Извините за то, что отнимаю у вас время, может, вы это просто так написали, но если это не так, то помогите мне, пожалуйста.

Я учусь в 10-м классе, учусь без троек (в полугодии). Скоро я перестану быть школьницей и мне придется выбирать профессию. Я люблю природу, зверей (быть может, оттого, что родилась и выросла в городе?). Но где получить специальность, связанную с любимым предметом? Идти в университет на биофак? Я точно знаю, что завалюсь, ведь туда поступают особо одаренные, а я обыкновенная. В Лесотехническую академию? Но там готовят лесоводов, а мне бы хотелось еще и со зверьем дело иметь! Стать зоотехником или ветеринарным врачом? А как же лес? А больше я не знаю вузов, где готовят по профилю «человек — природа».

Не подумайте только, что я

пишу вам под действием мимолетного увлечения. Я еще в 8-м классе решила стать экологом (я, правда, не понимала еще, что это слово значит, но знала, что оно связано как-то с охраной природы). Я не знаю, кому мне обратиться. К учителям — бесполезно, родители сами ничего не знают об этом. Хотя вы посоветуйте.

Извините за несколько сумбурное письмо, ведь это «крик души».

P.S. Только не советуйте мне, пожалуйста, переменить свое желание на 180° и стать инженером или еще кем-нибудь из систем «человек — человек», «человек — знакомая система» и т. д. Бесполезно!

Еще раз извините.

Ольга ПОПОВА
г. Ленинград

Уважаемый Николай Никонов!

Извините, что называю вас по имени, не знаю вашего отчества.

Пишет вам ученик 10-го класса из города Казани. Я читал вашу книгу «Певчие птицы». Очень увлекательная по содержанию и очень полезная книга.

Я выписываю журнал «Уральский следопыт», и вот в нем, в номере за ноябрь 1976 года, прочел вашу статью «Земля — это люди». Статья взволновала меня до глубины души. Она вводит читателя в беседу об отношении человека к природе. Я прочитал статью, не отрываясь. И вот снова в который раз задумываюсь над ней...

У нас во дворе решили менять водопроводные трубы. Пришли рабочие и стали рубить высокие семнадцатилетние тополя. Никто из жильцов дома не счел нужным заступиться за «зеленого друга». Экскаватор выкопал длинную яму через весь двор. Все лето сюда не показывались рабочие. Наступила осень, ударили первые морозы. Наконец, приехал трактор. Думалось, теперь-то будут менять трубы. Но трактор... зарыл яму. А трубы так и не сменили.

Почему так равнодушно относятся люди к зеленым насаждениям в городах? Двор, некогда утопающий в зелени, стал похожим на лесозаготовительный участок. Валялись и сохли так и неубранные стволы деревьев. Земля была разворочена гусеницами трактора, да так и замерзла.

Неутешительных примеров можно, к сожалению, приводить много.

В статье затрагивается вопрос — каким должен быть учитель биологии?

Наша учительница биологии никогда не говорила с нами об отношениях человека и природы. Только иногда скажет, что деревья полезны, что их надо беречь, но, к сожалению, мол, часто бывает наоборот. Вот и все. А ведь это вопрос самый насболевший.

И в учебнике биологии для 10-го класса о влиянии человека на среду — всего полстраницы в самом конце. Эту тему порой даже опускают учителя — «за ненадобностью»...

Я часто думаю о проблемах взаимоотношения человека с окружающей его средой. Но каждому нужно, чтобы его кто-то понимал. И мне тяжело, что у меня мало единомышленников...

Я никогда никому не писал, а вот сегодня решил написать, потому что надеюсь — вы меня поймете.

Ваш преданный читатель

Владимир ИНШАКОВ
г. Казань

БУДЬ ДРУГОМ ЗЕМЛЕ!

Уважаемые следопыты!

Случайно я получил возможность ознакомиться с № 11 вашего журнала за прошлый год. Ваше дело, как вы будете рассматривать эти страницы — как отклик или частное письмо биолога, чуть-чуть понимающего проблему и воспользовавшегося случаем, чтобы откровенно высказаться... Проблема «Человек и природа» мной глубоко продумана, очень меня волнует, и на эту тему мне часто приходится выступать перед самыми различными аудиториями, хотя моя прямая специальность — не экология, а генетика.

Тематика этого номера «Следопыта» более чем современна. Мне по душе статья Н. Никонова «Земля — это люди». Эмоциональности тут бояться не надо, без нее не обойтись, она естественна, когда речь идет не только о благополучии, но и о самом существовании будущих поколений людей на Земле. Большое зло в том, что, начиная со средней школы, проблему «Человек и биосфера» рассматривают с позиций охраны животных и растений в лесах, зеленых насаждений в населенных пунктах, с точки зрения борьбы с браконьерством. Все это нужно и важно, но не это самое главное. Суть дела гораздо глубже и серьезнее.

Главными браконьерами являются не отдельные люди, а организа-

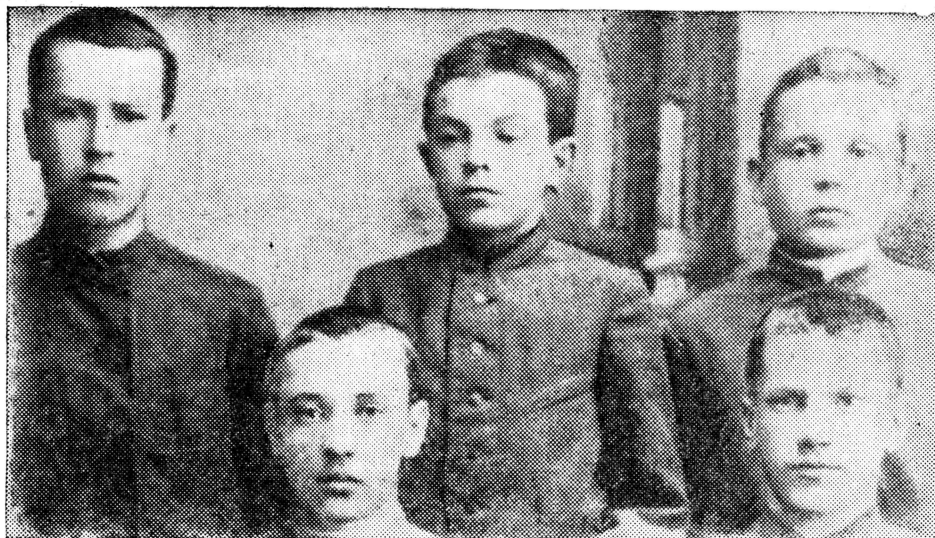
ции, для которых выполнение и перевыполнение плана — превыше всего. Существующие формы ответственности за порчу природной среды — робкие. Для отдельных лиц они зачастую меньше, чем для водителей автомашин при нарушении ими правил движения. До тех пор, пока у людей не произойдут коренные изменения в мировоззрении, пока все люди не поймут, что они не «цари», а «частички» природы, ответственность за сохранение природы должна быть предельно высокой.

К чему приведет безграничное потребление ресурсов Земли, бездумное и не всегда нужное украшательство человеческого быта, приводящее к выбрасыванию на свалку немодных вещей, которые могли бы еще долгие годы служить и служить людям? Не к добру... Выход: борьба за качество всех без исключения предметов обихода — от носовых платков до автомашин! Борьба не столько за их «модную красоту», сколько за удобство и долговечность, борьба за экономные и не вредные для природы производства всех предметов повседневного пользования — вот это и есть экологическая воспитанность!

Ю. КЕРКИС,
доктор биологических наук.

г. Новосибирск

Ученик Алеша Бондин

Алексей Петрович Бондин по праву считается одним из зачинателей советской литературы на Урале. Сам рабочий, коренной уралец из Нижнего Тагила, героев и сюжеты художественных произведений он брал прямо из жизни.

Автобиографическую повесть А. Бондина «Моя школа» Горький поместил в рекомендательный список книг для юношества рядом с произведениями Л. Толстого, С. Аксакова. Сам же писатель посвятил эту повесть «Пионерам — верной смене комсомола».

Некоторых из героев повести «Моя школа» можно видеть на редком снимке 1896 года. Это группа учащихся «ГУ» —

городского училища Нижнего Тагила. Во втором ряду четвертый слева — Алеша Бондин, ученик пятого класса. Во втором же ряду второй — Сережа Великанов.

Сирота Алеша Бондин, несмотря на страстное желание учиться, вынужден был уйти из шестого класса и пойти слесарем на завод.

Фотографический снимок группы учащихся Нижнетагильского городского училища хранится в семье потомков Сергея Великанова, одного из героев повести А. Бондина «Моя школа».

На снимке: фрагмент фотографии, в центре — А. Бондин.

Горалий заказник

В Тернейском районе Приморского края создан первый в нашей стране заказник для горалов.

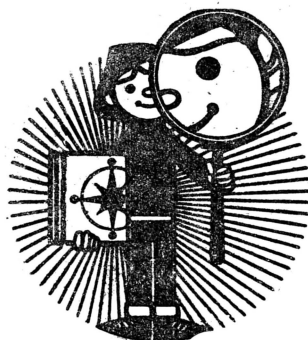
Горалы — это горные антилопы. Они обитают только на прибрежных скалах и ведут оседлый образ жизни, доверчивы к людям. У них длинный мягкий мех и вкусное мясо. Сейчас этих животных осталось очень мало, и они занесены в «Красную книгу».

Научные сотрудники Сихотэ-Алиньского заповедника задались целью увеличить поголовье горалов, изучить возможность содержания их в вольерных условиях.

В дальнейшем горалы будут расселены в местах прежнего обитания — от бухты Уполномоченной до бухты Таежной вдоль скалистого побережья.

МИР

НА ЛАГОНИ

Под солнечным парусом

Американские конструкторы начали разработку солнечного паруса из пленки для перспективных космических кораблей, а прежде всего для аппарата, который понесет на своем борту марсоход, и для аппарата, который полетит к комете Галлея. Эта комета займет место, удобное для визитов земных кораблей, осенью 1981 года. Корабль должен будет приблизиться к комете на десятки километров. Когда скорость его станет равной скорости кометы, солнечный парус будет сброшен.

Вообще солнечный парус лучше, чем любые двигатели. Под парусом с Марса,

например, можно привезти полтора центнера грунта, а с помощью ионных двигателей всего лишь один килограмм.

Вылупился раньше срока

В последний день перед вылупливанием птенцов куры, утки, японские перепела издают при дыхании щелкающие звуки. Так эмбрион начинает слышать сквозь скорлупу своих родителей...

Американские ученые «пошумели» над перепелиными яйцами точно так же, как это делают птицы, и таким манером на день раньше срока вызвали птенцов на белый свет. Признаков недоразвитости у «досрочных» перепелят не было.

Монетный двор на Урале

Монетный двор на Урале? Это было еще в XVIII—XIX веках, когда монеты чеканили Екатеринбургский и Аннинский монетные дворы.

В феврале 1918 года газета «Уральский рабочий» напечатала такое сообщение: «Надеждинский Исполнительный Комитет, ввиду отсутствия денежных знаков, просит областной Совет дать разрешение производить штамповку денег, так как меди в Богословском округе имеется в достаточном количестве». Но чеканить медные деньги надеждинцам не пришлось, потому что из центра прислали вскоре достаточное количество бумажных ассигнаций.

И все же Монетный двор работал на Урале и в советский период, но это было в грозное время Великой Отечественной войны.

Поздней осенью 1941 года недалеко от Перми приземлился транспортный самолет. Его пассажирами были рабочие ленинградского Монетного двора. Они прибыли на Урал с важным и ответственным заданием — наладить производство монет, орденов и медалей. Монетный двор разместился в Краснокамске, на территории и в зданиях бумажной фабрики Гознака.

Первыми выпустили монеты 15-копеечного достоинства в количестве 2533 тысяч штук на 380 тысяч рублей. А всего в 1942 году изготовили около 6,7 миллиона экзemplяров монет достоинством от 2 до 20 копеек на 863 тысячи рублей. Все медные монеты были отчеканены с датами не 1942 года, а прежних годов выпуска. Однокопеечные не чеканились. В том же году на заводе организовали и производство значков.

Затем Ленинградский Монетный двор на Урале стал делать ордена и медали.

Ксилан из березы

Знаменитую кудрявую березу славяне называли бергиней — богиней, матерью всех богатств человека. Выделанная береста заменяла бумагу. Из коры белоствольного дерева изготовляли лыко, а из него плели туфли, лапоточки, заплечные короба. Делали берестяные жбаны под квас, солонки, табакерки, туеса. Резьбой на березе украшали дома. На березовом угле ставили самовары и выплавляли чугун. Из березовых почек делали лечебный настой, пили приятный на вкус березовый сок...

Можно назвать и такие березовые дары, как топорича и черенки для лопат, ружейные ложа и лыжи, фанеру и густой пахучий деготь, мебель и метиловый спирт, дрова и лечебный препарат бифунгин...

В наши дни все виды березы — а их в стране более ста — привлекают внимание исследователей. Недавно из древесины березы получили вещество, в котором оказался невероятно высокий процент содержания одного из самых полезных полисахаридов — ксилана.

Из ксилана изготовили сахар. По заключению медиков и кондитеров, он по своим лечебным свойствам лучше ксилита, хорошо знакомого больным диабетом. В Ленинграде будут построены специальные цехи по производству березового сахара.

Реликтовый липняк

Реликтовые доисторические деревья на кавказском побережье Черного моря — знаменитая сосновая роща в Пицунде — известны каждому. Есть островок древнейшего леса и в Сибири. Ученые обнаружили его на западном склоне Кузнецкого Алатау, близ старинного русского села Кузодеево, на берегах шумливой речки Большой Пеш.

Когда-то, сотни тысяч лет назад, в Сибири росли бук, орешник, граб, ясень, клен и многие другие виды ши-

роколиственных деревьев. Но в последнюю эпоху третичного периода, когда началось великое оледенение, все они погибли. Выстоял только этот липняк.

Ученые предполагают, что небольшой участок на западном склоне Кузнецкого Алатау оледенению не подвергался. Но как нежные липы смогли пережить жестокие холода всего ледникового периода — вот загадка.

Реликтовый липняк объявлен заповедным.

И моет, и греет...

Ураганный ветер всколыхнул море, и оно выбросило множество ценных растений. С рыболовецкого судна заметили странную ветку, всю усыянную белыми плодами, похожими по форме на олады. Ее подняли на борт. Это было многоклеточное животное, обитающее в теплых дальневосточных морских водах. Его мягкое тело имело два слоя клеток, между которыми оказался твердый скелет, состоящий из углекислой извести и кремнезема.

Моряки сняли с ветки эти удивительные плоды и отнесли их в душевую кабину — на мочалки. А судовой врач применил мягкое тело животного для лечебных целей — оно согрело простудившегося моряка.

Животные губки используются в оптическом и ювелирном производстве, ими наносятся цветные лаки на декоративные блюда, их используют в качестве фильтров, изоляционного материала, для шлифовки металлических деталей...

На снимке (см. 3-ю стр. обложки): морское животное губка.

Грибы-бочонки

Про грибы написано немало. Взять хотя бы книги Д. Зуева «Дары русского леса» или В. Солоухина «Третья охота». Но в этих книгах говорится о съедобных или ядовитых грибах. Мне же хочется рассказать о необычных грибах-бочонках.

Грибы эти я помню с детства. Находили мы в начале лета в еловом лесу коричневые сморщенные грибы-коробочки. Коробочки эти — круглые, размером с куриное яйцо, и с черной

Росомаха — мало изученный зверь, так пишут в научных статьях. Я наблюдал за этим хищником не раз и хотел запечатлеть на фотографии некоторые любопытные события из его жизни. Или, в крайнем случае, хотел заполнить фотографии живой росомахи, сидящей в капкане. И вот что из этого получилось.

На берегу озера росомаха задавила лосенка. Я расставил капканы на тропах и у туши. Это были большие капканы с двумя пружинами вспрыльчивого характера. Своим внушительным видом они напоминали мины. Замаскировал их.

Когда я пришел сюда через несколько дней — капканы сиротливо лежали сбоку. Росомаха извлекла эти мины за поводки из-под снега, сложила их в кучу и пообедала приманкой.

Расстроенный, я пошел в свою избушку. Но и там меня уже ждали знакомые следы.

Я распахнул приоткрытую дверь тамбура — и у ног своих увидел два испорченных мешка. Они были с сухарями, висели под навесом. Сбросив мешки и не отдавая их содержимое, росомаха пошла дальше — знакомиться с моими продоволь-

крышкой сверху. Сорвешь крышечку, а внутри прохладная чистая вода. Воду эту мы пили. Она была свежей, с чуть слышным земляным привкусом.

А как здорово было играть в войну. Грибы-бочонки служили нам гранатами. Сорвешь такой гриб и швыряешь его в «противника». Бросать надо осторожно, а то граната может разорваться в руке.

Со временем эти забавы забылись. Забылись и грибы. Но вот снова увидел я в лесу коричневые бо-

чонки... Сфотографировал я их и решил узнать, как они называются. Спрашивал многих, но никто не мог ответить толком. Пришлось обратиться к книгам... Во втором томе «Жизнь растений» нахожу мои бочонки на цветной фотографии. Читаю текст: «Весной в хвойных и смешанных лесах встречается еще один представитель семейства саркосомовидная...»

Ю. ФРОЛОВ

Росомашка

Переступив порог избушки, она не заинтересовалась такими деликатесами, как чай и сахар, а направилась к столу и заглянула в кастрюлю. В ней было сливочное масло — два с половиной килограмма. Я тоже заглянул в кастрюлю и не нашел там ничего, кроме изображения на дне собственного лица — понравилось хищнице масло, и она вылила кастрюлю до блеска. Вышла она не через дверь, а через окно, разбив стекло...

Однако росомаху я все-таки сфотографировал — не эту, а другую, с детенышем. Две лайки помогли мне. Мать неохотно позировала, рычала. А росомашенок, как видите, совсем не возражал, когда я фотографировал его. Этот снимок я сделал в Туруханском районе Красноярского края, на левобережье Енисея.

Борис
НАКОНЕЧНЫЙ

Фото автора

Чудо-кактусы

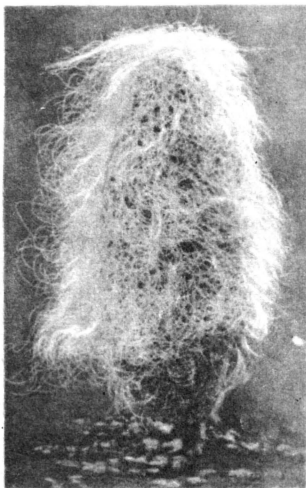
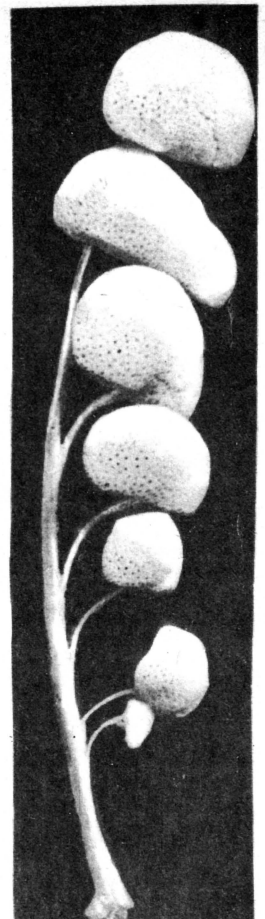
Многие цветоводы выращивают кактусы.

Первую небольшую коллекцию кактусов привез в Европу Колумб, он подарил ее двору испанского короля. Сейчас на земном шаре произрастает около четырех тысяч видов — от малютки со стволом меньше сантиметра до кактуса-великана двадцатиметровой высоты.

В нашей стране имеются уникальные экземпляры этих экзотических растений. Все они носят странные имена. Это — Колесо, словно обмазанное пухом, Царица ночи, распускающая свои крупные золотисто-белые цветки на одну ночь в году, Покрытый одеялом — он весь укутан прозрачной пленкой-пушком, голова старца...

На снимке (см. 3-ю стр. обложки): редкий кактус Голова старца.

Такою удивительную гору, похожую на отдыхающего верблюда, сфотографировал в степи Восточного Оренбуржья и прислал снимок в нашу редакцию оренбуржец Станислав Славцев.

...Сонька бежала среди белых дюн. Она никогда еще не убегала так далеко. Уже солнце перешло зенит и сходило к горизонту, а у нее не было сил повернуть назад к привычному и знакомому — к уютной угловой комнате на первом этаже интерната.

Вдруг Сонька остановилась и облизала потрескавшиеся губы. Светлые глаза ее под выгоревшими бровями тревожно проследили за яростно взревшим пустынным небом.

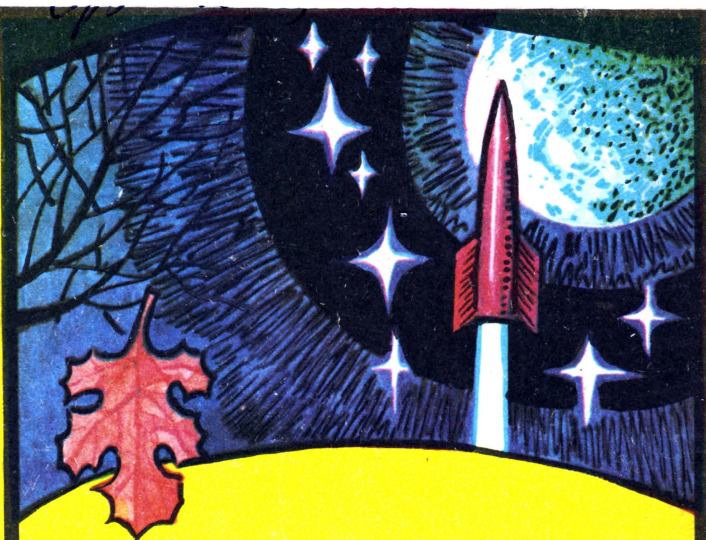
И в этот миг со стороны моря появился самолет. Он скользил все ниже и ниже, почти касаясь дюн.

В следующее мгновение Сонька упала на песок и закрыла ладонями уши. Но рев внезапно оборвался. Потом раздался упругий удар, за ним другой...

Так начинается повесть Валентина **НОВИКОВА** «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ».

В этот день воспитанница интерната Соня Боткина, рано лишившаяся родителей-рыбаков, погибших в море от немецкой мины, встретила с летчиком-испытателем Исаевым. Он отрабатывал на новом самолете вертикальную посадку, а Сонька подумала, что произошла авария.

Знакомство переросло в дружбу. Исаеву хотелось видеть в Соньке свою дочь, а Сонька страстно желала помочь этому сильному и мужественному человеку, скрасить его одиночество, вернуть в его запущенный дом любимую им женщину.

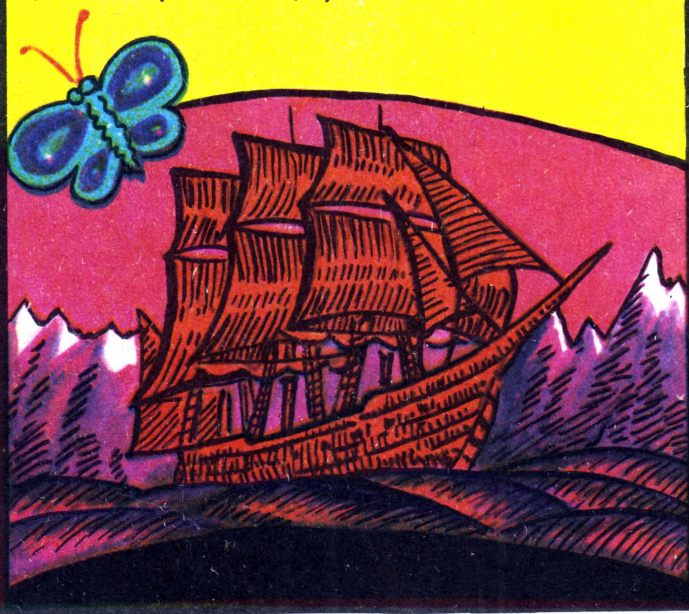

В повести мы встретим интересные характеры одноклассников Соньки — «трудновоспитуемого» Игоря Смолодина, добряка и художника Фили Горохова, директора интерната и преподавателей, товарищей Исаева.

Повесть «Четвертое измерение» насыщена событиями веселыми и грустными. Соня Боткина, сама того не подозревая, проходит серьезную школу воспитания человечности.

Многим читателям знаком автор детективных произведений Сергей **БЕТЕВ**. Он предложил нам новую повесть из цикла «А ФРОНТ БЫЛ ДАЛЕКО». (Более десяти лет назад первая повесть из этого цикла была опубликована в журнале «Юность».) В новом произведении Сергей Бетев продолжает рассказ о купавинцах — жителях небольшой уральской железнодорожной станции, об Афоне — пожилом стороже, который в тяжелые военные годы взял на себя непосильную заботу о всех ребятах поселка.

В 1976 и 1977 годах в нашем журнале публиковались повести Бориса **АЛМАЗОВА** «Самый красивый конь» и «Деревянное царство». Ныне писатель представил нам оригинальную рукопись — художественную энциклопедию о лошадях, серию интереснейших рассказов «ПРОЩАЙТЕ И ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОНИ!»

Читайте в 1978

НАПОМИНАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ, ЧТО ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО. НАШ ИНДЕКС В КАТАЛОГЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» — 73413. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 4 РУБ. 20 КОП.